ЛОРА БЕКИТТ

ЗАПРЕТНЫЙ РАЙ

Запретный рай
Лора Бекитт

Аннотация
Лора Бекитт. Запретный рай
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья

Аннотация

В далеком 1846 году на одном из островов южных морей судьба свела француженку Эмили Марен и вождя полинезийского племени Атеа. Ради белой девушки Атеа бросает свою невесту, красавицу Моану, а Эмили готова променять жизнь в Париже на любовь «дикаря». Но влюбленные еще не знают, какие испытания ждут их на пути к запретному счастью…

Лора Бекитт
Запретный рай

Посвящается моей дочери

Глава первая

В этом мире были только небо и море, море и небо — бесконечная голубая пустота. Казалось, барашки пены являются отражением белоснежных облаков.

Здесь было удивительно легко почувствовать, как прекрасна жизнь, ощутить полную свободу и безграничное счастье, и Эмили говорила себе, что если б она была Господом Богом, то создала бы рай именно таким, ничего не убавляя и не прибавляя.

Вечный пассат дул в полную силу, и она жадно вдыхала свежий соленый воздух. Девушка редко покидала палубу «Дидоны», торговой шхуны, державшей курс к берегам Французской Полинезии[1]. Взятый в дорогу дневник, куда она собиралась записывать свои впечатления, лежал в сундуке, ибо грудь распирали чувства, которые невозможно выразить словами.

Отец Эмили, Рене Марен, член Французского географического общества, неутомимый исследо-

---

[1] Примечания: 1

Владение Франции в восточной Полинезии. Включает около 130 островов.

ватель южных морей, уже побывал здесь около года назад и провел несколько месяцев в племени на-ики, живущем на одном из Маркизских островов[2].

Едва ли он взял бы дочь в столь далекое путешествие, но в последнее время Эмили сильно замкнулась в себе; единственными спутниками ее жизни были книги, и она почти не покидала домашней библиотеки, где могла найти любой том даже с закрытыми глазами.

Рене видел, что его дочь ведет себя не так, как другие девушки. Выросшая без матери, Эмили с детства была предоставлена самой себе и часами пребывала в своем внутреннем мире.

Рене волновала ее неустроенность. Они не заговаривали об этом; хотя если прежде, размышляя о замужестве, Эмили чувствовала себя мышью, чудом избежавшей мышеловки, то теперь затянувшееся девичество вызывало у нее тревогу.

Рене не знал, как спасти положение. Если б они были богаты… Но бесконечные потрясения, терзавшие Францию почти полвека, оставили от его накоплений лишь какие-то крохи. К тому же он слишком много тратил на путешествия и книги.

---

[2] Примечания: 2

Архипелаг, объединяющий острова Эиао, Нуку-Хива, Уа-Хука и др. Аннексирован Францией в 1842 году.

Единственное, что он мог предложить своей дочери, так это смену впечатлений. Рене казалось, что мир, где не ощущается никаких границ, поможет Эмили открыть в себе что-то новое и как-то изменит ее жизнь.

А у нее сквозь восторженное ликование пробивались мысли о том, что на населенном дикарями острове она будет так же одинока, как и в Париже.

Словно угадав, о чем она думает, отец сказал:

— Дочь вождя племени может стать твоей подругой.

Дикарка, не прочитавшая ни одной книги? Эмили посмотрела на Рене с недоумением, и тот пояснил:

— Это очень умная и любознательная девушка. К тому же Моана знает французский: она посещала школу, которую организовали наши миссионеры.

— Моана? Но ведь так туземцы называют океан! — Последние месяцы Эмили усиленно учила язык маркизцев по составленному отцом словарю.

— Да. В какую бы сторону ни глядел туземец со своего острова, он всегда видит только Моану, прекрасный, изменчивый и вместе с тем вечный

океан с женским именем.

— Эта девушка — христианка?

— Им трудно понять нашу веру, — уклончиво произнес Рене.

— Да, с ними не соскучишься! — подхватил подошедший к ним капитан «Дидоны». — Помню, как они смеялись, когда священник рассказывал им про Господа: «Как же ваш Бог мог иметь Сына, если у него никогда не было жены!».

— Во всем виноваты тропики, этот земной рай, где нет понятия о грехе, — сказал Рене.

Вскоре на горизонте стали появляться одетые зеленью скалистые острова. Облака цеплялись за вершины гор, а прибой окаймлял берега, словно кружевное жабо.

— Может, все же взять курс на Нуку-Хива? — спросил капитан. — Там, по крайней мере, есть гарнизон.

— Нет-нет. На Нуку-Хива слишком много французов. Мы высадимся на Тахуата.

— Вы уверены, что вам ничего не угрожает? Что этим дикарям не придет в голову скажем… пообедать своими гостями?

Рене рассмеялся.

— Арики, то есть вождь племени на-ики, — мой давний друг. Поверьте, нас никто не тронет. О,

кажется, нас заметили!

Эмили увидела группу идущих по берегу людей: ее внимание привлекли яркие женские украшения и бронзовые торсы мужчин. Она знала, что отец припас для островитян незатейливые подарки; что касается ее, то она взяла с собой много душистого мыла и все известные ей лекарства от расстройства желудка и кожных болезней.

— Не правда ли красавцы? — сказал Рене, разглядывая гибкие, блестящие, натертые кокосовым маслом тела островитян, а капитан с усмешкой ответил:

— До прихода европейцев эти «красавцы» даже не знали, что такое колесо!

— Колеса нужны там, где есть дороги. Полинезийцы же передвигаются только на лодках. Даже сражаться предпочитают на море.

— Они часто воюют?

— Не очень. Туземцы безразличны к захвату чужих территорий. Иное дело, если задета гордость племени.

— На Нуку-Хива есть удобная гавань, Танохое, а здесь не знаешь, где пристать, — проворчал капитан.

Судно бросило якорь по внешнюю сторону рифа, и путешественники спустились в шлюпки.

— Через три месяца, мсье Марен? — уточнил капитан, отдавая распоряжения матросам.

— Да, — подтвердил Рене, — через три месяца.

— Желаю удачи! Особенно вам, мадемуазель Эмили.

— Спасибо, — ответила девушка.

Вода у берега была такой же зеленой, как и пышная растительность Тахуата, достойная лучших оранжерей мира.

Эмили осторожно ступила на сушу. Белый сухой песок, мелкие камни, обломки кораллов, торчащие там и сям, похожие на обглоданные кости мертвые ветви без листвы и коры.

В туфли тут же набился песок; к тому же Эмили страдала от жары: плотный слой ткани не давал коже дышать, а корсет впивался в ребра.

Вождю племени она бы дала лет пятьдесят. Его руки покрывали сложные татуировки, великолепный головной убор был увенчан яркими цветами и пышными перьями. В одной руке Лоа держал изящный веер из искусно сплетенных листьев пандануса с красивой резной рукояткой, а в другой — длинный жезл, украшенный человеческими волосами.

Эмили с опаской подумала о том, не сняты ли они с головы врага?

Вождь церемонно приветствовал Рене, тогда как стоявшая рядом с ним девушка с открытой улыбкой шагнула навстречу Эмили.

У Моаны была кожа цвета старого меда, ее крупные зубы сверкали на солнце, а глаза были очень черными и глубокими. Цветочная гирлянда едва прикрывала полную грудь, а сквозь разрезы на юбке виднелись стройные ноги.

Эмили гордилась своими волосами, но их густота не шла ни в какое сравнение с роскошной волнистой гривой, какой обладала Моана.

Решив блеснуть своими познаниями, Эмили произнесла приветствие на маркизском, и туземка звонко расхохоталась.

— Ты перепутала гласные, потому получилось совершенно другое слово, — пояснил отец смущенной дочери.

Большинство слов маркизского языка в самом деле в основном состояло из гласных, отчего крайне трудно запоминались.

— Моана, — представилась дочь вождя.

— Меня зовут Эмили.

— Эмалаи! — воскликнула туземка, переиначив услышанное на полинезийский манер. — Какое красивое имя!

Взяв девушку за руку, Моана потянула ее за

собой. От нее исходило ощущение какой-то странной, властной, но не угрожающей, а скорее успокаивающей силы.

Эмили оглянулась на отца, и он ободряюще улыбнулся дочери, после чего завел с вождем серьезный мужской разговор.

Дорог и вправду не было: лишь узкая тропинка вилась меж могучих стволов. Вглубь острова уходили изумрудные дебри; Эмили ощущала острый запах свежей зелени и земли.

Туземцы привели путешественников в деревню. В лучах полуденного солнца желтые бамбуковые хижины казались золотыми. Рядом с огромными деревьями они выглядели как кукольные домики, однако внутри можно было выпрямиться во весь рост.

Моана что-то быстро произнесла, и Рене перевел:

— Она предлагает тебе поселиться в ее хижине. Иди за ней. Мы скоро увидимся: после того, как слуги Лоа приготовят угощение, нас пригласят на пир.

Кивнув отцу, Эмили последовала за дочерью вождя.

Хижину окружала низкая ограда из плоских коралловых плит, внутри пол покрывал слой

обкатанного волнами гравия. Мебели не было; стены украшали яркие циновки. Сняв одну из них и постелив на пол, Моана предложила гостье сесть.

В ожидании обещанного вождем пира Эмили решила распаковать вещи. Моана внимательно наблюдала за ней, иногда осторожно прикасаясь к незнакомым предметам и издавая изумленные или восторженные звуки.

В конце концов они обменялись подарками: Эмили вручила Моане маленькое зеркало (роль которого в хижине туземки выполняла наполненная водой половинка кокосового ореха), а девушка преподнесла ей ожерелье из перламутровых ракушек.

— Ты дашь мне прядь своих волос? — спросила дочь вождя. — Я сплету из них браслет, какого нет ни у кого из на-ики. Я всегда мечтала о браслете из светлых волос. А тебе сделаю украшение из своих.

Эмили хотела сказать, что ей не нужен такой подарок, но потом молча вынула из футляра серебряные ножницы, отрезала белокурую прядь и протянула девушке.

— Тебе лучше снять эту одежду, — сказала Моана. Ткнув пальцем в бок гостьи, она уставилась

на нее с величайшим удивлением. — Почему ты такая твердая? Что там?

— Корсет. Это как бы… вторые ребра.

— Клетка для тела! — в ужасе вскричала девушка. — Зачем?! Если тело заперто в клетку, то и душа несвободна!

Эмили постаралась набраться терпения.

— Я не могу ходить так, как ты. У нас это не принято, считается постыдным.

Туземка пожала плечами.

— Тогда ты будешь чувствовать себя, как в земляной печи. Если ты избавишься от неудобной одежды, я уберу тебя цветами, и ты будешь выглядеть гораздо лучше, чем сейчас.

Эмили вспыхнула и не нашлась, что ответить. Предупреждая дочь о том, что полинезийцы ходят полуголыми, и объясняя это не бесстыдством, а тем, что они живут в жарком климате, Рене не сказал, а как же быть ей?

Она обрадовалась, когда одна из служанок Моаны сказала, что их зовут на пир, не потому, что проголодалась, а оттого, что не знала, о чем и как разговаривать с дочерью вождя. Эта девушка с быстрыми черными глазами и золотистой кожей казалась ей поразительно чужой: она была чересчур полнокровной, жизнь в ней била ключом,

чувства рвались наружу, и она не стеснялась их выражать.

Эмили чудилось, что они никогда не смогут понять друг друга.

На циновках были разложены горы еды: очищенные бананы, гуава и манго, каша из перебродивших плодов хлебного дерева, нечто вроде пудинга из клубней таро, рыба, сваренная в кокосовом молоке, жареная свинина — редкое лакомство, которое могли позволить себе только вождь, старейшины, жрецы и члены их семей. Мужчинам предлагалась кава, опьяняющий напиток из разведенного в воде порошка корней перечного дерева.

Не успели гости приступить к еде, как послышалась барабанная дробь и рев трубы из раковины, и на площадке появились грациозные смуглые девушки и юноши. Их гибкие тела ритмично двигались под звуки барабанов, ноги отбивали такт, а легкие украшения из перьев колыхались в воздухе.

Пир продолжался долго. Эмили удивилась, заметив, что огромное оранжевое солнце коснулось зазубренных вершин: она не подозревала, что прошло столько времени.

Закат был столь же ослепительно-ярким, сколь

и стремительным: «домой» возвращались уже в темноте. Густой черный лес с огромными, поблескивающими в лунном свете листьями стоял, словно глухая стена. Звезды над головой казались незнакомыми и слишком большими; проглядывавшие сквозь ажурные листья пальм, они пульсировали, словно угли на ветру.

— Когда находишься здесь, порой забываешь, что на свете есть какой-то другой мир, — заметил Рене.

Со стороны океана веяло прохладой. Светящиеся волны прибоя с громким шумом разбивались о берег и убегали в темноту.

Пол в хижине был испещрен пятнами лунного света. Сняв украшения, Моана осталась в одной набедренной повязке из тапы. Эмили отметила, что хотя улыбка полинезийки была наивной и безмятежной, осанка и жесты говорили о гордыне.

Во время пира она кое-что узнала об этой девушке. Вождь имел много жен и детей; Моана была старшей и, очевидно, самой любимой его дочерью. Лоа очень ценил и уважал ее. Она была в курсе всего, что творилось в племени, и знала даже о том, что традиционно обсуждалось только в мужском кругу.

— Ты видела других белых, кроме наших миссионеров? — спросила Эмили, поймав внимательный взгляд девушки и опасаясь, что речь вновь зайдет об одежде.

— Да, на Нуку-Хива. Мы ездили туда с отцом. Ни ему, ни мне не понравилось, как на меня глядели белые мужчины. Они не понимают, что я не могу выйти замуж за простого человека.

— Вот как? Значит, ты не вольна в выборе супруга?

— Мне позволено стать только женой вождя.

— А ты уже знаешь, за кого выйдешь замуж?

Губы Моаны тронула легкая улыбка.

— За Атеа, вождя с острова Хива-Оа. Там тоже живут на-ики, но у них всегда были свои арики, как и на Уа-Хука и Уа-Пу.

— Сколько ему лет? — спросила Эмили, полагавшая, что вожди бывают только пожилыми.

Моана два раза показала все пальцы на руках, потом добавила еще три и сказала:

— Он сделался арики год назад, после смерти своего отца.

Эмили не знала, стоит ли задавать этот вопрос, но все же не удержалась:

— Ты его любишь?

Сделав небольшую паузу, Моана ответила:

— Атеа не может не нравиться. Хива-Оа — самый ближайший остров, и он в четыре раза больше Тахуата. Сам Атеа очень умен: он единственный, кого белые люди сумели научить читать и писать на вашем языке. Правда, потом он рассорился с ними.

— Почему?

— Он сказал им, что хотя Библия содержит немало ценного, в ней также написано много глупостей, и заметил, что нашему народу полезнее придерживаться прежней веры, — сказала Моана и добавила: — Атеа всегда говорит то, что думает, и поступает так, как считает нужным. А все потому, что, несмотря на молодость, он наделен очень большой маной.

— Что такое мана?

— Мне трудно объяснить, ибо она непостижима, ее можно только почувствовать, — помедлив, ответила девушка. — Человек, обладающий маной, способен отдать приказ без слов, убить врага, не прикасаясь к нему. Посмотреть на тебя так, что ты захочешь склониться перед ним. Мана приносит удачу и счастье.

— Внутренняя сила?

— Да.

— А у женщин она бывает? — спросила Эми-

ли, вспомнив свои ощущения при знакомстве с Моаной.

— Боги дают ману только мужчинам. Больше всего ее у вождей, потому они могут распоряжаться другими людьми, решать судьбу племени. Такая сила есть у жрецов и разных умельцев, но у них ее намного меньше. Женщины могут обладать чем-то подобным, но это не мана. Ты наверняка когда-нибудь видела женщин, вокруг которых всегда много мужчин?

Отметив про себя, что сама она никогда не принадлежала к числу таких особ, Эмили сказала:

— Как правило, это очень красивые женщины.

— Необязательно. Просто в них есть что-то влекущее, властное: мужчины стремятся к ним, забывая себя.

— Мне кажется, у тебя есть такая сила, — рискнула произнести Эмили.

Моана гордо тряхнула головой, и ее роскошные волосы заструились по спине.

— Я — дочь вождя, и простые мужчины не смеют ко мне подходить. А мужчин, наделенных маной, не так уж много.

Эмили сняла корсет, платье, переоделась в сорочку и расчесала волосы. Взяв корсет в руки, Моана долго разглядывала его, но ничего не

сказала. Зато отделанные кружевом панталоны гостьи вызвали у нее откровенный смех.

Плетеные стены хижины пропускали прохладный ночной воздух. Эмили укрылась легким одеялом из своих запасов. После насыщенного впечатлениями дня она приготовилась сладко заснуть, но сон не шел.

Рене полагал, что привез ее в то место, где отпускают все тревоги на свете. Ни он, ни Эмили не предполагали, что она возьмет свои проблемы с собой.

Она могла сколько угодно всматриваться в линию горизонта, пытаясь разглядеть свое будущее, и говорить себе, что это путешествие поможет ей начать новую жизнь. На самом деле Эмили не была готова к переменам и не знала, чего она хочет.

Отец не годился в советчики. Рене был добрым, много знающим человеком, но таким же беспомощным перед реальной жизнью, как и она сама. В глубине души он надеялся, что рано или поздно дочь выйдет за человека много старше себя, который обеспечит ей пусть не слишком радостное, зато спокойное и безбедное существование. Однако он до сих пор боялся заговорить об этом с Эмили, начитавшейся романтической

литературы.

Француженка завидовала Моане, чья жизнь была расписана наперед, которая, похоже, умела находить удовлетворение, смысл и красоту в простых вещах и никогда не страдала от беспричинной печали и скуки.

Под утро крепко спящую девушку разбудил ликующий птичий хор. Последние порывы свежего ночного ветра сменились приятным теплом. По бамбуковой плетенке забегали шустрые солнечные зайчики.

— Ты умеешь плавать? — спросила Моана, заметив, что гостья открыла глаза.

— Нет, — ответила Эмили, и туземка уставилась на нее как на человека, заявившего, что к двадцати годам он не научился ходить.

— Тогда мы не будем купаться в море, а пойдем к водопаду.

Под пристальным взглядом Моаны Эмили натянула платье, оставив корсет на циновке, и девушки вышли из хижины.

Необъятный океан сливался с синим небосводом. Поодаль от берега протянулся живой коралловый барьер, о который разбивались блестящие голубые валы, окаймленные кипящей белоснежной пеной. Вглубь острова уходили рай-

ские долины. Землю покрывал густой травяной ковер, над головой раскинулись веера пальм, косматые кроны пандануса, мощные зонты древовидного папоротника.

Неожиданно Эмили ощутила мощный прилив свежих сил. Ей хотелось ступить на землю босыми ногами, однако еще вчера отец посоветовал дочери не снимать обувь, дабы случайно не наступить на кусок коралла или острый камень. Эмили сразу заметила, что, в отличие от ее нежных ступней, кожа на подошвах ног не знающих обуви туземцев была твердой, как рог.

Пробираясь сквозь изумрудные дебри вслед за Моаной, она с тревогой думала о том, не было ли утреннее омовение общим. Если островитяне обоего пола не стыдились ходить полуголыми, что им стоило погрузиться в одну и ту же купель!

Моана угадала ее мысли:

— Не бойся, сюда ходят только девушки. Вождь наложил табу на появление здесь мужчин. Если женщина хочет уединиться с мужчиной, она идет в другую сторону.

— Уединиться с мужчиной? Ты хочешь сказать, с мужем?

Туземка усмехнулась.

— Если женщина захочет провести время с

мужем, то останется в своей хижине. Я говорю о незамужних.

Эмили залилась краской.

— Вам позволено делать *это* до свадьбы?

— Да. Хотя девушка далеко не всегда выходит замуж за одного из тех, с кем ходит в лес.

Вспомнив о том, что на языке маркизцев «любовь» и «совокупление» — одно и то же слово, Эмили вновь подумала о том, что они с Моаной никогда не поймут друг друга.

— Так поступают все?

— Почти все. Кроме таких, как я, потому что вождь может взять в жены только девственницу.

— После свадьбы вы ведете себя столь же свободно?

— Нет. Муж волен наказать жену за измену.

С высоченной скалы, куда не мог взобраться лес, с грохотом падала вода, образуя пенный водоворот в выбитом в камне огромном естественном бассейне, у края которого можно было купаться, не боясь утонуть.

— Раздевайся! — крикнула Моана. — Идем!

И протянула Эмили руку.

Когда та погрузилась в кипящий поток, у нее захватило дух. Вода обнимала ее тело, струилась

меж пальцев, осыпала волосы сотней крохотных бриллиантов.

Мгновение — и Эмили почудилось, что она прозрела. С ее глаз словно спала пелена, и все вокруг сделалось поразительно обновленным, красивым. Она видела краски, слышала звуки, каждая частичка ее тела отзывалась на то, что происходило вокруг. Девушке чудилось, будто она угодила в волшебную купель, волную живой воды, пробуждающей и возрождающей силы.

— Твое тело нравится мужчинам? — спросила Моана, скользя взглядом по ее тонкой белой коже.

— Ни один из них не видел того, что сейчас видишь ты. У нас не принято обнажаться даже перед женщинами. Во всяком случае так ведут себя те, кто хочет считаться порядочными.

— К чему такие запреты? Ведь ты не знатного рода. Ты не дочь короля или вождя!

— Это не имеет значения. Просто я живу в другом мире.

Они вернулись к хижине смеющиеся, чистые и страшно голодные. Эмили обрадовалась фруктам и кокосовому молоку. Отправившись гулять, она сделала простую прическу, не надела ни корсета, ни чулок и лишь взяла с собой зонтик.

День прошел так же, как и начался: оживленно, весело и быстро. Островитяне были очень жизнерадостными людьми — Рене объяснял это тем, что в отличие от европейцев полинезийцы не страдают от внутреннего разлада. У них общий взгляд на жизнь, одинаковые установки и запреты. Им неведомы ни политические противоречия, ни религиозные конфликты.

Мужчины строили хижины, ловили рыбу, изготавливали орудия труда. Женщины плели циновки, собирали топливо для земляных печей, готовили еду. За детьми никто не присматривал, ибо те с раннего детства умели плавать как рыбы, а если бы даже какой-то ребенок заблудился на острове, ему не грозила ни голодная смерть, ни гибель от диких зверей.

Как представительница местной аристократии Моана занималась в основном тем, что ей нравилось, а для тяжелой и грязной работы у нее были служанки. Она с удовольствием делала украшения из кораллов, ракушек, черепашьих панцирей и акульих зубов, плела цветочные гирлянды, а также готовила незамысловатое приданое.

Узнав о том, что им предстоит присутствовать на помолвке, а возможно, и бракосочетании Моаны с Атеа, Рене воскликнул, радостно потирая

руки:

— Это большая удача! На полинезийскую свадьбу, особенно если замуж выходит дочь вождя, стоит посмотреть!

Эмили тоже с нетерпением ждала этого интересного события. Ее огорчало лишь то, что после заключения брака Моана должна уехать с мужем на его остров. Впрочем по прибытии «Дидоны» самой Эмили тоже предстояло навсегда покинуть Тахуата.

Прошло немного времени, и парижская жизнь уже казалась ей далеким сном. Серые призраки прошлого растаяли, как облака над океаном. Пребывая в раю, девушка радовалась, что впереди еще много беззаботных и светлых дней.

Глава вторая

Эмили знала от отца, что первые католические миссионеры высадились на Маркизских островах еще в прошлом веке. Однако задача обратить туземцев в Христову веру оказалась не такой простой, как представлялось на первый взгляд. Хотя миссионеры изо всех сил старались расположить полинезийцев в пользу Франции, обучить их языку, ввести новые обычаи, большинство островитян оставались равнодушными к чужой религии и культуре.

В 1836 году к архипелагу подошел военный корабль. На этот раз туземцы оказались сговорчивее — им было нечего противопоставить французским пушкам. Хотя адмирал Дю Пети-Туар и объявил Маркизские острова протекторатом Франции, чтобы сломить сопротивление местных жителей, ему не раз пришлось применять военную силу.

Между тем, после того, как французы упустили возможность колонизировать Новую Зеландию, уступив ее Великобритании, правительство короля Луи-Филиппа решило наверстать упущенное в

Океании. Был подписан указ об основании здесь военно-морской базы. Выбор пал на Маркизские острова, имеющие удобные бухты и расположенные на скрещении многочисленных морских путей. Архипелаг предполагалось захватить либо путем уговоров местных вождей, либо с помощью силы.

Запугиванием, подкупом и обманом французам удалось заставить туземного правителя острова Нуку-Хива подписать акт о повиновении. Однако Тахуата, Хива-Оа и другие отдаленные острова до сих пор находились под единоличной властью племенных вождей, которые не собирались отдавать свои земли чужакам. Рене Марен всерьез полагал, что осталось не более пяти-шести мирных месяцев, после чего здесь может разразиться кровавая бойня.

Отдавая дочь замуж за молодого вождя Атеа, Лоа не только обеспечивал ее счастье, но и укреплял союз двух племен.

Посланник с Хива-Оа прибыл несколько раньше арики и его свиты, потому у Моаны была возможность подготовиться к встрече жениха.

Эмили с удовольствием наблюдала за тем, как служанки помогали Моане закрепить на лбу широкую повязку, украшенную крупными

жемчужинами и радужными перьями, нацепить пояс с арабесками, вырезанными из черепашьих панцирей, а также надеть передник из узких перламутровых пластинок.

Глаза юной невесты блестели от радостного возбуждения. Благоухающий кокосовым маслом поток волос струился почти до колен.

Едва Моана завершила свой туалет, торжественная процессия во главе с вождем Лоа направилась к берегу.

Большая лодка огибала риф, издали казавшийся гигантским жемчужным ожерельем, брошенным на голубой ковер океана. Волны прибоя разбивались о выступавшие из-под воды коралловые острия, рассыпаясь в воздухе веером брызг. В окружении бесчисленного множества мертвых сородичей теснились живые кораллы, стелились шелковые ленты и кружевные скатерти неведомых подводных растений.

Когда лодка подошла ближе, Эмили расслышала стройное пение гребцов и что-то похожее на молитву, громко произносимую пожилым, сплошь покрытым татуировками человеком, очевидно, жрецом.

Вождь стоял на носу. Его головной убор издали напоминал епископскую митру, грудь украшало

ожерелье из острых акульих зубов, сверкавших на солнце, подобно алмазам.

Когда лодка достигла мелководья, он перешагнул через борт и направился к берегу. Эмили чудилось, будто он идет по воде, до того величественной и одновременно легкой была его походка.

Едва Атеа ступил на берег, вожди обменялись долгими и сложными приветствиями.

Пользуясь тем, что жених Моаны поглощен церемонией, Эмили с любопытством разглядывала его. Лишенное каких-либо пороков, даже малейших пятен (кроме таинственных узоров татуировки на предплечьях), золотисто-коричневое тело Атеа могло послужить отличной моделью любому скульптору.

Волнистые волосы, как и грива Моаны, поражали своей густотой, а зубы были белее и крепче слоновой кости.

Момент, когда Атеа наконец заметил присутствие европейцев, Эмили запомнила на всю жизнь.

Он впился в нее взглядом, и ей чудилось, что этот взгляд прожигает дыры в ее душе. Глаза Атеа были черны, как тропическая ночь, они казались поразительно чужими и даже больше

— враждебными.

Его сила обволакивала Эмили и затягивала в темную пучину. Так вот что такое мана! Странно, что она не ощущала ее в отце Моаны, хотя он тоже был вождем. Быть может, причина заключалась в том, что в отличие от Атеа Лоа не был ни молод, ни красив?

Арики с Хива-Оа что-то быстро и негромко произнес, и Рене переспросил:

— Что он сказал?

— Что белые люди не являются нашими правителями, — немного смущенно сообщил Лоа.

— Мы с дочерью приехали лишь затем, чтобы изучать ваши обычаи, — промолвил Рене, обращаясь к вождю Хива-Оа, но Атеа не удостоил его ни ответом, ни даже взглядом.

— Моана утверждала, что этот человек хорошо знает французский. Почему же он не говорит на нашем языке? — шепнула Эмили отцу.

— Не считает нужным. Кто мы такие, чтобы он снисходил до нас? В его глазах мы ничего не стоим.

— Какой он высокомерный!

Рене пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, noblesse oblige[3]! Он должен беречь свою ману.

— А что с ней может случиться?

— Боги дают силу, боги ее отнимают. Арики может утратить ману, если поведет себя не так, как приличествует благородному человеку, проявит трусость в бою или поставит личные интересы выше интересов племени.

К Атеа подошла сияющая, довольная Моана. Они великолепно смотрелись рядом, и Эмили не понимала, что вызывает ее раздражение: физическое совершенство этих людей, заносчивость молодого вождя или… отблеск счастья, какое ей самой едва ли суждено изведать.

Туземцы обменивались дарами, танцевали, пировали, тогда как Эмили вновь пребывала в своем пасмурном мире. Впервые за много дней она вспоминала Париж с громадами домов из серого камня, железными оградами и узкими сумрачными переулками, свой мраморный в трещинках умывальник и фарфоровый кувшин со щербинкой. Кровать с покрывалом из пестрого репса, под которым так уютно мечтать и оплакивать мечты, ряды книг с неповторимым запахом

---

[3] Примечания: 3
Положение обязывает (*фр.*).

старой бумаги и кожи.

Вечером, когда они с Моаной пошли купаться к водопаду, Эмили спросила, вспоминая полный неприкрытого сладострастия танец, который девушка исполняла на празднике перед своим женихом:

— Наверняка ты с нетерпением ждешь свадьбы?

Выбравшись из пенной чаши, Моана выжимала локоны, скручивая их в толстый тугой жгут, вытирала тело, чтобы затем умастить его пахучими притираниями, принесенными в большой круглой раковине.

— Да. Во время нашей близости Атеа поделится со мной частью своей божественной силы, которая в конце концов пробудит во мне новую жизнь, — с воодушевлением произнесла девушка.

Эмили вспыхнула.

— Ты мечтаешь только об этом, а не о… любви?

— Разве есть другая любовь?

— Конечно, та, что живет в сердце. Можно любить душой, а не телом.

Моана задумалась.

— Даже если ты права, разве это может быть приятнее?

Услышав ее ответ, Эмили начала понимать, почему католические священники потерпели неудачу с туземцами. Она вновь вспоминала слова отца: «Любовь в полинезийском языке обозначается словом *here*, что значит «совокупляться». Миссионеры попытались заменить его словом *aloha*, что не совсем верно, потому что *aloha* переводится как «сочувствие» или в лучшем случае «симпатия». Тогда они стали употреблять вместо слова «любовь» слово «сердце», хотя маркизцы никак не связывают чувства с этим органом».

— Думаю, может, — сказала Эмили, после чего решила привести последний довод: — Ты ведь тоже не знаешь, что такое плотская связь?

На лице Моаны отразилось сомнение. Казалось, ее раздирают некие противоречивые чувства.

— Я расскажу тебе секрет, о котором никто не должен знать, — наконец прошептала она. — Я ходила в лес с одним юношей из нашего племени, мы провели вместе целый день. Мне хотелось узнать, так ли приятно то, о чем говорят другие девушки. Разумеется, я предупредила его, чтобы он не лишал меня девственности, и он сдержал слово. Мы прижимались телами, я позволяла ему трогать себя везде. Мне было очень хорошо,

я никогда не испытывала ничего подобного. И теперь я могу представить, *что* испытаю, когда мужчина овладеет мной по-настоящему.

В эти минуты Эмили почувствовала то же самое, что ощутила, когда впервые соприкоснулась с маной: картины, которые явило ее воображение, одновременно завораживали и ужасали. Ее захлестнул стыд, сквозь который невольно пробивалось любопытство. Девушка понимала, что проиграла в споре: в отличие от Моаны она не имела опыта ни душевной, ни физической любви.

— А если он проболтается? — это было все, что она могла сказать.

Моана гордо тряхнула головой.

— Не посмеет, если не хочет смерти.

— Почему ты выбрала его? Он тебе нравился?

— Да.

— Больше, чем Атеа?

— Никто не может нравиться больше Атеа, потому что он арики.

— А если б он был уродлив и стар?

— Отец никогда не выдал бы меня за такого человека.

Из-за приезда гостей и последующего праздника они отправились купаться поздно, потому

вернулись в хижину уже на закате, яркие отсветы которого пробегали по каменным кручам и древесным кронам.

— А вождь может уединяться с кем-то до брака? — это было последнее, о чем Эмили решила спросить сегодня.

— Да, с любыми женщинами. Но в жены он имеет право взять только знатную девушку, вроде меня.

Атеа надлежало прожить на Тахуата три дня и вернуться на остров через месяц, когда должна была состояться свадьба. Все эти дни прошли в непрерывных празднествах, так что молодой вождь ни на минуту не оставался наедине с невестой. Впрочем Эмили казалось, что он поглощен только собой.

Потому она несказанно удивилась, когда Атеа заявил, что хочет побеседовать с Рене.

Француз и полинезиец встретились в тени кокосовых пальм, овеваемых жарким ветром. В паре футов волны лизали берег, но они были бессильны дотянуться до сухого ствола, на котором сидел Атеа. На сей раз на нем не было ни пышного головного убора, ни многочисленных украшений, ни многослойных одежд, служивших мерилом и демонстрацией особого положения, —

лишь набедренная повязка из тапы и ожерелье из акульих зубов.

Рене низко поклонился человеку, который был моложе его в два раза, и с разрешения вождя присел на корточки рядом с ним.

— Что происходит на Нуку-Хива? — без предисловий спросил Атеа.

— Не знаю. В этот раз я туда не заезжал.

— Но вы наверняка что-то слышали?

Рене вздохнул.

— Сейчас французы заняты тем, что выясняют отношения с англичанами. Однако думаю, через несколько месяцев они двинутся к Хива-Оа.

— В вашей стране часто меняется власть. Кто правит сейчас?

— Король Луи-Филипп.

— Это надолго?

— Полагаю, нет, но для вас не будет большой разницы. Любое правительство не откажется от желания основать на ваших островах морскую базу.

— А мы не отступим от решения до конца защищать наши земли.

Рене подумал, что лучше сказать правду:

— Что вы будете делать, когда к Хива-Оа подойдет корабль с пушками?

На лице Атеа не дрогнул ни один мускул.

— Корабль нам не страшен. Он не может плавать по суше. Мы уйдем вглубь острова, и пушки нас не достанут.

— Солдаты высадятся на берег и пойдут следом за вами.

— Мы знаем наш остров, а они — нет. Мы спрячемся в зарослях, а они заблудятся в них. А еще на Хива-Оа построена крепость, в которой можно укрыться. Она расположена на холме, и с нее удобно метать камни.

— У французов есть ружья.

— У нас тоже. Сто ружей и двести воинов, умеющих из них стрелять.

Рене онемел от изумления. О таком он слышал впервые!

— Где вы взяли оружие?!

— На Нуку-Хива. Я продал самый лучший жемчуг, а на вырученные деньги купил ружья.

— Вы ездили туда как вождь?

— Нет, как обычный человек. Благо я знаю язык белых людей.

— Да, у вас неплохой французский, — пробормотал Рене. — Я слышал, вы также умеете читать и писать?

— Пришлось научиться, хотя это было нелегко.

Я должен знать то, что знают мои враги.

— Я вам не враг. Я ученый. Я уже говорил: мы с дочерью приехали сюда, чтобы изучать ваши обычаи.

— Зачем это вам? — недоверчиво произнес Атеа.

— Я мечтаю написать книгу об Океании, чтобы другие люди могли прочитать о народах, населяющих окраину мира.

— Нам не нужно, чтобы кто-то знал о нас. Я хочу, чтобы белые навсегда забыли дорогу сюда.

— Кто научил ваших людей стрелять? — поинтересовался Рене, дабы уйти от скользкой темы.

— Я. За хорошую плату один белый человек с Нуку-Хива показал мне, как обращаться с оружием; вернувшись на свой остров, я передал эти знания десятерым соплеменникам, каждый из них обучил еще пятерых и так далее. Армия была создана в очень короткий срок. Разумеется, получалось не у всех. Сложнее всего было избавиться от страха перед железными палками, которые изрыгают огонь и убивают на расстоянии. В конце концов я отобрал самых способных и смелых воинов. Ваши люди привыкли видеть кучку бамбуковых хижин и горстку пугливых людей. На сей раз вместо этого они встретят на своем пути

укрепления и хорошо обученных солдат.

— Я восхищаюсь вами, — сказал Рене, — и вместе с тем хочу заметить, что сопротивление арики на Таити, Нуку-Хива и других островах все-таки было сломлено.

— Этих вождей белые подкупили обещаниями и побрякушками. В отличие от них, я думаю не о себе, а о своем народе.

— А как же люди с Тахуата? В отличие от вас у них нет ни огнестрельного оружия, ни крепости.

— К сожалению, мне не удалось убедить вождя Лоа в необходимости воевать по-новому, — ответил Атеа и добавил: — Я знаю, что вы нам не враг. В противном случае я не открыл бы вам свои тайны. Завтра я уезжаю с Тахуата и приглашаю вас на свой остров. Я хочу, чтобы вы посмотрели на то, что я сделал, и оценили это.

Рене развел руками.

— Вождь Атеа, я мирный человек и ничего не понимаю в военном деле!

— Тем не менее у вас взгляд европейца. Только на несколько дней, после чего вас отвезут обратно.

— Хорошо, — сказал Рене и спросил: — Можно со мной поедет моя дочь?

Атеа кивнул, причем так, будто речь шла о

какой-то незначительной вещи.

Узнав об этом, Эмили искренне возмутилась:

— Какое право он имеет распоряжаться нами?! Ты гость вождя Лоа!

— Я не мог ему отказать, — примирительно произнес Рене и заметил: — Этот парень далеко пойдет. Тут дело не в мане, просто он очень прозорлив и умен. Я впервые встречаю полинезийца, который способен выйти за рамки извечного восприятия мира.

Эмили подумала о том, что отец прав. Та же Моана ни разу не задала вопрос о ее жизни в Париже. Туземку интересовал лишь ее собственный мир.

— Почему я должна ехать с тобой? И как это будет выглядеть? Моана останется здесь, а я отправлюсь в гости к ее жениху!

Рене рассмеялся:

— Она достаточно умна для того, чтобы не видеть в тебе соперницу. А я должен быть уверен в том, что тебе ничего не угрожает.

— Ты прав, — сказала Эмили, — я тоже не хочу расставаться с тобой.

Они отчалили от острова, когда горизонт только-только зарделся зарей и океан еще дышал прохладой.

Хотя лодка Атеа была довольно вместительной,

едва они очутились в открытом океане, она показалась Эмили хрупкой скорлупкой. Девушка с замиранием сердца то смотрела на надвигающиеся волны, то оглядывалась на отдалявшийся остров.

Когда зубчатые скалы Тахуата исчезли вдали, путешественникам пришлось познать подлинный нрав водной стихии. Густая пена взмывала над головой, острые брызги хлестали по лицу, соль и солнце слепили глаза. Эмили с трудом удерживала в руках зонтик и зажмуривалась всякий раз, когда лодка оседлывала волну, а потом скатывалась с нее, словно с горы.

Вокруг резвились дельфины, стаи серебристых летучих рыбок, а однажды из воды показался острый гребень акульего плавника.

Лодка вождя была инкрустирована перламутром и украшена сложной резьбой. Глядя на бесстрастное лицо и широко раскрытые глаза Атеа, внимательно обозревавшие океанские просторы, Эмили спросила отца:

— Как туземцы ориентируются в океане?!

— Они не способны объяснить это чудо, а мы не можем понять! — ответил Рене, пытаясь перекричать шум волн. — Полинезиец всегда знает, где находится его судно. Они распознают это по

полету птиц, по колебаниям лодки, форме волн, по водоворотам над рифами, не говоря о звездах и направлении ветра. Они знают небесную карту как свои пять пальцев. А вообще это у них в крови.

Эмили еще издалека увидела, что Хива-Оа гораздо больше, чем Тахуата. Грозные горные вершины, напоминавшие огромную крепость, вздымались все выше и выше по мере того, как лодка приближалась к острову. Изумрудные леса на холмах казались сказочной декорацией. Вдоль кромки рифа бесновался прибой; сотни птиц прокладывали путь по ослепительно голубому небу, устремляясь к своим гнездам на скалах.

У берега было гораздо мельче, и путешественники могли разглядеть множество морских обитателей, деловито кишащих на дне. Эмили обратила внимание на странных существ, извивавшихся подобно водорослям и напоминавших толстых черно-зеленых змей. Рене сказал, что это хмурены, океанские хищники с ядовитыми зубами.

Берег Хива-Оа, как на Тахуата, был усеян мелким белым песком, пустыми раковинами, скорлупой кокосовых орехов и мертвыми сучьями, да и деревня оказалась удивительно похожей на

поселение на-ики.

После морского путешествия Эмили мучила жажда, и она с радостью выпила кокосового молока. Здесь кормили тем же самым, что и у вождя Лоа, и девушка отметила, что начинает тосковать по европейской кухне.

Осмотрев внушительную крепость и новенькое оружие, Рене выразил величайшее одобрение, не приняв во внимание, что все это предназначалось для обороны от его соотечественников. Судя по всему, он всецело пребывал на стороне полинезийцев.

Проводя время с Рене, молодой вождь не обращал ни малейшего внимания на его дочь. Эмили полагалось находиться в женском обществе, потому ее отправили в хижину какой-то знатной островитянки, которая не знала ни слова по-французски и не имела понятия, как услужить гостье.

Эмили откровенно скучала на Хива-Оа. Ей не хватало Моаны, их разговоров, прогулок и купаний, и она не могла дождаться, когда истечет злополучная неделя и Атеа отправит их с отцом обратно на Тахуата.

Глава третья

Единственное, что нравилось Эмили, так это одинокие вечерние прогулки после того, как спадет жара. Она любовалась медленно уплывавшим за горизонт, похожим на золотую корону солнцем, оранжевой дорожкой, пересекавшей океан, сиреневато-розовым покровом неба. Соленый воздух наполнял легкие, а в душу вливалось что-то завораживающее и прекрасное.

Мгновения наедине с самой собой и с природой были такими насыщенными, что стоили целой жизни.

В эти часы океан казался ей огромным живым организмом, пульсирующим сердцем вселенной. Суша была владением человека, но необозримая, бескрайняя бездонная вода не принадлежала никому. Нечто великое, непознанное и неизменное, непостижимое ничьему разуму и неподвластное никакой мане.

Эмили полюбила часы отлива, когда дно чудесным образом обнажалось и тысячи маленьких крабов и раков-отшельников спешили в укрытие. Следя за ними, она перепрыгивала с камня на

камень и, случалось, удалялась довольно далеко от берега.

Однажды она увлеклась и не заметила, как вода начала прибывать. Эмили встревожилась. Она больше не ощущала себя гигантом, шагающим по горным вершинам, тем более что многие камни уже скрылись в воде.

Приподняв подол платья и оплакивая судьбу туфель, девушка побрела по дну навстречу берегу. Вдалеке покачивалось несколько туземных лодок — их борта в лучах закатного солнца отливали золотом, но людей не было видно, потому она не звала на помощь.

Уровень воды повышался неуклонно и равномерно. Шум волн, доносившийся из открытого океана, напоминал дыхание великана. Всего несколько минут назад Эмили шагала по суше, а теперь вокруг колыхалось море.

Вдруг она заметила человека, он двигался навстречу, рассекая волны и неотступно глядя на девушку. Когда вода дошла ему до пояса, он поплыл и очень скоро очутился рядом с Эмили. Это был Атеа.

Он ни о чем не спрашивал, просто взял ее руки и сомкнул вокруг своей шеи.

Впервые в жизни Эмили была так близко к

мужчине, вообще к кому бы то ни было, близка и вместе с тем далека, ибо этот человек был другим, непохожим ни на одного из знакомых ей людей.

От его тела исходил жар, ощутимый даже в воде, оно казалось обтекаемым, словно тело дельфина, его кожа была упругой и гладкой. Внезапно Эмили вспомнила, что говорил отец: никто не смеет прикасаться к вождю, это табу.

Каким бы сильным ни было потрясение, очутившись на берегу, она нашла в себе силы промолвить:

— Вы спасли меня. Благодарю вас.

Эмили была уверена в том, что не получит в ответ ни слова, однако Атеа произнес на ее языке:

— Я знал, что ты любишь гулять на закате. Я наблюдал за тобой. Когда ты снова пойдешь на берег, я тоже приду.

— Зачем? — вырвалось у нее.

— Я так хочу.

Эмили подумала, что Атеа добавит: «Это мой остров», но больше он ничего не сказал.

Он так пристально и властно смотрел на нее, что она невольно опустила глаза и смущенно проговорила:

— Мои туфли совсем развалились от соленой воды.

— Ты можешь ходить так, как мы: босиком.

— Нет, не могу, — возразила она и вздрогнула от неожиданности, когда Атеа нагнулся и дотронулся до ее ступни.

— Да, ты другая. Нежные ноги, кожа белая, словно ядро кокосового ореха, светлые волосы и глаза. Я удивляюсь, как ты еще не растаяла под нашим солнцем, как медуза!

Эмили улыбнулась. Почему-то ей не было стыдно от того, что рядом с ней на песке сидит полуголый мужчина, что ее платье намокло и облепило тело, а с волос капает вода. Она чувствовала, что хотя Атеа и удивляется ей, он воспринимает ее такой, какова она есть.

— Завтра я приду сюда на закате, — повторил он. — Мне тоже нравится гулять по вечерам.

— Но ведь для вас закат означает смерть, страну, куда возвращаются духи, — заметила Эмили.

— Закат предваряет ночь, время, когда на земле властвуют боги, — сказал Атеа и добавил: — Высшие существа не должны бояться смерти.

Он поднялся на ноги, и Эмили смотрела на него снизу вверх. Ей вновь пришла мысль о том, что если б она была Богом, то сотворила бы первого человека таким, как этот полинезийский юноша. Не боящаяся солнца кожа, твердые мускулы и

гибкие конечности, ни капельки лишней плоти, густые волосы, широко расставленные миндалевидные глаза и четко очерченные мягкие губы. А главное — умение властвовать над собой и другими людьми.

Она вдруг поняла, что Атеа держался уверенно и раскованно не потому, что был арики, и не оттого, что обладал необыкновенной красотой или сильной маной, а потому что он это он.

В этот миг в ее душе что-то перевернулось, и она покорно ответила:

— Я буду ждать вас здесь.

На следующий день Эмили долго думала над тем, что надеть, а потом поняла, что Атеа не волнуют ее европейские наряды. Она задалась вопросом, не является ли эта встреча свиданием, и успокоилась, сказав себе, что, конечно же, нет.

К ее удивлению, Атеа пришел в длинной белой одежде из лубяной материи, которая очень шла ему и делала его похожим на языческого бога.

Они побрели по песку, вдоль кромки воды, пена которой в лучах заката казалась кроваво-красной. Хотя солнце еще не село, с противоположной стороны неба уже взошла луна, похожая на огромную серебряную тарелку.

Влажный ветер доносил запах прелых кокосо-

вых орехов, бугенвиллеи и гибискуса. На фоне высокого чистого неба очертания гор казались удивительно недосягаемыми и красивыми.

Задрав голову, Эмили вглядывалась в созвездия Южного Креста. Она первой нарушила молчание:

— Отец сказал, что вам известно о звездах *все*.

— Что можно знать о бесконечном? Звезд очень много, и они подвешены в небесном пространстве, как и Земля, — сказал Атеа и вдруг спросил: — Что находится за горизонтом? Ведь ты приплыла оттуда! Мне всегда казалось, что там можно найти то, что мы порой видим во сне.

— То же самое думала я о ваших краях!

— Я сразу понял, что ты приехала сюда вовсе не для того, чтобы изучать наши обычаи, как твой отец.

— Нет, не за этим. Я искала рай.

Атеа остановился. Лунный свет скользил по его коже и высвечивал глубину темных глаз.

— Почему даже любящий свою землю человек всегда ищет чего-то другого? Почему никто не понимает, что мы носим в себе все наши радости и несчастья и множество разных миров!

Эмили затаила дыхание. Она всегда мечтала поговорить о таких вещах, но никогда не дума-

ла, что найдет подходящего собеседника в лице полинезийца, которого любой из ее соотечественников счел бы дикарем.

— Человек несовершенен.

Атеа покачал головой.

— Бог сотворил человека, а человек творит себя, — заметил он. Поднял с песка большую витую раковину и, приложив ее к уху, сказал: — Прежде чем приступить к созданию мира, бог Тане несколько тысячелетий плавал в раковине по невидимому океану, познавая свою сущность.

— Я пытаюсь прислушиваться к себе, — промолвила Эмили, — но не все в моей власти. Скажем, скоро мне придется уехать, и я ничего не могу с этим поделать.

— Когда-нибудь ты вернешься на наши острова?

— Не думаю, — ответила она, не сдержав вздоха.

Он догадался:

— Вы с отцом небогаты?

— Скорее, бедны. Нам хватает на скромную жизнь, но путешествия обходятся слишком дорого. Пока что отцу, пусть и с огромным трудом, удавалось находить людей, которые ему помогали, но в последнее время в нашей стране

произошло столько революций и войн, что мне кажется, больше нам никто ничего не даст.

— Расскажи мне о своем мире, — попросил Атеа.

— Я попробую, хотя мне трудно говорить о вещах, подобных которым здесь просто нет.

— Неважно. Я попытаюсь понять.

Они стали встречаться почти каждый день, бродили по берегу и говорили обо всем, о чем хотелось поговорить. Со временем Эмили оставила попытки общаться с Атеа на языке маркизцев, и он с удовольствием совершенствовал французский. Как выяснилось, он изучал его три года, когда жил на Нуку-Хива, где миссионеры организовали школу.

Эмили удивлялась тому, как быстро он запоминает новые слова и выражения. Его способности к языкам явно превосходили ее собственные; между тем она всегда гордилась превосходным знанием английского и латыни.

У полинезийцев не было письменности, и оттого, что они с детства привыкали заучивать все наизусть, большинство из них обладало великолепной памятью. Эмили поражали и их философские мифы о сотворении мира, и искусство мореплавания.

Со временем она поняла, чем ее новый друг отличается от своих соплеменников. Для большинства полинезийцев не существовало ни будущего, ни прошлого (если только речь не шла о сказаниях), они жили лишь настоящим. В краю теплого моря и лазурных небес они не знали ни внезапных мрачных мыслей, ни беспричинной тоски.

Обычно мужчины племени на-ики женились очень рано, но Атеа был вынужден дождаться, пока станет вождем. Об этом Эмили узнала от Рене. Сам же Атеа ни разу не заговорил с ней ни о предстоящей свадьбе, ни о Моане, и девушка не могла не признать, что ее это радует.

Однако бесконечность, отделившая ее от прежней жизни, породила в душе Эмили беспокойство. Новое понимание вещей и событий вытащило из глубины души и обострило те чувства, о которых она не имела понятия. Того ощущения независимости, какое в Париже обеспечивало ей относительный покой и, словно стеной, отгораживало от остального мира, больше не было.

Если прежде Эмили не могла дождаться отъезда с Хива-Оа, то теперь ей хотелось остановить время, сжать мгновения в кулак, запечатать их в пустой раковине. При этом она прекрасно пони-

мала, что между ней и Атеа не может быть ничего серьезного. Сама их дружба казалась удивительной, а о большем нечего было даже мечтать.

Горько и смешно, но оба народа сочли бы их недостойными друг друга. В глазах на-ики белая девушка была чужачкой, не говоря о том, что любой француз счел бы полинезийца в набедренной повязке дикарем.

Их разделял не только океан, между ними пролегли тысячелетия истории, они существовали в разном времени. Их не могли объединять ни общие интересы, ни физические качества, ни сходные взгляды на жизнь.

В последний день пребывания на острове девушка надела соломенную шляпку с искусственными цветами и платье из синей саржи. Тропическое солнце позолотило ее кожу, и доселе бледное лицо выглядело куда свежее. Душа Эмили тоже наполнилась красками, и ей было больно оттого, что она вынуждена носить прежнюю маску, скрывающую новую сущность.

Вчера Рене, не подозревавший о переменах, произошедших в сердце дочери, сообщил:

— Вождь Атеа поблагодарил меня за то, что я согласился пожить на его острове, а особенно за то, что я привез тебя. Он очень доволен вашим

общением.

— Мне он ничего не сказал.

— Вероятно, скажет перед отъездом.

— Он тоже поплывет на Тахуата?

— Нет, нас отвезут его люди. Атеа прибудет на остров в день свадьбы с Моаной.

Дно окаймленных желтыми, зелеными и красными рифами отмелей выстилал ковер всевозможных цветов радуги, состоящий из водорослей и беспрестанно колеблющихся морских анемонов. Здесь сновали стайки пестрых рыб, перекатывались черные морские ежи, медузы распускали свои радужные оборки.

Но сегодня Эмили не волновали краски и богатство моря. Ее взгляд был устремлен на юношу с гладкой, как прибрежная галька, пахнущей морем кожей. На молодого вождя с величественной осанкой и улыбкой, что пряталась в глубине глаз и уголках губ. На человека, умевшего чутко улавливать суть всего, что он слышит и видит. Она словно задалась целью запечатлеть в памяти каждый его жест. Теплота, возникшая между ними за минувшие дни, превратилась в ноющую боль, затаившуюся в глубине сердца.

Осознавая это, Эмили терялась, не зная, что сказать ему на прощание. Ведь когда он приедет

на Тахуата, чтобы жениться на Моане, им уже не придется разговаривать.

Они сели на поваленное дерево в тени огромной пальмы. Возле ног, словно нашептывая безумные обещания, тихо плескалась морская вода.

— Я хочу, чтобы ты взяла вот это, — сказал Атеа и протянул на ладони жемчужину, крупнее и прозрачнее которой Эмили еще не приходилось видеть.

Отшатнувшись от неожиданности, она посмотрела ему в глаза.

— Я не могу принять такой подарок!

— Она позволит тебе вернуться сюда, если ты этого захочешь.

— Едва ли я… захочу.

— Почему?

— Потому что эту историю можно считать законченной.

Сделав почти незаметную паузу, он сказал:

— И все же прими ее.

— Нет. Она слишком дорого стоит.

— На дне моря тысячи таких жемчужин! Можно добыть еще.

— Ее достали твои люди?

Атеа улыбнулся и заметил словно в шутку:

— Я и сам умею ловить жемчуг. Если б я не был арики, то все равно сумел бы добыть себе на пропитание!

— Но ты вождь и навсегда останешься им, — серьезно произнесла Эмили.

На миг Атеа почудилось, будто она считает, что он навеки скован невидимыми золотыми цепями, не признает существование силы, позволявшей ему строить будущее, не отрицая традиций прошлого.

Эта девушка не знала, что у людей, обладающих истиной маной, можно отобрать положение, состояние, но нельзя отнять мужество и желание поступать по-своему.

С этой мыслью он потянулся к ней и поцеловал в губы.

Эмили почудилось, будто ее коснулся огонь. Это был горячий след, след любви, той, о какой говорила Моана. Внезапно окружающий мир сомкнулся и стал очень маленьким. Эмили чудилось, что ее внутренности закручиваются в тугую спираль. Внезапно ей стало трудно дышать. Невидимая преграда была разрушена, и ее охватило желание пребывать в объятиях Атеа тысячу лет, как некий бог пребывал в морской раковине, пребывать, познавая все то, что она не

чаяла познать.

Тем не менее в следующий миг она оттолкнула его и проговорила срывающимся голосом:

— Никогда больше не делай этого!

Взгляд Атеа изменился. Теперь молодой вождь смотрел холодно и требовательно.

— На Нуку-Хива, — сказал он, — были женщины, согласные сделать такое за деньги. И не только это. Сколько жемчужин я должен тебе дать?

Услышав эти слова, она не выдержала и замахнулась, желая ударить его по лицу.

— За это положена смерть, — спокойно произнес Атеа, перехватив ее руку.

— Так убей меня! — в отчаянии прошептала Эмили.

— Нет. — Он на мгновение сжал ее пальцы. — Лучше я *женюсь* на тебе.

Это прозвучало словно гром среди ясного неба. Эмили вздрогнула. Этот человек явно издевался над ней!

— Ты женишься на Моане, — напомнила она.

Атеа посмотрел ей в глаза, и внезапно Эмили вспомнила его рассказ о том, как Небо вступило в брак с Землей, отчего произошло пространство, как сочетались Огонь и Вода, что породило почву,

деревья и скалы, и на миг ей почудилось, будто в их соединении нет ничего неестественного.

И тут Атеа промолвил:

— Я *должен* жениться на Моане.

Обратный путь они проделали в молчании. Океан дремал; в природе наступил тот загадочный мирный час, когда неодушевленное, казалось, сливается с живым, а реальность соприкасается с миром снов.

Перед тем, как расстаться, девушка заметила:

— Я думала, ты просишь прощения.

— Арики ни перед кем не извиняются.

Она гордо вскинула голову.

— Ты говоришь, что белые люди не являются вашими правителями, а я скажу, что мне ты не вождь. Я знаю: согласно вашим обычаям, до чего бы ни дотронулся арики, то становится его собственностью. Однако я принадлежу только самой себе.

— Неправда, — промолвил он, и Эмили не нашла, что возразить.

Она возвращалась на Тахуата с тяжелым сердцем. Ажурные тени на призрачных контурах гор казались ей паутиной, в которой легко запутаться, солнце палило слишком сильно, а синева воды и неба резала глаза.

Дневник Рене буквально распух от записей, но сейчас Эмили казалось, что едва ли во Франции кого-то заинтересует книга о далекой Полинезии. Об этом бесполезно читать, это нужно увидеть.

Внезапно она подумала о том, что променяла бы всю свою библиотеку на поцелуй юноши, чьи губы напоминали цветок, а один-единственный взгляд был способен похитить все ее тайны.

С этим надо было что-то делать, и Эмили сказала отцу:

— Я видела у Атеа жемчужину, которая стоит целое состояние. Между тем они живут в хижинах, а одеваются в тапу и пальмовые листья.

— Богатство вождя составляют не жемчуг и золото, а мана и уважение членов племени, — отозвался Рене, и дочь в сердцах воскликнула:

— Смешно, что ты все время стремишься играть по их правилам! Неужели для тебя Атеа остался бы арики даже в Париже и ты продолжал бы кланяться ему?

— Дело в том, — спокойно ответил Рене, — что Атеа никогда не попадет в Париж. Их мир меняется очень медленно. Еще долгое время они будут жить по такому же распорядку, есть ту же еду и носить такую же одежду, что и сотни лет назад.

При встрече Моана заключила Эмили в объ-

ятия, чем та была немало смущена. Туземка с гордостью показала белой гостье украшения, которые смастерила за время ее отсутствия. Моана не могла дождаться того дня, когда раскрашенная белой и красной краской, убранная цветами и перьями она встретит жениха. Девушка с гордостью заявила, что в день свадьбы Атеа подарит ей жемчужное ожерелье невиданной красоты. Ей и в голову не приходило расспрашивать, чем занималась на Хива-Оа белая гостья, ибо в ее глазах Эмили ни в коем случае не могла быть человеком, достойным внимания вождя.

Время летело быстро, и вот уже воздух дрожал от барабанного боя и танцоры извивались гибкими телами, протягивая руки к небу, словно желая дотянуться до звезд. Отблески пламени играли на украшениях невесты и переливались в глубине ее темных глаз. Красота Моаны казалась столь избыточной, завораживающей, нереальной, что от нее невозможно было оторваться.

Всюду, куда ни кинь взгляд, виднелись россыпи желтых, красных и белых цветов, на циновках высились груды плодов. Стойкий аромат тропических растений перебивал даже запах соленой воды и благоухание кокосового масла.

На фоне предсвадебного великолепия Эмили

ощущала себя маленькой и ничтожной. Ее ладони покрылись испариной, одежда стесняла и душила. Как и все, кто присутствовал на берегу, она беспрестанно вглядывалась в океанскую ширь. Вот-вот должна была появиться лодка Атеа. Эмили была готова на что угодно, лишь бы отдалить этот момент.

У горизонта вода густо синела, тогда как возле берега была темно-красной, словно вино. Если б она в самом деле была бы хмельным напитком, Эмили выпила бы полную чашу, дабы забыть об Атеа, о предстоящем празднике и о том, какие переживания ожидают ее потом.

Девушка думала, что судно вождя с Хива-Оа будет украшено цветами, но по воде скользила простая лодка. Сколько бы Эмили ни разглядывала стоящих и сидящих в ней людей, она не могла найти среди них Атеа. Что такое могло с ним случиться, что он не приехал на собственную свадьбу?! Он тяжело заболел или… погиб?!

Когда судно причалило берегу, из него вышел какой-то человек. Церемонно поклонившись Лоа, он принялся что-то объяснять, и почти каждая его фраза сопровождалась громким, изумленно испуганным вздохом толпы.

Едва посланник умолк, Лоа набросился на него,

громко выкрикивая какие-то слова. Эмили обратила внимание на пустые глаза Моаны, только что поразительно живой и красивой, а теперь напоминавшей статую. Казалось, потускнели даже краски и поникли цветы, украшавшие тело девушки.

— Что произошло? — с тревогой спросила Эмили у отца.

— Атеа… Атеа велел передать Лоа, что свадьбы не будет, что сейчас время думать о войне, а не о браке, — запинаясь, произнес Рене, а после воскликнул: — Он сошел с ума! Своими руками разрушить то, что создавалось столько лет! Когда угроза пришествия белых столь близка и реальна, такие могущественные вожди, как Атеа и Лоа, не должны ссориться! Почему он отказался от брака? Разве что услышал о своей невесте что-то порочащее… Но это невозможно! Моана не из тех девушек, которых бросают у алтаря!

— Что теперь будет? — прошептала Эмили, и ответом послужил вопль Лоа:

— Он хочет войны?! Он получит войну! Я не стану вас убивать, отправляйтесь назад и передайте своему вождю, что завтра состоится сражение! В полдень, в бухте Хана-Кау! Пусть соглашается, если он не трус!

Рене бросился к Лоа, расталкивая толпу.

— Не делайте этого! У Атеа есть много ружей, которые стреляют огнем! Он вас победит.

Вождь толкнул француза так, что тот полетел на песок.

— Прочь! Боги на моей стороне! Моя мана сильнее!

— Будет лучше, если мы уйдем отсюда, — пробормотал Рене, беря дочь за руку.

— Я должна побыть с Моаной, — сказала она, уверенная в том, что не сможет вынести выражения опустошенности в глазах девушки.

— Она не европейка, ей не нужно сочувствие. Думаю, она желает получить не жалость, а объяснение тому, почему Атеа так с ней поступил.

— Не может ли быть причиной… другая женщина? — нерешительно произнесла Эмили.

Рене горестно покачал головой.

— Только если Атеа решил во всем и до конца подражать белым! Но это вряд ли. Полинезийцы не воспринимают любовь так, как мы, — как некое таинственное чувство, существующее само по себе и обладающее неведомой силой. В этом случае они очень практичны. К тому же женитьба вождя это почти всегда в первую очередь политический шаг.

Выслушав отца, Эмили задала неизбежный вопрос:

— И что теперь будет?

— Поубивают друг друга, но чести Моаны это все равно не восстановит, — мрачно ответил Рене.

Они долго бродили по берегу, но потом Эмили все же пришлось вернуться в хижину Моаны.

Девушка лежала на циновке. На ней уже не было украшений, спутанные волосы разметались по телу. Она казалась готовой к тому, что ее вот-вот принесут в жертву каким-то богам. Эмили заметила, что лицо и грудь Моаны расцарапаны ногтями, и ее сердце сжалось от жалости.

Она не знала, что сказать, но, к счастью, Моана заговорила первой:

— Я надеюсь, отец отомстит за меня и убьет Атеа!

— Если ты желаешь ему смерти, значит, ты его не любила, — прошептала Эмили.

Внезапно преобразившись, Моана вскочила на ноги. Ее пальцы были стиснуты в кулаки, взгляд темных глаз метал молнии.

— Ты не понимаешь! — запальчиво вскричала она. — Он меня опозорил! Если он прилюдно отверг меня, значит, я порочна! Теперь не то что

вождь, ни один простой мужчина не возьмет меня в жены!

— Почему он не приехал сам и ничего не объяснил?

— Потому что, — сказала Моана, — мой отец задушил бы его голыми руками.

Внезапно Эмили осознала, что тот особенный взгляд, которым смотрела на мир эта девушка, исчез. Не было ни наивности, ни неведения, ни восторга. Глаза Моаны горели таким презрением и ненавистью, что в груди Эмили все оборвалось.

Она понимала, что не должна была вторгаться в жизнь этих людей, затерянных в океанских просторах, людей, чьи обычаи и культура не похожи на обычаи и культуру других народов земли.

Впервые в жизни Эмили чувствовала себя невольной искусительницей. Полинезийцы были властителями рая, но для нее рай стал запретным местом, она могла видеть его во сне, но в реальности он был недосягаем, как луна или звезды.

Отец всегда учил ее: «Наблюдай, но не вмешивайся». Она невольно нарушила это правило и теперь пожинала плоды.

Глава четвертая

Рене Марен был прав, говоря, что междоусобные войны полинезийцев никогда не были особенно кровопролитными, прежде всего из-за отсутствия оружия, метко поражающего врага на расстоянии (они не использовали даже луки), и желания захватывать чужие территории. Места на островах, а также еды хватало всем. Но если дело касалось оскорбленной гордости, они были готовы сражаться из-за пустяка.

Ранним утром мужчины во главе с Лоа взяли лодки и отправились в бухту Хана-Кау. Женщинам, старикам, детям, а также белым гостям было велено оставаться в деревне.

Казалось, Моана совершенно не волнуется за исход боя и жизнь своего отца. Она как ни в чем ни бывало сидела во дворе и расписывала тапу растительными красками.

Эмили было известно, что островитяне никогда не стирают одежду. Когда она загрязнялась, ее просто выбрасывали. Потому в каждой хижине всегда лежало несколько рулонов тапы.

Ее изготавливали из тутового дерева. Полосы

луба тщательно очищали острыми раковинами или вымачивали, а затем разрезали на полосы, из которых после «склеивали» одежду.

— Думаешь, твой отец победит? — спросила Моану Эмили, с утра не находившая себе места.

— Конечно. У него более сильная мана, — ответила девушка, и белой гостье почудилось, что в ее голосе нет былой сердечности.

— Ты говорила, что мана Атеа очень велика.

— Только не в том случае, если от нее веет безумием!

Эмили с трудом сдерживалась, чтобы не побежать на противоположный конец острова, в бухту Хана-Кау. Почему-то ей казалось, что там должно произойти что-то ужасное.

Она оказалась права: в полдень из-за скалы появились лодки, и вся деревня высыпала на берег.

Лоа стоял на носу переднего судна, держа копье наперевес; мощный торс вождя золотился на солнце. Было ясно, что победа на его стороне.

Подробности Эмили узнала от Моаны.

Воины Атеа имели столько же лодок и были вооружены так же, как воины Лоа, копьями и пращами: очевидно, ружья предназначались только для войны с французами. Моана не приняла это во внимание, тогда как Эмили сочла поведение

молодого вождя благородным.

Судна Атеа и Лоа выстроились в одну линию, и с обеих сторон полетели камни. Вскоре внезапный порыв ветра нарушил строй лодок с острова Хива-Оа и погнал их на рифы. Лоа стал преследовать противника, в рядах которого началась паника. Многие лодки Атеа разбились о рифы, он потерял не меньше половины воинов.

Догнав лодку молодого вождя, Лоа ранил его, ловко метнув бамбуковый нож. Атеа свалился в воду, где его подобрали воины с Тахуата, связали и доставили на свой остров.

— Ты его видела? — спросила побледневшая Эмили.

— Мне незачем на него смотреть. Я увижу его во время казни.

— Казни?!

— Да. Совет нашего племени приговорил Атеа к смерти.

— А как же *его* племя?

— Вождь, попавший в плен, бесполезен для своего народа, потому что теряет ману. Атеа испытал еще больший позор, чем я. Отныне он никто. На Хива-Оа будет править совет племени, пока они не изберут другого арики.

— Когда и как его казнят?

— Завтра. Атеа принесут в жертву богам: жрец перережет ему горло, а потом его тело выбросят в океан.

— Тебе не жаль его? — прошептала Эмили.

— За *что* мне его жалеть?!

— А где он сейчас?

— Лежит связанный в бамбуковой клетке и ждет своей участи. У него есть время подумать о том, что он совершил.

Эмили бежала вдоль воды, подгоняемая ветром. Он трепал ее шаль, и она с трудом удерживала ткань, бьющуюся, как птичьи крылья. С каждый шагом ноги Девушки проваливались в сыпучий песок, в лицо летела мелкая пыль и соленые брызги.

Она вспоминала, как Атеа шел от лодки к берегу, словно скользя по воде, короткими изящными шагами, плавно покачиваясь, окруженный теплым сиянием солнца. Воскрешала в памяти разговоры, во время которых их души словно сливались воедино, вновь ощущала на губах поцелуй, пробудивший мысли о запретной телесной близости.

Рене сидел на облепленном мокрыми водорослями валуне. Поверхность моря казалась синим ковром, а птичьи стаи над ним — быстро движу-

щимися белыми облаками.

Выслушав дочь, он сказал:

— Не надо вмешиваться. Мы не может ничем помочь.

— Но ты вмешался, испугавшись за жизнь Лоа!

— Ты видела его реакцию. До прибытия «Дидоны» еще целый месяц — не стоит поступать так, чтобы нас тоже принесли в жертву богам. Атеа виновен, потому его накажут.

— Я могу увидеться с ним?

— Зачем?

Они обменялись долгими взглядами, после чего Эмили повернулась и пошла назад. В этот миг она поняла, что не так близка с отцом, как ей казалось. Они прожили бок о бок много лет, но сейчас не были способны испытать общие чувства и общую боль.

Долгое время Эмили думала, что ее мать умерла, пока случайно не узнала, что та уехала на родину, когда дочери не исполнилось и трех лет. Она была англичанкой — в каком-то смысле тоже существом из другого мира.

Девушке пришло в голову, что в попытках залечить душевную рану и забыть сердечную боль отец и выбрал для себя удел вечного странника. Возможно, Рене Марен пытался от чего-то убе-

жать? Однако он все равно всегда возвращался в Париж, где был его невидимый якорь.

Ей тоже придется вернуться, хотя сейчас она ощущала себя хрупкой лодкой, затерянной в безбрежном океане, не могущей прибиться ни к какому берегу. Лодкой, которую ветер будет долго швырять по волнам и в конце концов разобьет в щепки.

Девушка пришла в хижину Моаны. Ее мозг лихорадочно работал. В сундучке Эмили было все для того, чтобы лечить раны, там лежала небольшая пачка денег, а еще у нее имелся кинжал дамасской стали, по сравнению с которым бамбуковые ножи племени на-ики выглядели как детские игрушки. Его подарили отцу, когда он путешествовал по странам Востока, и Эмили положила кинжал в свой сундук втайне от Рене, который принципиально не брал в поездки оружие.

Разумеется, она тоже никогда бы не сумела им воспользоваться, зато это, наверное, смог бы сделать Атеа!

К вечеру Эмили удалось узнать важную вещь: клетка, в которую поместили пленного вождя, не охранялась. Лоа наложил на Атеа временное табу, и ни один островитянин не осмелился бы при-

близиться к тому месту, где он сейчас находился.

Она с трудом дождалась, когда тьма укрыла хижину. Издалека доносился рокот моря, рядом чуть слышно дышала Моана. Стараясь не шуметь, Эмили натянула платье, сунула ноги в туфли, вынула из-под циновки приготовленный узелок и выбралась наружу.

Ночной бриз шевелил листву. Вскипали и вновь опадали невидимые волны. Океан и небо слились воедино. Склонившиеся над водой пальмы напоминали пальца диковинных чудовищ, пытавшихся достать желанную влагу.

В тропиках ночь буквально обрушивалась на землю, и хотя луна обычно светила ярко, меж деревьев все равно не было видно ни зги. Эмили жалела, что не может воспользоваться факелом из пучка сухих листьев кокосовой пальмы, каким островитяне обычно освещали себе путь в темноте.

Ветви кустарников цеплялись за подол платья, в ноги впивались колючки. Окутанная коконом темноты, Эмили двигалась, словно во сне. Она не была уверена, туда ли идет, ведь здесь не было ни дорог, ни улиц. Она боялась, что кто-нибудь проследит за ней, — за нарушение табу, наложенного вождем, полагалась смерть. Один удар

каменного топора — и ее голова расколется, словно кокосовый орех!

Наконец она выбралась из зарослей и увидела клетку. На миг ей почудилось, будто там никого нет, но подойдя ближе, Эмили разглядела темный человеческий силуэт.

Она боялась, что Атеа окажется ослабевшим и сломленным, но когда она подошла ближе, он сразу зашевелился и поднял голову, и Эмили показалось, что его темные глаза горят в темноте. Она тихо позвала его, и он откликнулся.

— Ты ранен? — спросила она, вынимая кинжал.

Быстро протянув связанные руки, Атеа ответил:

— Легко. Эта рана не помешает мне бежать с острова.

Просунув лезвие сквозь толстые прутья, Эмили перерезала веревки, стягивавшие его запястья, а ноги он освободил сам.

Ему ничего не стоило сломать стенку, и вот он стоял рядом с ней, высокий и стройный, по-прежнему уверенный в себе, в своих поступках и мыслях.

— Я знал, что ты придешь, — сказал он. — Нам надо поискать лодку.

Эмили настояла на том, чтобы осмотреть его рану, которая в самом деле была похожа на большую царапину.

— Заживет! — промолвил Атеа, и его зубы ярко блеснули во мраке.

Им повезло: сразу за поворотом скалы они обнаружили неохраняемую стоянку лодок. В одной из них нашлись даже вода и еда, о которых Эмили не подумала.

Обычно туземцы брали в дальнее плаванье хорошо закупоренные сосуды из кокосовых орехов и бамбуковых стволов, а также сушенных моллюсков и печеные плоды хлебного дерева. Они даже умудрялись разводить в лодке огонь, используя подстилку из песка!

— Будь острожен, — сказала девушка.

— Разве ты хочешь расстаться со мной, Эмалаи? — спросил Атеа, впервые назвав ее по имени, и протянул руку.

Эмили не хотела этого, потому вложила пальцы в его ладонь, шагнула в лодку, и Атеа легко оттолкнул ее от берега.

Девушка опустилась на дно суденышка. Она не вполне отдавала себе отчет в том, что делает. Ей казалось, что этот отрезок ее жизни, события этой ночи никак не связаны с предыдущими.

Лодка быстро скользила по волнам. От воды, отражавшей свет луны, исходило призрачное сияние.

Контраст наполненного прохладным соленым воздухом безбрежного темного пространства и сверкающего бесчисленными звездами неба казался волшебным. Создавалось впечатление, будто два несовместимых, бесконечно удаленных друг от друга мира спаялись в нечто единое.

Путешествие проходило в молчании. Эмили заговорила лишь тогда, когда во тьме проступили размытые контуры Хива-Оа.

— Моана сказала, что, попав в плен, ты утратил ману, что ты больше не арики и на твоем острове будет править совет племени!

— Когда я вернусь на Хива-Оа, никто не посмеет оспаривать мою власть. Моя мана — это моя душа. Разве я изменился?

Эмили хотелось сказать, что она слишком плохо знает, его, потому ей трудно судить, что он потерял, а что приобрел, но вместо этого она спросила:

— Почему ты отказался от свадьбы? Моана была очень несчастна.

— Отказался, потому что передумал. Такие ошибки как раз и влияют на ману. На самом деле

нас с Моаной ничто не связывает. Не все то, что считается подходящим, является истинным.

— Она жаловалась, что теперь никто не захочет взять ее в жены.

— Глядя на Моану, ты можешь в это поверить?

Эмили вздохнула. Она вглядывалась вдаль, туда, где шелестели опахала пальм и бурлили прибрежные волны.

— Что я буду делать на твоем острове?

— Ничего. Я намерен плыть на Нуку-Хива.

Вцепившись в борт лодки, Эмили поднялась на ноги. Судно качнулось, но Атеа остался неподвижным. Волнистые волосы обрамляли четкий овал его лица, на котором играли блики лунного света. Облик молодого вождя был полон таинственности и дикой силы. Эмили была уверена, что в том мире, где она привыкла жить, такое уже не встретишь.

— На Нуку-Хива! Зачем?!

— Потому что там есть священник, и мы можем пожениться согласно твоим обычаям.

Эмили потеряла дар речи, между тем Атеа продолжил:

— То, что я тогда сказал, не было шуткой. Я сразу понял, что ты станешь моей женой.

С внезапной ясностью ей открылось то, что

она ощущала уже давно. Она влюбилась в Атеа с первого взгляда, его мана взяла ее в плен и затуманила разум. И все же то, что он говорил, казалось немыслимым.

Охваченная смятением, Эмили едва нашлась, что ответить:

— Ты не можешь жениться на мне, ведь по вашим понятиям я простая женщина!

— Ты белая женщина, а это все меняет. И потом если *я* скажу, что ты знатного рода, мне не смогут не поверить.

Положив весла, он взял девушку за руки. Ладони Атеа были удивительно теплыми, в их прикосновении ощущалась надежность, в его глазах виднелся настойчивый блеск. Эмили не могла поверить, что ее робкие, трогательные, безнадежные мечты воплощаются в реальность с диковинной силой, сносящей и сметающей все на своем пути.

— Ты будешь моей, Эмалаи!

Она смутилась.

— Атеа! У нас это происходит не так. Сначала ты должен спросить моего согласия.

Он с готовностью кивнул.

— Ты хочешь стать моей женой?

Эмили печально улыбнулась.

— Даже если и да, то, по-моему, это невозможно. Мы из разных миров, ты не признаешь нашей веры.

— Я могу притвориться, — невозмутимо промолвил Атеа.

— Нехорошо обманывать тех, кто вещает от имени Господа!

— Гораздо хуже обманывать самих себя.

Они плыли всю ночь. Утро встретило их приятной прохладой, а день — печным жаром. Эмили подумала, что без зонта и шляпки ей грозят солнечные ожоги. Да и воды было не так уж много. Палящее солнце сделало ее вялой, и она не могла думать даже об отце, который наверняка сходил с ума от тревоги.

Эмили легла на дно лодки и, не отрываясь, смотрела на темный силуэт Атеа, четко выделявшийся на фоне залитого ослепительным светом пространства. Всецело положившись на волю судьбы, она не спрашивала, ни сколько времени им еще плыть, ни каким он видит их будущее.

Между тем, обнаружив исчезновение дочери, Рене впал в панику. Он сразу догадался, что это Эмили освободила Атеа, и был уверен в том, что полинезиец силой увез девушку с собой. Он бросился к Лоа, который был мрачнее тучи: на-

рушение табу вело к жестокой каре и к большой беде.

Вождь на-ики наотрез отказался дать Рене людей, которые сопроводили бы его на Хива-Оа, и француз пребывал в полнейшем отчаянии.

Он явился в хижину Моаны, чтобы забрать вещи Эмили. Туземка молча наблюдала за тем, как Рене шарит в сундучке дрожащими руками и бормочет, что ему во что бы то ни стало надо попасть на Хива-Оа.

— Не туда, — вдруг произнесла девушка, — на Нуку-Хива.

Рене обернулся.

— Почему?

— Тебе не вызволить Эмалаи без помощи белых людей. Если Атеа решил взять твою дочь себе, просто так он ее не отпустит.

— Как я доберусь до Нуку-Хива, если Лоа отказывается дать мне сопровождающих даже до Хива-Оа!

Сделав шаг вперед, Моана коснулась его плеча.

— Я поплыву с тобой.

— Ты женщина! Тебе не провести судно через волны и рифы!

— На самом деле я многое умею, — веско произнесла Моана. — Но я возьму с собой одного из

младших братьев. Он не откажется мне помочь.

— А как же Лоа? Ты отправишься на Нуку-Хива без его разрешения?

— На сей раз я намерена сама решать свою судьбу.

Рене по-прежнему сокрушенно качал головой. Внезапно ему в руки попался дневник, который Эмили собиралась вести в Полинезии, и он с надеждой открыл его. Когда взгляд Рене натолкнулся на девственно-чистые страницы, он понял, что совершенно не знает свою дочь.

Украшенный французским флагом Нуку-Хива был самым большим из ближайших островов — двадцать миль в длину и столько же в ширину, — имеющим три удобные гавани. Лучшая из них носила название Танохое: в редкий день там покачивалось менее шести кораблей.

В ту пору на Маркизских островах было три католических миссионера общества «Пикпюс», отцы Гарсиа, Фурнье и Гюильмар. Последний руководил приходом на Нуку-Хива.

Молодой вождь с Хива-Оа сказал своей невесте, что на острове у него есть несколько знакомых, которые с радостью предоставят им ночлег в своей хижине.

Под конец путешествия, измотавшего ее жарой

и качкой, Эмили пришлось узнать, каким неласковым может быть тропический климат: небо заволокло тучами, и сверху обрушился дождь.

Ветер моментально усилился; поднялись волны; всего лишь час назад напоминавший лазурный ковер, океан сделался мутно-серым. Словно гигантский спрут он тянул свои водные щупальца, грозя утащить лодку на дно.

Стена воды приближалась, увеличиваясь в размерах, и Эмили чудилось, что настал Судный день. Ей казалось, будто она слышит, как скрипит и стонет дерево: лодку стремительно несло к берегу, она подпрыгивала в дикой пляске, то ныряя, то вновь всплывая, и девушка всякий раз была уверена в том, что больше не сможет: вздохнуть.

В конце концов случилось неизбежное: несмотря на все усилия Атеа, судно стало добычей океана. Накрытая гигантской волной, лодка всплыла днищем кверху, словно мертвая рыба, и ее потащило на рифы, а людей закружило в пенном водовороте, белом и холодном, словно саван.

Эмили приготовилась испустить дух, но Атеа вцепился в нее мертвой хваткой и, как и в первый раз, сомкнул ее руки вокруг своей шеи. Ослепленная хлеставшей в глаза водой, наглотавшаяся

соленой влаги, Эмили распласталась на нем, словно на спине дельфина.

Позднее, вспоминая о том, как Атеа боролся с волнами, она поняла, что испытывала все, что угодно, кроме страха смерти, и вовсе не потому, что он обладал геркулесовой силой, а скорее из-за его непоколебимой уверенности в себе и своей цели.

Падая от усталости, напрягая последние силы, они ползли по скользкому берегу, стремясь уйти подальше от водяных валов. Вслед им неслась дикий грохот и летели клочья пены, напоминавшие огромные хлопья снега.

Невдалеке, словно гигантские клыки, высились острые скалы; полоска суши, отделявшей их от бурного океана, казалась совсем узкой.

Стена дождя и темнота мешали разглядеть дорогу, но Атеа взял Эмили за руку и уверенно повел за собой.

Мокрые волосы облепили ее голову, подол платья — ослабевшие ноги. Обувь она потеряла, узелок с кое-какими вещами — тоже. Эмили могла радоваться только тому, что положила мешочек с деньгами в лиф платья.

Атеа привел девушку в хижину какой-то женщины. Увидев их, хозяйка заохала, а когда юноша

что-то быстро объяснил ей на своем языке, согласно кивнула.

Эмили опустилась на циновку. В стены хижины, сделанные из неровных жердей, проникал ночной холод. Больше всего на свете ей хотелось снять мокрую одежду и согреться.

Когда женщина ушла, Атеа протянул руки и принялся расстегивать платье Эмили. Она не удивилась и не испугалась. У нее было такое же состояние, как в тот раз, когда в Париже она заболела жестокой лихорадкой и много дней пролежала в постели. Под конец у нее осталось так мало сил, что она не испытывала никакого стыда, когда молодой доктор видел ее обнаженную грудь.

Ее совершенно не интересовало, что будет делать Атеа, между тем он всего лишь стянул с нее мокрое платье и белье, над которым так потешалась Моана, вытер тело Эмили и завернул ее в сухую ткань. Потом принес два бамбуковых сосуда и заставил девушку выпить сперва странный горьковатый напиток, а потом — кокосовое молоко.

Первым, наверное, была кава. Эмили смутно помнила рассказы отца об этом напитке. Он бодрит, восстанавливает силы, но при этом

одурманивает, причем совсем не так, как другие зелья. Впрочем ей было все равно.

Несмотря на каменную усталость, Эмили не могла заснуть. Видя, что она продолжает дрожать, Атеа забрался под покрывало и прижал ее к себе. Его тело было горячим и гладким, как нагретый солнцем камень, и вместо возмущения и стыда ее охватила нега, окутало блаженное тепло. Эмили словно лежала в утробе матери — то была забота, какой она не знала после того, как закончилось детство, а это случилось рано, потому что Рене часто уезжал, а присматривавшие за ней женщины, все как одна, не отличались сердечностью.

Атеа медленно отвел со лба Эмили влажный локон и погладил ее по щеке, так нежно, как не делал никто и никогда, и она тут же поняла, что отдаст ему все, ибо его прикосновения, слова и взгляды продолжали творить с ней что-то странное. Сегодняшние волны навсегда выбросили ее из прежней жизни и превратили в другого человека.

Ей хотелось ощущать биение сердца Атеа, как свой собственный пульс, она желала впитать в себя его силу, подчиниться всем его молчаливым приказам.

Эмили больше не задумывалась о том, можно

ли полюбить человека, ничего о нем не зная, реально ли найти в себе силы отвергнуть то, что любишь, и способен ли тот, кому отказывают в способности любить, полностью раствориться в этом чувстве.

Она верила в то, что Атеа научит ее наслаждаться ветром и морем, покажет, как улавливать перемену погоды, распознавать движение звезд, а главное — откроет секрет, как идти вперед, ничего не боясь.

Открыв глаза в середине ночи, Эмили сразу поняла, что Атеа не спит. Когда его губы слились с ее губами, она словно провалилась в бездну. Ее чувства хлынули наружу подобно тому, как во время шторма океан выходит из берегов, а разум померк.

Глава пятая

Проснувшись утром, Эмили испытала растерянность и смущение. Хотя минувшей ночью между ней и Атеа не было большей телесной близости, чем объятия и поцелуи, она чувствовала, что безвозвратно перешла некий рубеж.

Девушка хотела подняться с жесткого ложа, но тут же сообразила, что под покрывалом на ней ничего нет. Увидев, в каком жалком состоянии находится ее платье, Эмили пришла в отчаяние. Оно потеряло цвет и было заскорузлым от морской воды. Волосы слиплись, их следовало вымыть и расчесать.

Она огляделась. На полу хижины стояли сосуды из кокосового ореха и тыквы, многие из которых были искусно раскрашены. Со стен свисали пучки каких-то растений. Груда цветастых покрывал в углу свидетельствовала об успешной работе миссионеров, учивших местных женщин одеваться «прилично».

В хижину вошел Атеа. К удивлению Эмили, от него пахло свежестью и чистотой, а его густые кудри еще не просохли. Очевидно, он нашел

пресную воду и успел вымыться.

Его взгляд заставил ее трепетать. Несмотря на все, что довелось пережить, и на предчувствие грядущих трудностей, Эмили казалось, будто она находится в сказке. Любовь, словно щит, прикрывала ее от всего, о чем она не желала ни заботиться, ни думать. Эмили была готова отдаться ее течению, отринув правила, навязываемые моралью цивилизованного общества, согласна забыть о родине и об отце, жить в примитивных условиях, довольствуясь только самым необходимым.

Атеа присел возле нее на корточки. Его взгляд был полон восхищения и тепла, его глаза говорили о том, о чем пока не сказали уста.

Этот полный неукротимой энергии юноша должен был стать вершителем ее хрупкой судьбы.

Когда Атеа заговорил о визите к священнику, Эмили заявила, что будет лучше, если сперва со святым отцом поговорит она:

— Надо его подготовить. К тому же я должна исповедоваться.

Атеа смотрел внимательно и строго. Эмили давно подметила, что внезапная отчужденность делает его еще притягательнее и красивее.

— Зачем открывать чужому человеку тайны

своего сердца?

— Я хочу поведать о них не священнику, а Богу.

— Бог и так все знает!

— Кстати, о сердце: Атеа, ты хочешь жениться на мне, но ты ни разу не говорил… о любви, — сказала она и, вспыхнув, добавила: — Я знаю, *что* это означает на вашем языке!

Эмили вновь подумала о физической близости. Многие европейцы считали, что она убивает духовность, то есть ни в коем случае не может называться любовью. Им и в голову не могло прийти, что наслаждаясь плотской страстью, полинезийцы умудрялись сохранять чистоту души.

Атеа тоже задумался, возможно, пытаясь разобраться в своих чувствах или стараясь подобрать нужные слова.

— Душа и тело белых людей не в ладу друг с другом. То, что мы превращаем в праздник, ваши священники почему-то называют грехом. Любовь… наверное, она бывает разной? Если я могу проводить время с любыми женщинами и согласен жениться на той, которая больше подходит мне по положению, — это одно, а когда я думаю о той единственной, связь с которой противоречит всему существующему, — совсем другое. Это та

любовь, которой жаждешь ты. Думаю, я смогу дать ее тебе, — серьезно произнес он, а после заметил: — Эмалаи! Прошедшей ночью твое тело было готово, но я боялся ранить твою душу!

Эмили закрыла лицо руками. Ей было удивительно радостно и мучительно стыдно.

— Ты прав: лучше поскорее пожениться.

— Когда ты пойдешь к священнику?

Девушка покачала головой.

— Мое платье пропитано солью. Я не могу его надеть, а больше у меня ничего нет.

Не успела она возразить, как Атеа обернул покрывало вокруг ее тела, завязав концы поверх груди.

— Вот, так хорошо. Миссионеры учат наших женщин одеваться именно таким образом.

— И все-таки *я* не могу выйти из хижины в покрывале, и уж тем более пойти к священнику, — ответила Эмили.

— Источник находится совсем близко: я только что вернулся оттуда. Не думаю, что по дороге мы встретим много людей. Ты вымоешься и постираешь свое платье. На жаре оно быстро высохнет.

В конце концов Атеа удалось ее уговорить. Перед тем, как выйти из хижины, Эмили спросила:

— Кто та женщина, которой принадлежит этот

дом? Где ее муж?

— Погиб. Его разорвала акула. Сейчас Теумере живет одна. Она знает, что я смогу ее отблагодарить, потому охотно предоставила нам свою хижину.

— Что ты сказал ей обо мне?

Атеа бросил на девушку удивленный взгляд.

— Ничего. Разве арики обязан что-то кому-либо объяснять?

За ночь ветер словно вымел небо до самого горизонта — оно было безмятежным, бездонным и чистым. Отвесно падавшие раскаленные солнечные лучи ярко освещали промытую дождем зелень.

Все-таки на пути попадались люди: они беззастенчиво таращились на белокурую француженку и даже оглядывались вслед.

Цвет волос и глаз Эмили унаследовала от матери-англичанки. Ей было неловко, что ее бледная кожа покраснела от солнца, нос обгорел и на щеках рдеют яркие пятна. Девушка впервые подумала о том, что едва ли сможет круглый год выносить безжалостную атаку тропического света.

Она опустила глаза и не глядела на туземцев. Здесь, на Нуку-Хива, большинство мужчин но-

сило не набедренные повязки, а юбки до колен. Женщины обматывали тело покрывалом, доходящим до щиколоток. Их грудь чаще всего тоже была закрыта.

Атеа привел Эмили к источнику, и она согласилась помыться в нем лишь после долгих уверений в том, что он и близко не подпустит даже женщин, а уж тем более — мужчин. И все же она без конца вздрагивала и оглядывалась.

Вода освежила ее, и она вернулась в хижину в ином настроении. Выстиранное платье было развешено для просушки на ближайших кустах.

Почувствовав дикий голод, Эмили с жадностью съела несколько бананов и манго, наслаждаясь ароматной мякотью и душистым соком плодов.

Потом она опустилась на циновку, и Атеа лег рядом. Его тело было расчерчено золотыми полосками света, проникавшего сквозь плетеные стены хижины.

— Я слышала, — смущенно промолвила девушка, — что, достигнув определенного возраста, вы выбираете себе пару и уединяетесь в лесу. А потом идете… уже с кем-то другим.

— Да, это так. Но рано или поздно мы все равно останавливаем свой выбор на ком-то одном, — спокойно ответил Атеа и спросил: — Что тебя

тревожит, Эмалаи?

Она ничего не ответила, лишь издала нервный смешок, но Атеа как всегда прочитал ее мысли, хотя скорее всего — угадал чувства:

— Ты всегда будешь думать об этом и никогда не узнаешь правды, пока не испытаешь *это* сама.

— А что станет со мной потом?

Ей почудилось, будто Атеа уловил суть вопроса. Но он ответил иначе:

— Потом думать уже не захочется и не придется.

Девушка закрыла глаза. Она была бы рада всецело доверить ему свою судьбу, так, чтобы не пришлось ни о чем заботиться, но при этом понимала, что ей тоже придется бороться — едва ли не больше, чем ему: ведь он находился в привычном для себя мире и считал все свои поступки правильными, тогда как она…

Атеа молчал. Казалось, ему доставляет удовольствие просто смотреть на нее. Наверное, он любовался многими женщинами, однако Эмили была самой необычной из них — способной подарить новизну, помочь покорить неведомые вершины.

Почему-то ей казалось, будто, что бы ни случилось, между ними не останется ничего недоска-

занного. У Атеа не было трагической истории, которую он мог попытаться взвалить ей на плечи. Когда-то Эмили представлялось романтичным носить в себе чужие страдания, проживать чужую жизнь, но теперь она подумала: лучше, если этого не будет.

Атеа оказался прав: тропическое солнце быстро сделало свое дело, и через час Эмили смогла надеть высохшее платье. Она попыталась привести в порядок волосы, что было нелегко без шпилек и гребня.

— Ты правда не хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет. Я должна спокойно рассказать о себе, об отце, о… тебе. Если мы явимся вот так, без подготовки, вдвоем, боюсь, нас… не поймут, — сказала она и, не желая его обижать, добавила: — Священники своеобразные люди.

— Я знаю, — сдержанно произнес Атеа, и Эмили уловила в его голосе неприязнь.

Стоило ей выйти из хижины, как ее охватило знакомое чувство невиданного простора. Свобода горизонта, контраст между большим и малым позволяли ощутить размах и глубину жизни.

Вдоль открытого берега тянулась бесконечная полоса песка с белоснежными глыбами

коралла. Неровное океанское дно представляло собой лабиринт из рифов и заводей. Кое-где к воде почти вплотную подступали горы, оставляя небольшое пространство для пышных пальм и низкорослых кустарников.

Пройдя вглубь берега по тропинке, которая вывела их с Атеа к источнику, Эмили увидела некое подобие базара. Сидящие на корточках туземцы обменивали свои товары, среди которых были жемчуг, перламутр, кокосовое масло, шафран и копра, на рис, свинину, яйца, кур и пшеничную муку. Похоже, никого не интересовали деньги: наверное, многие вообще не знали, что это такое.

Полинезийцы хватали Эмили за одежду, пытались потрогать волосы. Они что-то бурно обсуждали на своем языке, отчего ей казалось, будто они осуждают ее или смеются над ней.

Наконец навстречу попался белый солдат, француз. Увидев Эмили, он несказанно удивился и, казалось, с трудом удержался от расспросов.

Однако он вежливо ответил на вопрос о том, где отыскать священника. Отец Гюильмар живет неподалеку, за поворотом скалы. Мадемуазель легко найдет дорогу.

Церквушка была маленькой, наспех сколо-

ченной из досок и крытой ржавым железом. За ней стоял домик под пальмовой крышей, стены которого были увиты зеленью.

Подходя к жилищу священника, Эмили с тревогой ощутила, как возвращается власть того, что она так легко отринула. Она подумала об отце, о том, какую боль ему причинило ее исчезновение и сколько удивления (и негодования) вызовет ее решение.

Внезапно ей сделалось неловко, она почувствовала, что не сможет говорить со священником в исповедальне: в ее душе и мыслях было слишком много того, что он наверняка сочтет нечистым.

Отворивший ей двери отец Гюильмар, человек средних лет с серьезным, несколько печальным, но твердым лицом, в самом деле как-то странно смотрел на нее, и Эмили пришло в голову, что он может видеть в ней попрошайку, нищенку. Именно так она и выглядела в своем выцветшем платье, без обуви и с непокрытой головой.

Опустив глаза, девушка кротко произнесла:

— Святой отец, я пришла обсудить одно дело. Мы можем поговорить не в церкви, а… у вас дома?

Священник кивнул.

— Входите.

В помещении было два стула, железная кровать, деревянный комод с зеркалом и большой обшарпанный сундук.

Хозяин указал на стул, и Эмили села, стараясь завернуть обтрепанный подол платья так, чтобы не были видны дыры.

— Кто вы, мадемуазель? Я вас не знаю, — с некоторым удивлением произнес священник.

— Меня зовут Эмили. Мой отец — путешественник Рене Марен. Возможно, вы слышали о нем? В прошлый раз он останавливался на Нуку-Хива.

Отец Гюильмар чуть наморщил лоб.

— Да, припоминаю. Об этом говорили. Но ко мне он не заходил. Тем более приятно, что вы навестили меня сейчас. А где ваш отец?

— Он остался на Тахуата. Здесь только я, и я пришла к вам, чтобы…

Внезапно Эмили поняла, что растеряла все слова. Она невольно возвела между собой и Атеа и остальным миром глухую стену и теперь не знала, как достучаться до других людей.

Наконец она решила, что будет лучше рассказать правду. Самым разумным (и неразумным) объяснением ее поступков можно считать любовь. А разве Церковь не учит любить?

Конечно, она слишком волновалась, говорила

чересчур сбивчиво и торопливо. Отец Гюильмар выслушал ее с каменным лицом, по которому нельзя было ничего прочитать, а когда она умолкла, осторожно произнес:

— Дитя мое, к сожалению, мне кажется, что все сказанное вами попахивает абсурдом.

Эмили сжала губы. Ей было за что цепляться и за что сражаться. Уловив ее настроение, отец Гюильмар продолжил:

— Я помню Атеа с острова Хива-Оа. Значит, он уже стал вождем? Он был одним из первых сыновей местной аристократии, которого отправили к нам. Он прожил на Нуку-Хива два или три года. В первое время мы были от него в восторге. Поразительно умный, прекрасно обучаемый в отличие от большинства полинезийцев. Однако когда он узнал все, что хотел узнать, то заявил, что наш Бог неправильный, что только его боги помогали островитянам со дня основания мира и всегда будут помогать, и не позволил миссионерам отправиться на Хива-Оа. Он страдает непомерной гордыней и стремится использовать все и всех в своих целях. Неудивительно, что в конце концов он даже умудрился заморочить голову белой девушке! Насколько я понимаю, вы сбежали с ним от своего отца?

— Я просто уехала, чтобы выйти замуж. Мой отец меня поймет. Он очень хорошо относится к полинезийцам.

— Не думаю, что он мечтает, чтобы кто-то из них стал его зятем! Поймите, хотя вам и кажется, что перед вами прекрасный принц, на самом деле это обыкновенный дикарь.

— Атеа прекрасно говорит по-французски.

— Для туземца. Однако вы никогда не сможете привезти его в Париж, вам придется остаться здесь. Представляю, что творится на Хива-Оа, если у нас на Нуку-Хива достаточно дикие нравы! Много лет миссионеры странствуют с острова на остров, едят подозрительные блюда, лечат неведомые болезни и стараются спасти местное население от преисподней. Их не радует здешняя природа, они устали от яркого солнца. Каждый из них хотел бы уехать, но они не могут, ибо выполняют долг перед Всевышним. Я давно руковожу местным приходом, и, поверьте, мадемуазель Марен, я хорошо изучил полинезийцев. Они отличаются, как бы это сказать… достаточно свободным поведением. Никто не живет в одном браке всю жизнь, а женщины зачастую не знают, от кого у них дети. Что касается вождей, они никогда не ограничиваются одной женой,

такое просто не принято. Ваш возлюбленный не станет проводить время с вами, у него найдутся другие дела, и вам придется разделять общество с несколькими полинезийками, которые будут иметь на него такие же права, что и вы. Вы больше не прочитаете ни одной книги, потому что на Хива-Оа их просто нет, станете ходить босиком и носить юбки из тапы. Кстати, здесь далеко не всегда светит солнце: в сезон дождей вы будете дрожать в жалкой хижине и страдать от укусов насекомых. Когда полинезийке приходит время рожать, она прячется в ближайших кустах и через несколько минут выходит оттуда с ребенком. А что будете делать вы?!

На мгновение Эмили прижала ладони к пылающим щекам, а потом сложила их, словно в молитве.

— Я не могу бросить Атеа! Ведь он сам предложил обвенчаться со мной по христианскому обряду!

— Скажите, он носит крест?

Поколебавшись, Эмили призналась:

— Нет.

— Вот видите. С этого и надо начинать. Не думаю, что он был искренен, как перед Господом, так и перед вами. Возможно, он просто использу-

ет вас, о чем я уже говорил!

— Использует меня? Каким образом? Я — никто. Обычная женщина даже в представлении полинезийцев!

— Вы неправы. Мне бы не хотелось об этом говорить, но, похоже, правительство собирается всерьез взяться за покорение Маркизских островов. Если наши солдаты высадятся на Хива-Оа, белая жена вождя может послужить хорошим залогом, вернее заложницей…

— Атеа никогда бы не пришли в голову подобные мысли!

— Вы его не знаете. Вы приписываете ему те качества, какие хотите видеть в своем возлюбленном. Недаром он бросил знатную девушку, с которой сговорился о браке! На то должна быть веская причина.

Эмили вскинула голову.

— А если эта причина — любовь?

— Дитя мое, туземцы не умеют любить в том смысле, в каком *мы* понимаем это слово. Должно быть, вы слышали болтовню про ману? Местные вожди только и делают, что заботятся о том, как бы не потерять ее, увеличить и укрепить. Женитьба на белой женщине возвысит Атеа, ибо о таком тут еще не слыхивали. Жажда славы и

власти — враг простых человеческих отношений. К сожалению, полинезийцы, как и белые, тоже страдают желаниями, сжигающими душу.

Эмили не верила. Не хотела верить. Она вспоминала слова отца о зрелости духа. В таком состоянии человек отделяется от материального мира, отрешается от всего притворного и наносного. Такую вершину нелегко покорить. Это случается и в юности, хотя и очень редко. Но сейчас Эмили чудилось, будто с ней произошло именно это, что она ясно видит свою цель и знает свой путь.

Атеа спас ее от сердечного одиночества, от бесцельности существования, он, словно орел, распростер над ней широкие крылья, чтобы защитить от невзгод и бед.

— Значит, вы не согласны нас обвенчать?

— Нет. Только в том случае, если сюда явится ваш отец и попросит меня об этом.

— Это невозможно, я уже говорила, что мой отец остался на Тахуата. Но… я могу прислать к вам Атеа. Поговорите с ним.

— Мне не хочется с ним говорить. Тем более, я боюсь сорваться и сказать ему то, что не приличествует моему сану, — ответил священник и поднялся с места. — Ступайте. Если вам по-

надобится помощь, вы знаете, где меня найти. Можете остаться здесь прямо сейчас — я готов вас приютить.

Она покачала головой.

— Вы отказались мне помочь!

— Потому что не хочу губить вашу жизнь. Возвращайтесь в Париж! Все забудется, и вы будете думать не о том, что потеряли, а о том, чего вам удалось избежать. Мне не хочется нарушать приличия в разговоре с вами, но… надеюсь, вы не согрешили с… дикарем?

Эмили покраснела под его пристальным взглядом, но сжала губы и промолчала. Священник кивнул.

— Если даже и так, я готов закрыть на это глаза, и Господь, уверен, тоже вас простит. Я не прошу покаяния, только остановитесь! Между вами пропасть, которую нельзя преодолеть! Еще никому не удавалось перехитрить судьбу.

Девушка встала, поправила волосы, отряхнула платье и расправила плечи.

— Я попытаюсь.

Когда Эмили уже была на пороге, отец Гюильмар сказал:

— Кстати, мадемуазель Марен, поинтересуйтесь у вашего избранника, как давно он в

последний раз ел человеческое мясо? Жители отдаленных островов считают его деликатесом.

Эмили ничего не ответила. Она вышла на крыльцо и тихо прикрыла за собой дверь.

Она не знала, что и как сказать Атеа, и не слишком хорошо понимала, что им теперь делать.

Эмили медленно брела обратно. Горизонт порозовел, волны были одеты алой парчой и белоснежными кружевами. Она не думала, что прошло столько времени. Значит, эту ночь они с Атеа еще не встретят мужем и женой!

Когда она вошла в хижину, юноша сразу все понял.

— Он тебе отказал. Давай с ним поговорю *я!*

— Отец Гюильмар не хочет тебя видеть. Он оскорблен тем, что ты не позволил миссионерам высадиться на Хива-Оа.

Во взоре Атеа появилось что-то обжигающее.

— Они делают то, чего не делаем мы: вторгаются в чужую жизнь, заражают нас неизлечимыми болезнями, свергают неугодных вождей. Почему я должен их принимать, как дорогих гостей? Белые люди так и не смогли доказать, что их вера сильнее нашей. Они думали, что я помогу им завоевать мой народ, надеялись, что я соблазнюсь их обещаниями и подарками. А я просто взял от

них то, что мне было нужно, и ушел. Теперь я знаю их язык, умею считать их деньги, владею их оружием и никогда не позволю себя обмануть!

Эмили подавленно молчала, и молодой вождь спросил:

— Что еще он тебе сказал?

— Отец Гюильмар велел мне поинтересоваться… как давно ты ел… человечину!

— Вообще не ел. Я сын арики, и у нас всегда было вдоволь свинины, — ответил Атеа, а после заметил: — Разве я могу хорошо относиться к человеку, который думает обо мне такие вещи?!

— Еще он сказал, что в сезон дождей ваши хижины заливает вода.

— Неправда. С чего бы нам мокнуть! Мы пропитываем тапу маслом или древесной смолой и покрываем ею стены жилищ. А сами носим накидки, которые не пропускают влагу.

— Отец Гюильмар уверял, что я больше никогда не прочту ни одной книги, что у меня не будет самых обычных вещей!

— Корабли, пристающие к Нуку-Хива, привозят самые разные товары. А на жемчуг можно выменять что угодно. Я прикажу выстроить для нас деревянный дом. У тебя будет все, что ты пожелаешь.

Атеа обнял ее, и Эмили поняла, что он прикасается к ней так легко и непринужденно и вместе с тем властно, будто она давно принадлежит ему. Он с самого начала решил, что так будет, и никуда ее не отпустит.

— Ты веришь мне или ему, Эмалаи?

Девушка постаралась, чтобы голос не дрогнул:

— Конечно, тебе.

— У нас есть еще один выход. Мы надрежем кожу у себя на руках и приложим ранки друг к другу. Это будет означать единство крови. Потом выпьем из одного сосуда — неважно, кавы, воды или кокосового молока: это соединит наши души. И наконец проведем вместе ночь, обменявшись тайными телесными силами, после чего ты будешь считаться моей женой. Вернувшись на Хива-Оа, устроим свадебный пир. Вот и все. Ты согласна, Эмалаи?

У нее пересохло в горле и потемнело в глазах.

— И когда мы должны это сделать?

— Сейчас.

Эмили понимала, что, ответив согласием, отрежет все пути к отступлению.

Впрочем, возможно, Атеа прав, и тех границ, которые она так страшится перейти, просто нет?

Несмотря на предостережения отца Гюильмара,

ничто в нем не вызывало в ней ни отвращения, ни отторжения, ни испуга. В отличие от белых мужчин этот полинезийский юноша не пытался поймать женщину в сети пустых обещаний и притворных слов. Он говорил и действовал искренне. И она не должна давать ему повода сомневаться в ней.

— Хорошо, я согласна.

Лунный свет, проникавший в хижину, был таким сильным, что Эмили, наверное, смогла бы читать. И в этом голубоватом сиянии цвета внешности Атеа были такими же яркими и чистыми, как и днем.

Когда он взял нож, Эмили вздрогнула, но после без колебаний протянула руку.

По ее коже Атеа провел едва заметную царапину, тогда как свою надрезал сильнее. Когда он приложил ранку к ранке, Эмили ощутила его частый и сильный пульс. Они не двигались, молчали и ждали непонятно чего, чувствуя неумолимость судьбы, что влекла их друг к другу.

Наконец Атеа отнял руку, взял две половинки кокосового ореха и наполнил их разведенной водой кавой. Они медленно пили, глядя друг на друга поверх ободка своих «чаш».

Потом Эмили позволила раздеть себя и покорилась его рукам.

Она думала о том, каким же страстным, нежным, осторожным и опытным должен быть мужчина, чтобы даже такая женщина, как она, словно сетями, опутанная предрассудками, заключенная в корсет железной морали, захотела *этого.* Ее всегда пугали всевидящим оком, приучая бояться своих желаний, прятаться от самой себя в невидимую скорлупу.

Однако с ним ей не было страшно, несмотря на то, что его сильное смуглое тело составляло резкий контраст с ее хрупким и белым, а его воля, казалось, пригибала ее к земле.

Все чувства Эмили мгновенно сосредотачивались там, где он прикасался к ней. Несмотря на постоянные упражнения с веслами и оружием, руки Атеа были удивительно мягкими и нежными.

Он целовал ее грудь, шею и плечи, осторожно проводил пальцами между ног. Его власть затуманила ей голову, а любовь к нему размягчила сердце. В тот миг, когда она перестала ощущать какие-либо преграды к их соединению, он вошел в ее тело.

Эмили задрожала и вскрикнула. Она чув-

ствовала, как что-то растет и пульсирует в ней, расцветает и повелевает изнутри. Ей было немного больно, но то была не мучительная боль, пожалуй, отчасти жертвенная, в чем она, безусловно, была права, ибо для Атеа этот акт тоже был возвышенным и священным: слияние вождя с предназначенной ему девственницей считалось одним из важнейших ритуалов жертвоприношения богам.

Когда Атеа затих, Эмили долго лежала, не шевелясь, ожидая, что он сделает или скажет. Она думала о том, что многие люди, подобно ей, ищут, сами не зная чего, однако свято уверены в том, что когда истина попадется им на пути, они сразу это поймут. И, стараясь успокоиться и привести в порядок чувства, говорила себе, что для нее наступил такой миг.

— Теперь ты моя жена! Ты родишь мне детей, ты навсегда останешься со мной! Ты предназначалась мне! — прошептал Атеа, словно вторя ее мыслям.

Решив быть честной до конца, Эмили напомнила:

— Тебе была предназначена Моана.

— Людьми, а не богами, а это совсем другое.

Глава шестая

Совсем недавно небо было покрыто россыпью звезд, но вот уже начало светать. Горизонт заиграл волшебными красками, и из-за края земли, где по преданию маркизцев рождается жизнь, вынырнуло багровое солнце.

Рене посмотрел на Моану, неподвижно стоявшую на корме и одетую нежным светом зари. Она вглядывалась в длинные ряды бурлящих волн, разбивавшихся о берег с тучей соленых брызг. Эта девушка вполне оправдывала свое имя: как и океан, ее душа никогда не успокаивалась, а воля не ослабевала.

За время путешествия Рене довелось пережить такое, что ему и не снилось. Мало того, что его слепило солнце, а вода ревела так, что французу казалось, будто его поместили внутрь огромного барабана, однажды посреди открытого океана лодка дала течь! Хотя Рене и умел плавать, однако сомневался в том, что сумеет добраться до суши, если кругом виден лишь сплошной горизонт!

Моана и ее брат Тауи не выказали ни малейшей паники. Девушка подала Рене половинку

кокоса, велев вычерпывать воду, а юноша быстро законопатил дыру пучком кокосового волокна.

— Не бойся, — сказала Моана, поймав облегченный взгляд француза, — даже если бы лодка затонула, мы бы доплыли до берега.

— *Вы*, но не я, — заметил Рене и в сердцах воскликнул: — Хотел бы я знать, какие боги учат вас плавать!

Девушка пожала плечами.

— Мы такими рождаемся.

— Так не бывает.

— Почему? Кто учит паука ткать паутину, а акулу искать добычу?

— Ты права, — рассмеялся Рене, — вы дети моря! Мы прикладываем множество усилий, пытаясь понять мир, в котором живем, а вы и так все о нем знаете. Вы способны в одиночку противостоять огромным пространствам, а нас пугает собственная душа.

Издалека огромный скалистый берег казался колышущимся, расплывчатым. Он возвышался в море, словно гранитная стена. Некое чувство подсказывало Рене, что остров встретит его плохими вестями. Едва ли мсье Брюа, обосновавшийся на Нуку-Хива губернатор океанских колоний, захочет послать солдат на Хива-Оа только затем,

чтобы вызволить дочь французского путешественника!

Белый, как сахар, прибрежный песок состоял из миллионов крохотных ракушек и коралловой крошки. Водоросли и морские анемоны образовывали в прибрежной заводи живой ковер всех цветов радуги — то был настоящий подводный сад.

Прямая и невозмутимая, как богиня, Моана уверенно направилась вглубь острова. Тауи остался на берегу, возле лодки.

Рене с трудом удалось убедить девушку накинуть на плечи одну из шалей Эмили и завязать узлом на груди. Он знал, что как постоянно открытая часть тела женская грудь не слишком привлекает местных мужчин, чего нельзя было сказать о живущих на острове белых военных. Не хватало еще, чтобы кто-то из них вздумал приставать к гордой дочери вождя!

Попасть к губернатору оказалось не так-то просто: прежде Рене пришлось встретиться с офицером, возглавлявшим здешний гарнизон.

Тот был молод, не старше двадцати пяти лет, и носил всего-навсего звание капитана. Высшие чины, а также военные, обремененные семьями, не стремились отправиться за океан, справедли-

во полагая, что вернуться домой будет нелегко.

— Губернатора нет, он в отъезде, как и начальник гарнизона, которого мне поручено заменять, — сообщил капитан, представившийся Морисом Тайлем.

— Я прошу вас выслушать меня, капитан, это очень важно.

— Присаживайтесь, мсье, — пригласил Тайль, с любопытством разглядывая Моану, стоявшую возле дверей с таким видом, словно она вот-вот готова напасть или напротив — сбежать.

— Меня зовут Рене Марен, я изучаю Океанию. Прибыл на Маркизские острова по поручению Французского географического общества. Со мной приехала моя дочь, Эмили Марен. Мы прожили на Тахуата почти два месяца, когда ее похитил вождь с острова Хива-Оа по имени Атеа. Мне необходимо вызволить ее, и я обращаюсь к вам за помощью.

— Расскажите подробнее, как это произошло, — попросил капитан и, внимательно выслушав Рене, сказал: — Я не могу послать людей на Хива-Оа без соответствующего приказа свыше. На то, чтобы отправить запрос начальству и получить ответ, уйдет много времени. Вы полагаете, вашей дочери угрожает опасность? С какой целью она

была похищена? Что вообще представляет из себя этот Атеа?

Он взял лист бумаги и обмакнул перо в чернила, приготовившись записать приметы.

— Ему двадцать три года. Удивительно развитый для полинезийца, очень красивый и непомерно тщеславный. Я не знаю, зачем ему Эмили. Не думаю, что он сделает ей что-то плохое, но я хочу получить свою дочь обратно.

— Так, — офицер отложил перо, — а она не могла сама с ним бежать?

— Вы допускаете такое?!

— Судя по вашему описанию, этот вождь вполне мог ее соблазнить.

— Я в это не верю, — отрезал Рене, — Эмили очень разумная девушка.

— А это кто? — поинтересовался Тайль, кивнув на Моану. — Ваша вахине[4]?

— Это дочь вождя Лоа, та самая девушка, которую Атеа бросил в день свадьбы.

— Неужели? Такую красавицу?! Я бы никогда этого не сделал. Она понимает наш язык?

— Немного. Думаю, она уловила суть разговора.

---

[4] Примечания: 4
Женщина.

— Передайте ей, что я восхищен ее красотой. Значит, теперь она одинока?

— Дочери вождей блюдут себя, капитан. Думаю, у вас нет никаких шансов, — несколько раздраженно произнес Рене.

Он прекрасно знал, что каждый белый на острове живет с полинезийкой, а иногда и не с одной. То, что у островитян брак не закреплялся никаким гражданским или церковным актом, вполне устраивало французов, и они великодушно величали своих временных подруг женами.

На самом деле о таких женщинах можно было только мечтать: они не требовали ни особого внимания, ни подарков, ни денег, ни комплиментов, вдобавок одаривали мужчин ничем не скованной чувственностью.

— Жаль, — заметил Морис Тайль и сказал: — Я подумаю, чем вам помочь. Будет лучше, мсье Марен, если вы придете завтра, скажем, в это же время. К сожалению, гостиниц здесь нет, но я бы посоветовал вам остановиться у отца Гюильмара. Он весьма радушный человек; я объясню, как его найти.

Когда они вышли на улицу, Моана спросила:

— Что тебе сказал этот белый? Я не все поняла.

— Что он постарается нам помочь. А еще он

восхищался твоей красотой, — ответил Рене и добавил: — Будь осторожна с белыми мужчинами. Им нельзя верить.

— Я могу за себя постоять, — твердо произнесла Моана.

Рене невольно любовался ею. Этой девушке была присуща та мягкая грация и поразительная свобода движений, какой не увидишь у европеек. Ее спокойное открытое лицо редко омрачалось заботой или тревогой. Впрочем так было недавно. Теперь же ее беспрестанно грызли какие-то мысли, отчего взор прекрасных карих глаз словно заволокло грозовыми тучами.

Забрав Тауи, они отправились к священнику.

Отец Гюильмар сразу понравился Рене. Линии его лба были чисты и благородны, взгляд казался удивительно проникновенным, а в уголках губ затаилось что-то горестное. Услыхав имя посетителя, он вздрогнул всем телом.

— Совсем недавно ко мне заходила ваша дочь!

— Эмили?! Не может быть! Она на Хива-Оа!

— Ошибаетесь. Она на Нуку-Хива.

— Как она здесь оказалась?! Она обратилась к вам за помощью?!

— Нет, — ответил священник и пригласил: — Садитесь. — А когда Рене сел, нашарил на полке

небольшую жестянку и спросил: — Хотите чаю? Я берегу его, как иной берег бы крупицы золота.

— Благодарю вас… Святой отец, умоляю, не тяните! Что с Эмили?! Как мне ее найти?!

— К сожалению, я не спросил, где она, то есть… они остановились.

— Они?

Отец Гюильмар смотрел на Рене в упор.

— *Что* вам известно о вашей дочери?

— Эмили похитил Атеа, вождь с острова Хива-Оа.

— К сожалению, это не совсем так. Судя по всему, она уехала с ним добровольно. — Священник присел к столу. — Что предложить вашим спутникам? Тоже чаю?

— Лучше кокосового молока, если у вас найдется.

— Да, — сказал отец Гюильмар и позвал: — Сесилия! — Из соседнего помещения вышла женщина лет тридцати с широким плоским носом, очень полными губами и непроницаемым взглядом черных глаз. Ее цветастое покрывало было скромно повязано поверх груди, а на обвивавшей шею цепочке висел большой крест. — Сесилия, отведи этих молодых людей на кухню и накорми.

Рассказ священника длился недолго. В конце

он сказал:

— Я предлагал вашей дочери помощь, обещал отпущение любых грехов, умолял ее одуматься — все напрасно! Она повернулась и ушла.

В глазах Рене заблестели слезы. Пальцы теребили потертый кожаный пояс.

— Как она выглядела?

— Растрепанные волосы, босые ноги, обгоревшая кожа, линялое платье. Похоже, ее нисколько не удручал собственный вид. Она думала только об этом полинезийце.

Обхватив голову руками, Рене принялся раскачиваться на стуле.

— Я не понимаю, ничего не понимаю. Я думал, что хорошо знаю дочь, я считал вождя Лоа своим другом; этот молодой человек, Атеа, понравился мне своей дальновидностью и упорством; мне казалось, я без труда угадываю помыслы островитян.

Отец Гюильмар вздохнул.

— Мсье Марен, я живу здесь много лет и каждый день вижу этих людей, но так и не стал частью их жизни. Я учу их преодолевать животные инстинкты и следовать зову души, но все напрасно. В их языке нет слова «работать», зато есть десятки названий для… сами понимаете чего.

— Вы полагаете, *это* уже произошло с Эмили?

— Трудно сказать. Не удивлюсь, если да.

Рене вскочил и ударил кулаком по столу.

— Если этот дикарь посмел обесчестить мою дочь, я его убью!

— Мадемуазель Марен утверждала, что вы очень хорошо относитесь к полинезийцам. Похоже, она считала, что вы не станете возражать против этого брака, — заметил отец Гюильмар, на что Рене ответил:

— Вероятно, она сошла с ума.

Покинув дом священника, Рене решил вернуться к Морису Тайлю. По дороге он сказал Моане:

— Атеа забрал с собой Эмили, чтобы жениться на ней. Она приходила к священнику, дабы тот совершил обряд по обычаям белых.

К его изумлению, туземка приняла это известие совершенно спокойно. Ее лицо осталось таким же твердым, и взгляд не затуманился гневом.

— Эмалаи не виновата, — промолвила она. — Это все мана Атеа. Перед ней никто не может устоять.

— Вы бы были прекрасной парой. Зачем ему понадобилась моя дочь! — в отчаянии воскликнул Рене.

— Я слышала, иные женщины отправляются

на Нуку-Хива, чтобы затем родить детей от белых и снискать всеобщее уважение. Сын арики — божественный ребенок. Должно быть, Атеа хочет произвести на свет человека с такой маной, какой еще не видывал свет! — В тоне Моаны не было иронии, лишь странная задумчивость и легкая горечь.

К счастью, офицер был на месте, и Рене удалось встретиться с ним еще раз.

— Если они здесь, — сказал капитан, — это меняет дело. Остров не такой уж большой — мы их найдем. Заберем вашу дочь, а туземца отправим в тюрьму.

— Мне нелегко в этом признаваться, но, похоже, Эмили сбежала с ним по своей воле. В чем его можно обвинить в этом случае?

Морис Тайль задумался.

— В связи с белой женщиной. Я слышал, в Америке за это приговаривают к смертной казни!

— Речь идет о рабах, а Атеа — свободный. Кроме того, он арики, вождь. И его нельзя считать темнокожим. К тому же жители Маркизских островов — французские подданные.

— Вы правы. Это осложняет дело, — задумчиво произнес капитан и в сердцах добавил: — Всем известно, что наши мужчины живут с местными

женщинами. Но чтобы белая девушка связалась с полинезийцем — такого еще не случалось! — И видя, что Рене совершенно убит, предложил: — Давайте для начала отыщем их, а после решим, как нам поступить.

Их тела сливались так естественно, как сливались бы потоки воды; Эмили доставляло удовольствие покоряться бесконечному и безудержному желанию Атеа. Теперь она понимала, что значит сродниться и душой, и плотью. Ей казалось удивительным, что мечту, оказывается, можно гладить, целовать, прижимать к себе.

Влюбленные отрывались друг от друга лишь затем, чтобы поесть, сходить к источнику или искупаться в море при лунном свете. Страсть пробуждалась и распускалась в теле Эмили под ласками Атеа, словно растение под жарким солнцем.

Молодой вождь был удивлен, узнав, что европейки устроены иначе, чем полинезийские девушки: те начинали испытывать наслаждение с первой же ночи, проведенной с мужчиной, и когда дело касалось плотской любви, не ведали запретов или стыда.

— Правда, что арики всегда берут себе несколько жен? — спросила Эмили.

Она одевалась, собираясь пойти с Атеа на местный рынок. Ей хотелось посмотреть, что можно купить на французские деньги.

Атеа, чьи сборы занимали существенно меньше времени, лежал на еще не остывшем ложе любви и наблюдал за нею.

— Да, но ни один из них не имел белой жены. Наши законы не касаются тебя, Эмалаи. К тому же я никогда не стану делать того, что может причинить тебе боль.

— Мне кажется, твои люди не примут меня.

— Они будут делать то, что прикажу *я.*

Эмили не успела выйти на солнечный свет: внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился Рене. Позади стояли незнакомый мужчина в офицерской форме и два солдата. А еще, к своему величайшему удивлению и стыду, девушка увидела рядом с ними Моану.

Эмили невольно отшатнулась, а Атеа вскочил с циновки и подался вперед.

— Рене!

— Я убью тебя собственными руками! Что ты сделал с моей дочерью?!

Девушка никогда еще не видела отца в таком состоянии. Рене был охвачен разочарованием и гневом. Он понял, что Эмили променяла его на

Атеа, догадался, что они уже были близки.

— Она стала моей женой. Я хотел заключить с ней брак по вашим обычаям, чтобы он был признан и белыми, но нам отказал священник.

— И правильно сделал! Неужели ты думаешь, что я отдам ее *тебе!*

— Почему нет? Я куда более знатный человек, чем вы, Рене, и владею значительным богатством.

— Ты обыкновенный дикарь!

Глаза Атеа загорелись, а губы задергались, но он ничего не сказал. И тут вперед выскочила Моана. К счастью, у нее не было оружия, потому что если бы она держала в руке нож, то непременно вонзила бы его в тело Атеа.

Гибкая, как пантера, она прыгнула на него, будто на добычу, норовя выцарапать глаза. На Эмили полинезийка даже не взглянула.

Оторвав от себя девушку, Атеа отшвырнул ее прочь. Моана упала, но тотчас поднялась на ноги и произнесла несколько слов. Судя по тону, это было тяжкое оскорбление, проклятие, а быть может, клятва о мести.

— Я намерен задержать тебя, — сказал капитан полинезийцу.

Атеа смерил его взглядом.

— За что? Я ничего не сделал.

— Ты вступил в связь с белой женщиной.

— Это не преступление.

— И все же я намерен тебя допросить.

— Послушайте, — вмешалась Эмили, — все произошло по доброй воле. Я в самом деле согласилась стать женой Атеа. Вы не можете его задерживать. У вас нет такого права.

— Я знаю свои права, — заметил Морис Тайль и сделал знак солдатам: — Арестуйте этого человека.

К всеобщему удивлению, Атеа не выказал никакого сопротивления, и капитан испытал заметное разочарование, поскольку надеялся бросить полинезийца в тюрьму за неповиновение властям.

— Меня скоро отпустят, — сказал Атеа Эмили. — Им не в чем меня обвинить.

Когда его увели, девушка обернулась к отцу. В глазах Рене блестели слезы. Его силы истощились, боевой дух испарился.

— Что ты наделала! — только и сказал он.

Эмили опустила голову. Ей было жаль отца, и она боялась взгляда Моаны, как страшилась собственного стыда.

— Прости меня, если можешь! — прошептала она.

Туземка сделала шаг вперед. Эмили ждала, что Моана ее ударит, но та всего-навсего сорвала с себя шаль, бросила на землю и наступила на нее ногами. А после произнесла несколько фраз.

Хотя Эмили мало что поняла, у нее было чувство, будто каждое слово вонзается в ее сердце подобно острой игле.

Напоследок Моана обратилась к Рене на французском:

— Мы будем ждать тебя возле лодки.

Потом повернулась и, не оглядываясь, зашагала прочь *вместе с* Тауи.

— Что она сказала? — спросила Эмили у отца, и тот устало перевел:

— Что у них есть миф, рассказывающий о происхождении людей от червей. И что иногда случается так, что человек возвращается к этому состоянию. Она не будет тебе мстить, потому что знает: тебя ждут великие беды.

Девушка подавленно молчала, и Рене промолвил:

— Эмили! Нам лучше дождаться «Дидоны» на Нуку-Хива.

Она стояла вполоборота к нему. Ветер трепал ее распущенные волосы, а в голубых глазах играло солнце. Хотя она хотела выглядеть и казаться

счастливой, свободной и смелой, мужчина чувствовал, что в глубине души ее терзают сомнения и страхи.

— Зачем мне «Дидона»? Я остаюсь здесь.

— Ты должна вернуться в Париж.

Эмили зажмурилась, зная, что причинит ему невыносимую боль.

— Я никому ничего не должна.

Рене попытался взять себя в руки.

— Хорошо. Я должен вернуться в Париж. Но я не могу сделать это без тебя.

— Зато ты можешь отправиться на Хива-Оа вместе со мной и Атеа.

Отец сокрушенно покачал головой. Впервые он не чувствовал в своей дочери родной крови, не ощущал ни малейшей частички себя. Ему казалось, что их разделяет целый континент.

— Что он с тобой сделал? Он… взял тебя силой?

— Нет. Я его *люблю*. *Мы* любим друг друга.

Рене тяжело вздохнул.

— Жди меня здесь. Я пойду на берег и скажу Моане и Тауи, чтобы они возвращались на Тахуата без меня.

Лодка мерно покачивалась на голубом зеркале воды. Тауи разбивал о камень собранных морских улиток и преспокойно ел их сырыми. Лицо

стоящей рядом Моаны было хмурым и… прекрасным. Выслушав Рене, она сказала:

— Как хочешь. Если ты отказываешься ехать, Тауи отправится на Тахуата один.

— А ты?!

— Я останусь на Нуку-Хива. Я знала, что не вернусь. Моя тамошняя жизнь закончена. Здесь же я постараюсь начать все заново.

— Моана! Ты не можешь жить на Нуку-Хива одна. Тебя могут обидеть.

— Я никого не боюсь.

— Лоа будет очень огорчен.

— Зато ему не придется стыдиться дочери, отвергнутой женихом.

Рене знал, что с ней бесполезно спорить. Порывшись, он извлек из карманов две монеты по пять франков.

— Возьми. Пригодится.

Покосившись на деньги, Моана покачала головой.

— В отличие от вас мы прекрасно обходимся без них. На острове много еды. А если мне что-то понадобится, я сумею добыть это без денег.

Рене молчал. Что он мог сказать? Судьба этой девушки была сломана из-за жестокой прихоти одного человека и слепого безумства другого.

Вместе с тем он знал, что полинезийцы воспринимают жизнь, как поток, который куда-нибудь да вынесет и, в отличие от европейцев, никогда не считают себя мучениками обстоятельств.

Впрочем он видел, что сердце Моаны не разбито. Пострадала лишь ее гордость. И потому он куда сильнее боялся за дочь. Рене знал, что ему не удастся разубедить Эмили, ибо любовь — костер, способный разгореться, пока в нем теплится хотя бы один уголек. Значит, остается уповать на то, на что нельзя уповать, если желаешь своему ребенку счастья: на разочарование, предательство, разбитые надежды.

Глава седьмая

С первых минут ареста Атеа держался как лицо, облеченное высшей властью. Он без колебаний опустился на деревянный стул, как европейский король опустился бы на трон, и с величайшим снисхождением задал Тайлю вопрос:

— Так какой закон я нарушил?

— Закон, который гласит: не строй из себя слишком много, — ответил капитан. — Ты посягнул на честь белой девушки, причем вопреки воле ее отца.

— Но не вопреки *ее* воле. И почему вы считаете возможным указывать, что мне делать?

— Потому что ты французский подданный.

— Это не ваши острова. Не вы, а *я* правитель одного из них. Так что у меня есть основания считать *вас* своим подданным.

Морис Тайль не ожидал такой наглости. Он не знал, что сказать, тем более он чувствовал себя неуверенно в чужом кабинете, кабинете настоящего начальника гарнизона.

Помещение имело мрачный и запущенный вид. Кроме того, здесь было жарко, как в печи;

под потолком на разные лады звенели мухи. Стол был завален бумагами, на стене висели барометр, картина с изображением парусника и карта той окраины земли, куда Мориса Тайля занесла судьба. На этой карте виднелись обширные пробелы.

— У тебя будет время подумать, кто такой ты, а кто я. Я отправляю тебя в тюрьму.

Атеа встал со стула.

— Вы не имеете права!

— Еще как имею, — ответил капитан, хотя и не был полностью уверен в этом.

Морису Тайлю было в диковинку видеть перед собой туземца, пусть и не вполне правильно, но довольно сносно говорящего по-французски, отнюдь не наивного и поразительно уверенного в себе. Для капитана, как и для большинства людей, мир дикарей и мир цивилизованных людей были двумя полюсами, противостоящими друг другу во всех отношениях. Он не разделял миссионерских позиций и считал, что для всех будет лучше, если дикари так и останутся дикарями.

Его глубоко оскорбляло и страшно раздражало поведение Атеа, посмевшего дотронуться до белой женщины. Он соглашался видеть в нем самое большее — красивое животное, однако чувствовал, что под обликом варвара скрывается

непомерное честолюбие и величайшая гордыня, которую французу во что бы то ни стало хотелось сломить.

А еще Морис Тайль понимал, что боится этого человека. Потому прежде, чем позвать солдат, он взял пистолет и взвел курок.

Полинезиец замер. Его взгляд пронзал капитана насквозь. Он словно касался его души невидимым жезлом, повелевая встать на колени. Морису понадобилось много усилий, чтобы заставить свои руки не дрожать.

Когда в кабинет вошли вооруженные солдаты, он облегченно перевел дыхание.

— Отведите этого молодчика в тюрьму Будет сопротивляться, стреляйте. Поместите его с теми парнями, которых арестовали вчера.

Те задержанные были белыми. К несчастью, эти края нередко становились пристанищем заблудших, беспринципных душ. Преступники, бродяги, авантюристы умудрялись проникнуть на торговые судна и прибыть на Нуку-Хива. Здесь они пытались обирать туземцев, напивались кавы, дурно обращались с женщинами. Отец Гюильмар много раз жаловался на них начальнику гарнизона, но тот лишь пожимал плечами. Когда Тайль, воспользовавшись временными полномо-

чиями, решил их приструнить, они принялись его оскорблять, и тогда он приказал посадить их в тюрьму.

Местная тюрьма представляла собой самый обычный, более-менее надежно сколоченный из досок сарай, запиравшийся на большой железный замок. Коренные островитяне туда почти не попадали, потому что их просто не за что было сажать.

Когда солдаты втолкнули в помещение Атеа, а затем заперли дверь, трое белых арестантов принялись колотить в стены и кричать:

— Эй, капитан, ты же обещал: никаких обезьян!

Ответом послужило молчание, и тогда они обратили взоры к Атеа, сохранявшего величавую осанку вождя.

— Сейчас ты пожалеешь о том, что здесь очутился! — прошипел один из них.

И Атеа спокойно ответил:

— Я уже жалею.

Мужчины удивились: они не ожидали, что полинезиец может говорить по-французски. Это разозлило их еще больше, так как они привыкли к безмолвному и трусливому повиновению туземцев.

Когда один из арестантов бросился к Атеа, другие немедленно последовали его примеру. Они навалились на него, заставив встать на колени. Кто-то вцепился ему в волосы, другой схватил за шею.

Пол «тюрьмы» был покрыт обычной смесью ракушек и песка. Нашарив раковину с острым, как бритва, краем, Атеа с силой полоснул ею по руке, сжимавшей его горло.

Издав пронзительный крик, мужчина отпустил свою жертву. Воспользовавшись мгновенной растерянностью остальных нападавших, Атеа раскидал их по сторонам.

Один из них, быстро придя в себя, принялся кружить вокруг полинезийца.

— Ах ты тварь! Погоди, сейчас мы тебя скрутим!

— Не думаю, — произнес Атеа, внимательно следя за его движениями. — На твоем теле есть несколько уязвимых мест, которые я могу порезать этой раковиной: пять толчков сердца, и твоя душа отправится гулять по острову.

— Оставь его! — проворчал другой мужчина, а после обратился к полинезийцу: — За что тебя сюда посадили?

— За то, что я это я.

— Хороший ответ. Что ж, раз ты такой храбрый и прыткий, нам не стоит ссориться. В конце концов, и мы, и ты не на свободе.

Посмотрев на него своими большими, темными, непроницаемыми глазами, Атеа твердо и четко произнес:

— Я свободен.

В это время в кабинет Мориса Тайля вошла Эмили Марен. Капитан догадывался, что она скажет, но он не знал, что ответить *ей,* прежде всего потому, что по-прежнему сомневался в своей правоте. И все же он не понимал эту девушку, не боявшуюся того, что ее хрупкая греза развеется, соприкоснувшись с грубой реальностью внешнего мира.

Эмили не выглядела ни искушенной, ни безумной, ни утомленной скукой, ни пресытившейся богатством. И между тем была готова променять жизнь в Париже на убогое существование в хижине дикаря.

Морис не мог постичь ее стремлений, потому что сам прибыл в Полинезию именно для того, чтобы иметь возможность вернуться во Францию хотя бы с какими-то деньгами. Здесь мало на что приходилось тратиться, и большую часть жалованья молодой человек складывал в пустую

жестянку из-под табака.

После всех революций и войн Париж наводнила орда бедноты, согласной работать за такие гроши, что найти хорошую работу казалось почти невозможным. Нищие множились, как саранча; в ту пору жалкая чердачная комната без мебели и камина для многих казалась роскошью.

Желая вырваться из оков бедности, Морис с радостью согласился на предложение отправиться на Маркизские острова, где тепло и вдоволь бесплатной еды и женской любви.

В результате он уже устал от здешней жары, ему надоела местная кухня, а вахине он еще не нашел.

Морис часто вспоминал Париж, как некое волшебное видение. Ему казалось, будто он существует в странном сне, где все прекрасно и в то же время до боли чуждо. Он очень хотел вернуться обратно.

— Прошу вас, капитан, — сказала Эмили, — отпустите Атеа. Ведь он и впрямь ничего не сделал!

— Но ваш отец…

— Мой отец не чувствует того, что чувствую я.

— Он не хочет оставлять вас в Полинезии. Зачем запирать себя на крохотном Хива-Оа? За

пределами океана — целый мир; поверьте, мадемуазель Марен, он очень большой!

— Этот мир в моем сердце, — ответила Эмили и прижала руки к груди.

— Простите, — не выдержал Морис, — но вы влюблены в дикаря!

— Разве дикарь может сказать: «Я всегда хочу видеть себя в твоих глазах?» — спросила девушка, и капитан не нашелся, что ответить.

— Мсье Тайль, — продолжила Эмили, — позвольте нам самим решать свою судьбу. Любая возможность таит в себе и надежду, и страх. Гораздо хуже, когда ее просто нет.

Капитан со вздохом поднялся со стула, попутно отцепляя от пояса ключи.

По дороге он задал своей спутнице вопрос:

— А что вы думаете о той девушке, которую ваш избранник попросту вышвырнул из своей жизни?

— Мне кажется, Моана не была бы счастлива с Атеа.

— Слабое утешение. Зато они очень похожи, а вот вы с ним — нет. Вам всегда придется относиться к нему со снисхождением.

Эмили улыбнулась.

— Возможно, вы не поверите, но, кажется, со-

всем наоборот.

Капитан привел последний аргумент:

— Вы согласны существовать в беспросветной бедности?

— Ошибаетесь: Атеа очень богат. Если б вы знали, какую жемчужину он показал мне на своем острове! За нее можно выручить кучу денег!

— Ну и что он сумеет купить здесь на эти деньги? — проворчал Морис.

Открыв дверь тюрьмы, он заглянул внутрь. Атеа сидел на корточках возле стены, белые узники расположились на противоположной стороне. Капитану почудилось, будто глаза полинезийца светятся в темноте, и он вновь испытал неприятное чувство, будто к нему вернулись давние детские страхи перед неведомым.

— Я тебя отпускаю, — сказал он. — Иди и постарайся быть настолько разумным, насколько это возможно.

Атеа поднялся на ноги и, не промолвив ни звука, не оглянувшись на остальных узников, вышел из сарая так уверенно и неторопливо, как будто переходил из комнаты в комнату.

Следом вскочили другие арестанты и забарабанили в дверь, которую Морис едва успел запереть.

Обернувшись, он увидел, как Эмили бросилась навстречу Атеа. Она и впрямь смотрела на него так, будто это живой бог спустился с небес, чтобы разделить с ней жизнь. Они оба глядели друг на друга так, словно на свете ничего больше не существует.

Под вечер Морис Тайль вернулся домой в растревоженных чувствах. Он не знал, чем закончится эта история, и не хотел знать.

Его здешнее жилье было тесным и бедным. Застеленное циновками узкое ложе, нечто вроде комода, сплетенного из бамбука, традиционный набор туземной посуды — тыквенных мисок и чаш из кокосового ореха. Добывание и приготовление пищи на острове не требовало никаких усилий, но, с точки зрения Мориса, ею было невозможно насытиться. Он мог сколько угодно набивать желудок фруктами и плодами хлебного дерева, и все равно ощущал голод. На острове почти не было мяса, и порой капитан мрачно шутил, что понимает туземцев, готовых отведать человечины.

Морис опустился на ложе. Странно, за окном — яркий, шумный, красочный мир, а здесь — пустота и тишина. Он вновь подумал о вахине. Другие военные, недолго думая, обзаводились

временными спутницами, но он не знал, кого выбрать, ибо все туземки казались ему на одно лицо. Делить же свое жилье с кем попало ему не хотелось, хотя он понимал, что было бы неплохо привести в дом женщину, пусть даже для того, чтобы она вела его скудное хозяйство.

Уже засыпая, Морис очнулся от какого-то звука. Он по сей день жил, как на войне, всегда и везде чутко прислушиваясь к любым шумам.

Открыв глаза, он приподнялся на локте и… остолбенел: в дверях стояла та самая девушка, Моана!

Вскормленная плодами земли и обласканная солнцем, она обладала тем совершенством, какое только способно пожелать мужское воображение. У парижанок не встретишь такой свежей кожи и ясных глаз! Овал лица полинезийки был безукоризненным, а зубы поражали своей белизной. Казавшаяся живой завеса волос прикрывала ее прелестную грудь, а из-под подола юбки виднелись стройные ножки.

Что ей нужно?! У Мориса часто забилось сердце и пересохло во рту Сможет ли она его понять? Он еще недостаточно хорошо знал местный язык.

Молодой человек боялся ее спугнуть, хотя было очевидно, что она пришла к нему с какой-то

определенной целью.

— Входи, — сказал он, и Моана переступила порог.

В ней не чувствовалось никакого страха, и вместе с тем она выглядела настороженной.

— Где Атеа?

Морис вздрогнул. Сдался им всем этот Атеа! Он ощутил разочарование и досаду.

— Не знаю.

— Не знаешь? Ты приказал схватить его! Ты можешь его убить?

— Не могу. Я его отпустил.

Сделав шаг вперед, она тряхнула головой.

— Почему ты это сделал?

— Меня попросила та француженка, Эмили. К тому же Атеа не совершил никакого преступления. Мне не за что его задерживать, а тем более убивать.

— Он отверг меня.

— Знаю. Я тебе сочувствую. Однако мне кажется, что такая девушка, как ты, без труда найдет себе другого мужчину.

— После того, как меня бросил Атеа, на мне никто не женится.

— Думаю, ты ошибаешься, — мягко произнес Морис, а после спросил: — Ты собираешься вер-

нуться на свой остров?

— Нет. Я остаюсь на Нуку-Хива.

Морис затаил дыхание. В темных глазах Моаны зияла бездна. Девушка стояла в двух шагах от него и вместе с тем казалась недосягаемой. Внезапно он понял, что желает ее сильнее всех женщин на свете.

— Тебе есть где остановиться?

— Я не думала об этом.

Она не уходила и словно чего-то ждала.

«Страсть — это их жизнь», — так говорили про туземок. Для них не существует завтра, они живут сегодняшним днем. Однако в Моане угадывалась страсть иного рода, разрушительная, похожая на невидимую стрелу, направленную в будущее.

Впрочем сейчас Морису было все равно. Он до боли желал ощутить вкус и запах ее плоти, хотел раствориться в ней, пить ее, словно вино. Через слияние с этой девушкой он мечтал познать простоту, чистоту и цельность жизни.

— Я буду рад, если ты останешься здесь и согласишься стать моей вахине.

Когда он произнес эти слова, Моана поднесла руку к лицу странным жестом, словно пытаясь прикрыть от неведомого ветра пламя своих сверкающих глаз.

— Это невозможно. Я могу принадлежать только тому, кто обладает маной. У тебя она есть?

Морис не удивился. Если б его мечта осуществилась, это было бы слишком большой удачей.

— Вероятно, нет, раз я не знаю, что это такое.

— Люди подчиняются тебе, ты способен вести их за собой?

— Если я прикажу, они пойдут.

— Это не то. Ты должен овладеть их душами.

Капитан усмехнулся.

— Такое мне не по силам. Я не Господь Бог и даже не священник.

Моана помолчала, оценивающе глядя на него. Этот белый был не хуже и не лучше любого другого мужчины. Единственное, что казалось в нем по-настоящему красивым, так это глаза: синие, как океан, и такие же глубокие и прозрачные. А еще ей нравилось, что он не пытается преувеличить свои достоинства, а говорит правду.

В конце концов отныне она должна отдать себя тому мужчине, который поможет ей приблизиться к цели. Если он желает ее тела, она заплатит телом, поскольку больше у нее ничего нет.

— Я буду твоей, если ты докажешь, что ты сильнее Атеа.

Морис встрепенулся.

— Я не смогу сделать это сейчас и не в состоянии справиться один. Атеа наверняка уехал на свой остров, а там он неуязвим в окружении воинов. Но я обещаю тебе попытаться. И я прошу тебя не уходить.

Сказав это, капитан огляделся. Разумеется, он не рассчитывал, что она с ходу согласится поселиться в его холостяцком жилье: не выметенный пол, остатки еды в тыквенной миске, под потолком — паутина. Но Моана ответила:

— Хорошо.

Его лицо осветила улыбка.

— Клянусь, ты не пожалеешь. Я о тебе позабочусь.

Он предложил ей фруктов, и она немного поела. Потом села на кровать и небрежно откинула назад волосы, обнажив свои дивные прелести. При этом у нее был одухотворенный и властный вид, что привело капитана в восхищение.

Морис ожидал, что Моана велит ему лечь на полу, но ошибся: она не стала возражать, когда он сперва медленно опустился на ложе, а после осторожно придвинулся к ней.

Разумеется, капитан попытался воспользоваться ситуацией, но у него ничего не вышло.

Для женщины она была удивительно сильной

и так плотно сжимала колени, что он не находил ни малейшей лазейки. Однако Моана была не против, чтобы он целовал ее в губы и ласкал ее обнаженную грудь, и, делая это, Морис сгорал от неутоленной страсти. Он окунулся в бездну терпких запахов, пылких прикосновений, отчаянных вздохов. Плоть Моаны отвечала ему, и это сводило его с ума.

Они оба метались в темноте комнаты на горячем как печка ложе, но если при этом он не помнил себя, то она ни на миг не утратила власти над своим существом.

Потом Моана уснула в его объятиях, а Морис до утра не сомкнул глаз, мучительно ощущая ее дразнящую близость, глубокое чувственное дыхание, теплое прикосновение ее гибкого тела и шелковистых волос.

Он думал, что на рассвете она, как другие женщины, приготовит ему еду, но Моана сказала:

— Дочь вождя не прислуживает чужим мужчинам.

— Сдается, мы не совсем чужие, — с улыбкой промолвил Морис.

Моана посмотрела ему в глаза и ничего не ответила. Когда молодой человек попытался притянуть ее к себе, она сделалась неподатливой

и колючей, уперлась рукой ему в грудь и с силой оттолкнула. Он смирился, тем более, что для объятий уже не осталось времени.

— Что же ты будешь делать целый день, пока я на службе?

— Не знаю.

Больше всего на свете Морис боялся, что она исчезнет так же внезапно, как появилась, и его посетила мысль отвести девушку к отцу Гюильмару. К его удивлению, Моана сразу же согласилась.

Когда они вышли на улицу, Мориса шатало, как после морской качки. Тем не менее он по-новому смотрел на этот огромный дикий сад, на вонзавшиеся в небо и похожие на акульи зубы зазубренные пики, на пассатные облака, бегущие своей вечной дорогой, на защитный барьер кораллового рифа. Возможно, правы те, кто считает, будто человеческое счастье измеряется не материальным благополучием, а душевным спокойствием. Если его вообще можно измерить.

Разумеется, священник заметил, что молодой человек пребывает в некоем дурмане, но не подал вида.

— Вижу, и вы, капитан, обзавелись вахине.

— Увы, святой отец, это не совсем так. Эта де-

вушка согласилась поселиться в моей хижине просто потому, что ей некуда идти. Не могли бы вы позаботиться о ней, пока я на службе?

Священник улыбнулся.

— Я поручу ее заботам Сесилии. — И предложил: — Не хотите ли чаю?

— Кто же откажется от вашего чая, отец Гюильмар!

Когда Сесилия увела Моану, священник налил капитану полную чашку, да еще угостил его пресными лепешками.

Понимая, что разговора не избежать, молодой человек задавал себе вопрос: почему он должен добиваться близости полинезийки столь немыслимыми путями, тогда как другие мужчины получают от них все, что хотят, по первому же требованию? С местными женщинами не жили разве что высшие военные чины: в их среде это считалось неприличным. Или ему стоит принять расхожее мнение, что кого любит Бог, с того Он строже и спрашивает?

— Вижу, вы желаете эту девушку.

Морис вздохнул.

— Я знаю, вы скажете, что это грех.

— Нет, я скажу другое. Мне искренне жаль Моану, и я знаю, что у вас доброе сердце. Я бы

советовал вам заключить христианский брак. Таким образом вы покажете хороший пример своим сослуживцам.

Морис, не отрываясь, смотрел в чашку, от которой поднимался ароматный дымок.

— Я не уверен, отец Гюильмар, хватит ли меня на это. Я не собираюсь оставаться на Нуку-Хива. Я приехал сюда заработать денег и мечтаю вернуться в Париж. Вы прекрасно понимаете, что я не смогу уехать туда с полинезийской женой.

— Из какой вы семьи?

— У моего отца была ферма, но он разорился во время войны.

Стоило Морису вспомнить вспаханную землю, росу на полях, живые изгороди, тюки сена, крестьян в неизменных сабо, как у него защемило сердце. Попав в Полинезию, он всеми силами старался отрешиться от хрупких, но неугасимых воспоминаний, и чаще всего у него получалось. Но иногда какой-то пустяк давал внезапный толчок мыслям о родине, и тогда они овладевали им, словно некое наваждение.

— Значит, во Франции вас никто не ждет?

— Пожалуй, нет.

— Если бы вы по-настоящему полюбили эту девушку…

Морис не удержался от иронии:

— А вы, отец Гюильмар, вы — любите островитян?

— Конечно.

— Как любят собак или кошек или все-таки как… людей?

— Как неразумных существ, нуждающихся в человеческом просвещении и защите Господа.

Капитан не стал говорить о том, что, похоже, туземцы ни в чем не нуждаются. Вместо этого он поднялся и, поблагодарив за угощение, отправился на службу, предвкушая вечернюю встречу с Моаной.

Возможно, со временем девушка станет сговорчивее и ему удастся избежать условия, которое сейчас казалось совершенно невыполнимым. Попробуй достань Атеа на его острове! А сюда он едва ли вернется, во всяком случае, в скором времени.

На службе его поджидал сюрприз. Еще до рассвета к берегам Нуку-Хива причалило судно с губернатором мсье Брюа и начальником гарнизона Жоржем Менкье, и теперь последний поджидал его в кабинете, где Тайль еще вчера единолично принимал решения, касающиеся проблем острова.

Пришлось срочно докладывать обстановку. Среди прочего Морис доложил о временном аресте Атеа.

— Что? — оторвав глаза от бумаг, Менкье уставился на капитана. — Этот выскочка с Хива-Оа был в ваших руках, и вы его отпустили?!

Тайль стоял навытяжку, тогда как его мысли беспокойно метались в голове. Он сразу понял, что совершил большую ошибку.

— Но этот человек ничего не сделал. У меня не было оснований его задерживать.

Начальник гарнизона поднялся из-за стола. Судя по всему, он был взбешен.

— Запомните, Тайль: вы имеете право арестовать и наказать любого туземца просто так, ни за что. И уж тем более должны были задержать этого наглеца с Хива-Оа. Он из тех вождей, которые не в состоянии понять, что являются всего лишь орудием в руках представителей великой державы. Он полагает, будто может иметь собственное мнение и проявлять непокорность. Он не продается и не сдается.

Капитан молчал. Очевидно, до начальника не доходило, что он говорит об Атеа как о герое.

— Как вам удалось получить офицерское звание? — спросил Менкье.

— Я проявил храбрость в бою.

— Значит, проявите ее еще раз, а заодно получите возможность исправить свой промах. Губернатор Брюа и я поручаем вам возглавить карательную экспедицию на Хива-Оа. Справитесь — будете прощены и, возможно, получите повышение. Но если нет, тогда не обессудьте.

От волнения Морис облизнул губы. Он не знал, радоваться ему или досадовать.

— Я слышал, у Атеа есть около сотни ружей и воины, умеющие из них стрелять.

— Это пугает вас, капитан? — насмешливо произнес Менкье. — Так выставьте против них двести ружей — я дам вам людей. У этого выскочки с Хива-Оа нет главного, что есть у нас: европейского ума и силы воли белого человека.

— Вы с ним встречались?

— Как говорится, не имел чести. Но я слышал, что он очень смел и обладает непомерной гордыней.

— Да, он производит именно такое впечатление, — согласился Тайль и спросил: — Когда я должен отплыть?

— Не сразу. Подготовьтесь. Мы обязаны навязать двум островам, Тахуата и Хива-Оа, протекторат, чего бы это ни стоило. Это наш долг перед

страной и королем.

Морис кивнул, думая о Моане. Пожалуй, не стоит говорить, что дочь вождя Лоа находится на Нуку-Хива. Вместо этого он заметил:

— Я мало что слышал о Тахуата.

— Этот остров поменьше, и, кажется, тамошний вождь не столь влиятелен. Сейчас главная проблема — это Атеа. Захватите его или убейте, и тогда его земли и его люди окажутся в наших руках. Лишившись арики, они не станут сопротивляться.

Капитан не знал, стоит или нет упоминать об Эмили, но все же решил признаться:

— Атеа увез с собой белую женщину.

Глаза начальника гарнизона сделались похожими на две узкие металлические полоски.

— Что?! На Хива-Оа?

— Да.

— Он украл ее?

— Нет. Насколько мне известно, она уехала с ним по доброй воле.

— Потрясающе! Кто она?

— Эмили Марен, дочь путешественника Рене Марена. Он не хотел ее отпускать, но она не послушалась.

— Это интересно. И, полагаю, важно. Где сейчас

мсье Марен?

— Думаю, еще здесь, на Нуку-Хива.

— Если это так, разыщите его и пришлите ко мне. Я хочу с ним поговорить.

Коротко поклонившись, Тайль вышел наружу. Солнце казалось безмятежным и ярким, а голубая гладь лагуны пестрела белыми чайками, ловящими рыбу Ему не хотелось воевать, но это было необходимо… во всех отношениях.

Вечером Морис отправился к отцу Гюильмару, чтобы забрать Моану, не будучи уверенным в том, что она все еще там. Эта вольная как ветер, непредсказуемая девушка была способна на любой поступок.

К его радости, Моана никуда не ушла: более того, священник отозвался о ней с большой похвалой:

— Она весьма сообразительна и старательна. Пусть приходит завтра. — А после добавил: — И подумайте над моими словами.

— Эта девушка и сама никогда не выйдет за меня замуж. Она говорит, что ей нужен мужчина, обладающий маной. У меня ее нет.

— Пройдет время, и она поймет, что никакая мана не стоит доброго сердца.

Поблагодарив отца Гюильмара, Морис кивнул

Моане. Ему почудилось, будто при виде него глаза девушки сверкнули, а уголки губ дрогнули. Она ничего не сказала, а просто пошла за ним.

Стараниями отца Гюильмара и его служанки Сесилии Моана сменила «одежду»: теперь ее тело было обернуто куском пестрой ткани. По дороге Морис любовался округлыми плечами девушки и ее длинной шеей, а когда они вошли в хижину, взялся за концы узла и развязал его.

Ткань соскользнула на пол, и он снова мог видеть ее прекрасную грудь и гибкую талию.

Моана стояла посреди хижины, высоко подняв голову. Лунные блики, запутавшиеся в ее густых, вьющихся волосах, напоминали алмазы, а кожа словно светилась изнутри. Ее молчаливая, грозная таинственность богини сводила Мориса с ума.

Он положил на стол сверток, принесенный с местного рынка. В нем была свинина — редкое лакомство в Полинезии. Не надеясь на то, что Моана разведет огонь в земляной печи и приготовит мясо, он приказал поджарить его и теперь смотрел, как девушка с наслаждением вонзает в сочную мякоть свои острые белые зубы.

«У меня самая странная вахине на острове», — подумал он, но эта мысль не вызвала в нем

раздражения.

Было видно, что она привыкла требовать и отказывать, не дарить, а брать. Интересно, а какой бы она была с Атеа? Явно не такой, как с ним, Морисом Тайлем.

Он не понимал Моану. Она могла уйти в непонятное ему созерцание, унестись к тем пределам, куда Морису с его «европейским умом» не было доступа. Жила собственной жизнью, в которой ему — увы! — пока не находилось места.

— Ты самая жестокосердная девушка на свете! — с горечью заметил он, когда она закончила есть. — Ты могла бы хотя бы поговорить со мной.

Обратив к нему взор своих пронзительных темных глаз, Моана сказала:

— Я согласна принять твою веру и надеть крест. Твой Бог, наделивший белых людей такими богатствами и знаниями, должен обладать великим могуществом. Но сделаю это лишь после того, как мне удастся его испытать, точно так же, как стану твоей, когда смогу испытать тебя.

— Меня ты сумеешь испытать, а вот Господа — не получится. Он властен над нами всегда и во всем, — ответил Морис, после чего рассказал ей о том, что ему поручено отправиться на Хива-Оа.

— Я поеду с тобой! — немедленно заявила Мо-

ана.

— Нет. Война — не женское дело. Будет лучше, если ты подождешь меня здесь. Я постараюсь сдержать свое слово, тем более, что мое командование хочет того же, чего желаешь ты.

— А мой отец? Ты можешь обещать, что он останется жив?

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы Лоа не пострадал.

Морис настойчиво смотрел ей в глаза. Ему хотелось, чтобы благодарность и любовь этой девушки вспыхнули ярким пламенем, чтобы она забыла себя и свою гордость и думала только о нем.

Теплый ветер трепал подол платья Эмили, ее белокурые волосы поблескивали на солнце. Изрезанный берег уединенной бухточки казался неприветливым и диким, но море манило к себе сверкающей голубой бездной.

Они с Атеа задержались с отплытием: Эмили хотела приобрести и забрать на Хива-Оа как можно больше полезных и нужных вещей.

Все это время Рене уговаривал ее одуматься, но она его не слушала. И вот теперь он стоял у кромки воды, глядя, как Атеа переносит в лодку вещи. Рене ненавидел этого полинезийского Аполлона

с железной волей и каменным сердцем.

Молодой вождь предлагал французу отправиться на Хива-Оа вместе с дочерью, но тот наотрез отказался. Если и он, и Эмили окажутся на уединенном острове, пути назад не будет. Рене решил, что должен остаться на Нуку-Хива и попытаться спасти дочь. Ему не удалось вызволить Эмили из плена безумия путем увещеваний, значит, надо вырвать ее из рук Атеа при помощи силы.

— Из-за тебя сразу два отца лишились своих дочерей, — сказал Рене на прощание, — и ты поплатишься за это.

Атеа ничего не ответил. Рене в отчаянии потянулся к Эмили, но она отстранилась. Глаза девушки были полны слез.

— Прости отец, — промолвила она и шагнула в лодку.

Глава восьмая

Эмили не могла отвести взгляда от игравшего волшебными красками заката. Она знала: полинезийцы считают, будто солнце ныряет за океан на западе и, пройдя под землей, возвращается на небеса на востоке.

Когда мир окутала тропическая тьма, девушке почудилось, будто она ослепла. Эмили ощущала себя ничтожной в этой безбрежной ночи, но ей казалось, будто Атеа мрак лишь придавал мужества.

Возможно, так было потому, что он верил не только в то, что можно увидеть своими глазами. А еще с ним были луна и звезды, по которым он прокладывал путь.

Эмили не помнила, сколько времени прошло, но однажды, проснувшись на рассвете, поняла, что сегодня окажется в своем новом доме.

Она подняла голову, а потом села в лодке. На горизонте голубела горная гряда Хива-Оа. Атеа по-прежнему бодро работал веслами. От райских кущ острова их отделяла гряда бушующего прибоя.

Когда они были почти у самого берега, их подхватила и понесла вперед могучая волна. Позади и впереди пенились острые гребни, но Атеа справился с прибоем.

Зато Эмили была мокрой с головы до ног. Поля ее шляпки уныло обвисли, а новые туфли грозили развалиться так же быстро, как и прежние.

Атеа выволок лодку на берег, подальше от волн. После чего гордо выпрямился и внимательно осмотрелся. Это была *его* родина, его остров, его маленькое королевство.

Воздух пах водорослями и морской водой, а океан срастался с небесной синью. По воде скользила солнечная дорожка, на берегу трепетали пальмы. Великое и необъятное, вечное и неизменное властвовали над природой и человеком.

Эмили запрещала себе думать о прошлом. Ее увлекла сюда сила, которой она не могла противиться. И неважно, была ли то сила любви или какая-то другая. Она должна была выстоять ради своего будущего.

На берег высыпали люди. Десятки темных глаз удивленно разглядывали Эмили. Многие узнали белую девушку, которая некоторое время жила на острове вместе со своим отцом, но сейчас никто не понимал, что она делает рядом с арики.

Вперед выступили два немолодых жреца в колышущихся над головами уборах из пышных перьев, накинутых на плечи плащах из луба и с длинными жезлами в руках.

— Вождь Атеа! Ты жив! Уцелевшие воины сказали, что ты попал в плен!

— Как видите, я на свободе.

— А твоя мана?

— Ничто не может пошатнуть ее или разрушить. Кто правил в мое отсутствие?

— Совет племени.

Атеа кивнул. Как ни была растеряна Эмили, она не могла отвести глаз от его гордого профиля с прямым носом, твердым подбородком и надменно сжатыми губами, от его мускулистого и вместе с тем изящного тела.

Кивнув на нее, Атеа произнес несколько слов, и Эмили увидела, как лица жрецов вытянулись. Один из них стиснул свой жезл, а другой что-то хрипло выкрикнул.

— Что ты им сказал? — в тревоге спросила Эмили.

— Что ты будешь моей женой.

— Они не примут меня!

— Это не им решать, — ответил Атеа и, взяв Эмили за руку, повел ее в глубь острова.

По пути к ним без конца присоединялись люди. Мужчины и женщины в набедренных повязках и юбках из тапы, украшениях из кораллов и ракушек с благоговением смотрели на вернувшегося вождя и с любопытством — на его странную спутницу.

Атеа ни на кого не обращал внимания. Он привел Эмили во «дворец», представлявший собой большую хижину с обширным двором, окруженным высокой изгородью, сооруженной из обломков кораллов.

Внутри все было таким же простым, как и в других полинезийских домах, если не считать большего количества циновок, примитивной бамбуковой мебели и посуды. Две стороны дома имели крышу и «жалюзи» из листьев кокосовой пальмы, две другие — из листьев пандануса.

Атеа с гордостью показал ей свое жилище, и Эмили сказала себе: «Пусть у него нет дорогих одежд, великолепного дворца, груды золота, зато он готов подарить мне нечто большее — красоту своей страны и силу своей любви».

Открыв сундучок, Эмили принялась доставать из него вещи. Ей хотелось показать Атеа, что она хочет и сможет здесь жить.

— К сожалению, я должен тебя оставить, —

сказал он. — Мне необходимо собрать совет племени. Я должен поговорить со старейшинами и жрецами.

— Обо мне? — взволнованно произнесла Эмили.

Взгляд Атеа потеплел.

— Не только. Не думай об этом, все будет хорошо. Я пришлю к тебе двух девушек; они дочери жрецов и немного знают твой язык. Они побудут с тобой до вечера, помогут тебе нарядиться и выбрать украшения.

— Зачем?

— Потому что вечером состоится наша свадьба.

Вскоре к дому подошли две девушки, такие же красивые, как Моана, немного настороженные и все же довольно приветливые. Одну из них звали Тефана, а вторую Киа. У обеих были широко расставленные глаза, полные губы, золотистая кожа и крепкие груди.

Девушки принялись восхищаться светлыми волосами француженки и ахать над ее нарядом, говоря, что он совсем не подходит для свадьбы.

Эмили была готова уступить. Она подумала о том, что одетой, как полинезийка, ей будет проще сблизиться с подданными Атеа.

В результате девушки распустили ей волосы, увенчав их венком из ярко-красных цветов гибискуса, натерли тело кокосовым маслом и шафрановой куркумой, надели на шею ожерелье из ракушек и длинных красивых перьев птицы босун, а бедра обернули желтой, как солнце, тапой.

Единственное, на чем настояла Эмили, так это на том, чтобы прикрыть грудь шелковой шалью. Глядя на себя в зеркало, она вспомнила свадьбу Моаны, и ей стало не по себе. Даруют ли чужие боги счастье той, которая отняла его у другой?

В это время Атеа вошел в круг своих соратников, составлявших совет племени, с украшенным резьбой жезлом в руках и в великолепном головном уборе в виде повязки красно-бело-черного цвета, увенчанной листьями пандануса и длинными переливчатыми перьями.

Подробно расспросив жрецов и старейшин о делах племени, Атеа объявил о предстоящей свадьбе и получил ответ:

— Рядом с тобой должна быть другая женщина.

— Это решаю только я.

— Ты прекрасно знаешь, что нет. Ты волен владеть любыми женщинами, но женитьба вождя должна служить интересам народа. Зачем тебе

эта белая? Она чужая для нас!

— Она мне нужна, — твердо произнес Атеа.

— Ты готов поставить свою прихоть выше благополучия своего племени?

Глаза Атеа сверкнули, а губы дернулись. Подняв правую руку, он торжественно проговорил:

— Призывая богов в свидетели, я даю священную клятву в том, что никогда не променяю тех, среди кого родился и кем повелеваю, ни на какую женщину. Мои действия принесут пользу народу — со временем вы это поймете.

— Твои действия разбудили бога войны, теперь вождь Лоа — наш враг, а это очень плохо. Белым будет легче перебить нас по отдельности.

— Они не смогут нас победить, и мы не пропустим их к Тахуата. Мы заманим их к рифам, которые станут вратами смерти.

Пока вождь заседал с советом племени, десятки его подданных готовили свадебный пир. Крыли навес, а землю под ним застилали яркими циновками. Вынимали из земляных печей только что приготовленную пищу и несли туда, где должны были сидеть жених с невестой и их высокопоставленные гости, большие деревянные чаши, полные печеных плодов хлебного дерева. Клали на банановые листья зажаренные целиком сви-

ные туши и жареную рыбу. Ставили в ряд сосуды с кокосовым молоком, соком манго и кавой.

Слыша вдали грохот барабанов, Эмили ощущала нервную дрожь. Вдобавок, желая порадовать будущую жену арики, Тефана наивно сообщила девушке о том, как сильно ей повезло:

— Многие женщины, испытавшие ласку нашего вождя, говорили, что он способен доставить своей избраннице немыслимое наслаждение.

Услыхав такое, Эмили прикусила губу.

— Значит, их было много?

— Ни одна женщина не откажется разделить ложе с вождем. К тому же по традиции многие отцы сами приводят дочерей к арики, чтобы он лишил их девственности. Это большая честь.

— Значит, и вы… тоже? — промолвила Эмили, глядя на Тефану и Киа.

Те переглянулись.

— Нет, — ответила Киа, — мы дочери жрецов; до брака нам нельзя принадлежать другому мужчине, даже если это сам вождь.

Эмили перевела дыхание. Спасибо хотя бы за то, что Атеа не назначил ей в компаньонки одну из своих бывших любовниц!

Войдя в хижину, он посмотрел на нее таким взглядом, словно весь мир лежал у его ног. Тефана

и Киа немедленно вышли наружу. Эмили и Атеа остались одни.

— Я сумел их убедить, — сообщил он. — Ты станешь моей женой!

— Скажи, что любишь меня, — попросила она.

— Ты прекрасна, Эмалаи! — произнес Атеа, с восхищением глядя на алые цветы в ее белокурых волосах, на правильные и нежные черты ее прелестного лица. — Я люблю тебя!

Он надел ей на шею великолепное жемчужное ожерелье, которому позавидовала бы любая королева.

— Это мой свадебный подарок.

— Какой красивый! Спасибо.

Любуясь крупными, прозрачными, словно живыми жемчужинами, Эмили обратила внимание, что они нанизаны на какую-то странную нить.

— Это женские волосы, — пояснил Атеа, — самые прочные нити на свете.

Внезапно Эмили вспомнила, как Моана говорила о том, что в день свадьбы жених преподнесет ей прекрасное жемчужное ожерелье. Правильно ли поступил Атеа, подарив ей украшение, которое прежде предназначалось другой женщине? Не приведет ли это к несчастью?

Девушке стало не по себе, но она не решилась

заговорить об этом.

Когда они явились на пир, Эмили вновь встретила неприязненные взгляды жрецов.

— Надо посадить ее на кусок белой тапы и прилюдно проверить, девственна ли она! — заявил один из них.

— Она была невинна до первой ночи со мной, я могу поклясться в этом, — невозмутимо ответил Атеа, а Эмили залилась краской.

Они уселись на небольшое возвышение в центре площадки, и пир начался.

Беспрерывно гремели барабаны — им вторила большая группа певцов. Красивые девушки и юноши исполняли ритуальные танцы. Когда по кругу пошли сосуды с кавой, жрецы и другие гости ненадолго забыли об упрямом вожде и его белой жене. Барабанный бой, пение, разговоры, веселый смех слились в сплошной гул.

Атеа взял Эмили за руку, и их пальцы переплелись. Он смотрел на гостей с гордой снисходительностью, а на нее — так, будто они были здесь только вдвоем.

Эмили сильно устала. Она не привыкла к такому шуму, ее смущали беспрестанные выкрики гостей, а движения танцоров казались бесстыдными.

Атеа вовсе не выглядел утомленным. Его глаза блестели, он двигался легко, как ветер. Полинезийцы были удивительно здоровыми людьми, не знающими ни телесных недугов, ни душевного уныния.

Когда пир закончился и они вернулись в хижину, крепкое смуглое тело Атеа обрушило на нее такие жаркие и безумные ласки, что Эмили потеряла голову. В том, что касалось телесной любви, он не ведал ни стыда, ни запретов.

Некоторые ее соотечественницы наверняка сочли бы происходящее настоящей оргией, но Эмили говорила себе, что они с Атеа чисты, потому что любят друг друга. А в том, что они не сочетались христианским браком, не было их вины.

Так началась ее жизнь на Хива-Оа. Рано утром Атеа покидал хижину, и Эмили оставалась в обществе Тефаны и Киа. Она не знала, что делал ее муж, — женщинам не разрешалось приближаться к тем местам, где собирались жрецы, старейшины и воины.

Он возвращался в самые жаркие часы, и пока солнце стояло в зените, проводил время в хижине. Отдых непременно сопровождался пылким любовным актом, после чего Атеа и Эмили

засыпали в объятиях друг друга. Потом он вновь уходил и возвращался под вечер.

Они не ели вместе — на острове это было запрещено, ибо все действия вождя считались священными, а она была всего лишь женщиной. И все же Атеа во многом вел себя не так, как другие мужчины. Он пытался разделить ее мысли, он старался сделать так, чтобы она не грустила. В часы пьянящей, всепожирающей страсти он шептал, что исполнит любое ее желание, что их любовь никогда не умрет.

По вечерам они гуляли по берегу, купаясь в свете заката, глядя, как багровый свет растекается по небу, ослепительно вспыхивая, а потом медленно тает.

Атеа и Эмили шли рука об руку и разговаривали обо всем на свете. Они не всегда находили нужные слова, но все равно понимали друг друга.

Они говорили о золотой дороге, начертанной в море лучами заходящего солнца, по которой уходят души умерших. О вратах зари, открывавшей путь для юных искателей приключений. О ветрах, которые знают древнюю мудрость и шепчут вечные песни.

Легкий бриз трепал волосы Эмили, и они закрывали ее лицо золотистой вуалью. Ей было

приятно ступать босыми ногами по теплому мокрому песку, она наслаждалась свободой тела от прилегавшей к нему одежды.

Разумеется, ей многого не хватало: книг, некоторых вещей, привычного общения. Тефана и Киа были веселы, исполнительны и милы, но они не могли стать настоящими подругами Эмили.

Пища на острове была поразительно однообразна. Ее готовили раз в день, после полудня, в земляной печи. По утрам обходились холодными остатками вчерашней трапезы. Мясо ели лишь по большим праздникам, вроде свадьбы Атеа и Эмили, но, похоже, никто не страдал от этого. У женщин было не так уж много работы: поскольку тапа раскисала в воде, грязную одежду не стирали, а просто выбрасывали. Посуду тоже не приходилось мыть: пищу раскладывали на банановых листьях, а ели руками.

Иногда Эмили думала о том, сумеет ли подарить Атеа наследника? Тефана и Киа сказали, что жена вождя обязана произвести на свет ребенка не позже чем через год со дня свадьбы: в противном случае муж вправе ее отвергнуть. Полинезийки рожали часто и много; на Хива-Оа дети не болели и не умирали, ибо здесь царило вечное тепло и было вдоволь еды. Эмили ни разу

не встретила ребенка с врожденным уродством или каким-либо заметным недостатком.

Порой она задавалась вопросом, не захочет ли Атеа взять вторую жену? Ведь обычаи не запрещали, а поощряли это. Чем больше у арики женщин и детей, тем сильней его мана. Он обещал, что она будет единственной, но со временем все может измениться.

Однажды она заговорила об этом с Тефаной, и та спокойно ответила:

— Ну и что? У вождей так принято. Все равно первая жена считается главной.

Эмили оставалась одинокой среди местных жителей, потому что не понимала их, а они не понимали ее. Дело было не в речи (мало-помалу она постигала язык маркизцев), а в образе жизни, мыслях и чувствах островитян, которые не задумывались о будущем, не страдали по прошлому, всегда улыбались и никогда не плакали.

Не проходило дня, чтобы Эмили не вспоминала отца. Она не могла представить, чтобы Рене уехал во Францию без нее, и вместе с тем не надеялась, что он до сих пор находится на Нуку-Хива. Они всегда жили вдвоем, отец воспитал ее, у них был свой мир, а потом она его бросила, предала.

Иногда Эмили мысленно переносилась в Па-

риж и путешествовала по знакомым улицам, а порой «навещала» свою комнату. Она думала о погруженных в сон книгах, об уютном мерцании свечей, о тихом поскрипывании мебели, и ей не верилось, что она никогда не вернется в Париж.

Однажды Эмили попросила Атеа отвезти ее на Нуку-Хива. Ей хотелось расспросить об отце, а еще разузнать, нельзя ли привезти с материка книги и письменные принадлежности.

Атеа ответил, что, к сожалению, сейчас это невозможно. На Нуку-Хива что-то готовится: если он высадится на остров, его наверняка возьмут в плен и уже не отпустят.

Эмили кивнула. Она жалела о своем дневнике, оставленном на Тахуата, о его девственно-чистых листах, об острых перьях и темно-синих, как ночной океан, чернилах, плескавшихся в хорошо закупоренной склянке. Жалела о невысказанных словах и тех тайнах, какие могла бы ему доверить. В отличие от полинезийцев она не могла полагаться только на память.

Время шло, а она продолжала жить чувствами. День ото дня ела простую пищу и облачалась в лубяную одежду. Носила ожерелье из жемчужин, каждая из которых стоила целое состояние. Пила воздух, наслаждалась лаской волн. Ей нравилось

находить во взгляде, улыбке и смехе Атеа отблеск и отзвук любви. И она понемногу приучала себя к мысли, что так будет всегда.

Глава девятая

Если бы несколькими месяцами раньше кто-то сказал Морису Тайлю, что для того, чтобы усмирить горстку полуголых дикарей, ему понадобится фрегат с восьмифутовыми орудиями, он бы от души посмеялся.

Теперь он понимал, что положение весьма серьезно. Недаром Брюа и Менкье велели ему для начала предложить вождю с Хива-Оа сделку: в обмен на послушание он будет провозглашен законным правителем острова. Однако Тайль сомневался в том, что Атеа добровольно согласится сделаться французской марионеткой.

Матросы задержались с погрузкой, потому фрегат отплывал в полдень. Солнце яростно пекло, и совсем не чувствовалось ветра. Морис думал о том, достаточно ли у них запасов воды, когда увидел, как на корабль поднимается Рене Марен.

Два дня назад он отыскал отца Эмили и отправил его к губернатору. Тайль не знал содержания их беседы, но теперь видел, что они сумели о чем-то договориться.

— Я отправляюсь с вами, — сказал Рене после

приветствия. — У меня есть разрешение мсье Брюа.

— Но это военная экспедиция. Не лучше ли будет, если вы останетесь на Нуку-Хива?

— Нет. На Хива-Оа находится моя дочь. Губернатор и начальник гарнизона обещали посодействовать ее возвращению. К тому же в случае необходимости я могу служить переводчиком.

— Вы собираетесь увезти Эмили силой? Удастся ли вам это, если вы не сумели удержать ее здесь?

— Я постараюсь сделать так, чтобы ей *пришлось* уехать. Вы поможете мне, капитан?

Заглянув в прежде безмятежные, а теперь холодно сверкавшие глаза Рене, Морис пожал плечами.

— Если получится.

— Вы не уверены в успехе?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Тайль.

Он думал о горных кряжах, глубоких ущельях и непроходимых зарослях острова. О нетипичной для дикаря храбрости и упрямом нраве Атеа.

Морис знал, что если он отступит, это будет считаться позором. Его никто не поймет, ибо на Нуку-Хива туземцы беспрекословно повинуются белым, а тем более — военным, ибо любой мундир олицетворяет для них силу и власть.

Командование разжалует его, товарищи засмеют, Рене обольет презрением. И он никогда не получит Моану.

— Вы тоже хотите, чтобы Атеа умер?

— Мне все равно, что с ним будет, — ответил Рене. — Я хочу вернуть свою дочь.

Они помолчали, потом путешественник продолжил:

— Она выросла без матери. Та уехала от нас, когда Эмили исполнилось всего два года. Возможно, меня можно назвать плохим отцом, но я всегда хотел, чтобы моя дочь была счастлива. — Он вновь сделал паузу. — Хотя я никогда не думал, что она выберет для себя *такое* счастье. Поймите, капитан, мне нужно вернуться в Париж, но я не могу уехать, оставив Эмили в лапах дикаря!

— Возможно, пожив на острове, она одумалась и сама мечтает вырваться оттуда? — предположил Морис.

— Хорошо, если так, — сказал Рене и отошел.

Морис стоял у борта, глядя на пустынную громаду океана, когда услышал возбужденные возгласы. Повернув голову, он увидел, что матросы сгрудились на корме, похоже, окружив какую-то находку.

— Красотка! Настоящая сирена!

Охваченный недобрым предчувствием, Тайль бросился к ним и, растолкав, увидел то, на что они смотрели.

Это была девушка. Вода стекала по ее роскошным волосам, служившим единственным прикрытием золотисто-коричневого тела. В одной руке девушка держала юбку из тапы, которую ей пришлось снять, чтобы доплыть до корабля, а другой пыталась отстранить окружавших ее мужчин.

— Моана! — выкрикнул Морис. — Как ты сюда попала?!

— Она была за бортом, и мы решили ее поднять. До берега далеко, она могла утонуть, — пояснил один из матросов.

Тайля раздирали противоречивые чувства. Он был и рад, и не рад тому, что, вопреки его повелению, девушка оказалась на корабле. Морис прекрасно знал, что Моана не могла утонуть, ибо плавала как рыба. Он мог бы приказать отвезти ее на берег в шлюпке, но сначала решил поговорить с ней.

— Дайте ей одеться! — приказал он, раздраженный тем, что чужие мужчины могу видеть ее наготу, и добавил: — Это моя женщина.

На лицах матросов появилось выражение разо-

чарования. Поняв, что им не удастся развлечься, они начали расходиться.

Морис подошел к Моане. Он вновь поразился власти ее красоты. Казалось, предназначение этой девушки — просто существовать на свете. Сама того не осознавая, она дарила радость одним своим присутствием.

Натянув юбку, Моана принялась выжимать волосы. Когда она закончила, Тайль, не выдержав, привлек ее к себе. Ее нежные груди терлись о грубое сукно его мундира, ее мокрые локоны источали резкий запах моря, а в ее глазах как обычно царила темная бездна. Морис любовался плавными линиями тела полинезийки, невыразимой грацией и свободой ее движений.

Вместе с тем в его голосе прозвучало отчаяние:

— Зачем ты приплыла?!

— Я должна отправиться с тобой, — с неженской твердостью произнесла Моана.

К ним подошел Рене. Похоже, он ничуть не удивился появлению туземки и тут же выступил на ее стороне:

— Моана! Рад тебя видеть. Позвольте ей остаться, капитан.

— Я собираюсь отправить ее обратно, — сухо произнес Тайль, отстраняясь от девушки.

— Неужели вы столь суеверны, что считаете, будто женщина на корабле приносит несчастье?

— Нет, но я боюсь за нее.

— Напрасно. Это очень смелая и находчивая девушка. К тому же от нее может быть большая польза. Она хорошо знает местные условия и способна служить проводником.

Морис вздохнул.

— Остается уговорить капитана корабля.

К счастью, это не составило большого труда, и Моана водворилась на судне. Большую часть времени она стояла возле борта, глядя из-под ладони на океанские просторы.

Фрегат гордо проплыл мимо Уа-Пу: этот остров не представлял интереса для французов, потому что его вождь давно склонил голову перед завоевателями.

На следующий день впереди показались берега Хива-Оа. Тайлю казалось, что он может разглядеть в подзорную трубу и одетые жесткой травой отроги гор, и непроходимые леса, и каменистую сердцевину острова. Высокий прибой ударял в крутой берег, обрывистые утесы сжимали глубокие бухты.

С первого взгляда остров казался неприветливым и совершенно необитаемым, но когда

капитан корабля приказал обогнуть северную часть Хива-Оа, перед Морисом открылось то, что он ожидал увидеть: покатые ярко-зеленые холмы, трепещущие пальмы и полосу ослепительно-белого песка.

Однако на берегу не было ни души, и в этом таилась какая-то угроза. Обычно островитяне испытывали ужас перед плавучими батареями, чьи дула без труда могли разнести кучку бамбуковых хижин. Однако они никуда не убегали, напротив, высыпали на берег и с благоговением смотрели в лицо своей смерти.

Убедившись, что стрелять не в кого, Тайль приказал высадить десант под прикрытием корабельных батарей.

Разумеется, в шлюпках оказались Рене и Моана. Отношения с последней влекли и терзали Мориса. Он все больше влюблялся в непокорную туземку, и вместе с тем молодого человека не покидали ощущения, что Моана всего лишь использует его.

Ступив на сушу, капитан Тайль в полной мере оценил мощь острова. Берега по большей части были сильно изрезаны и неприступны. Казалось, сам ландшафт призывал французов отказаться от завоевательных намерений. Однако взглянув

на прекрасное, решительное лицо Моаны, Морис дал себе слово не отступать.

Деревня, расположенная почти на самом берегу, оказалась совершенно пустой. Непохоже было, что туземцы бежали в панике: никаких разбросанных вещей, незапертых ворот, ничего, оставленного впопыхах. Рене вспомнил, что когда они с Эмили впервые приплыли сюда по приглашению Атеа, лагуна кишела лодками, а сейчас не было ни одной.

— А где дикари, капитан? — спросил его помощник, тоже офицер, когда они обыскали все хижины.

Морис был мрачнее тучи.

— Ушли.

— Должно быть, вождь увел их в горы, — сказал Рене. — Там у них крепость.

— Как они могли догадаться о прибытии фрегата? Кто мог их предупредить? От Нуку-Хива путь неблизкий.

— Атеа всегда все знает, — подала голос Моана.

— Хватит говорить о нем, как о Господе Боге! — разозлился Тайль.

— Сжечь, капитан? — помощник кивнул на бамбуковые хижины.

— Это мы всегда успеем сделать.

— Моана, где тут «дворец» вождя? — спросил Рене, на лице которого появилось болезненное выражение.

Плавно покачивая бедрами, девушка пошла между хижин. Остальные двинулись следом. Морис вновь подумал о том, что напрасно взял ее с собой. Это было опасно. Но с другой стороны, следовало сразу отправить Моану обратно на Нуку-Хива. Сейчас же он не хотел и не мог оставлять ее на корабле в окружении нескольких десятков мужчин.

Очутившись в жилище Атеа, Рене внимательно обследовал его. Никаких следов пребывания Эмили, ни малейшей вещички, ни единой зацепки.

Морис с любопытством огляделся. И здесь могла жить француженка, парижанка?! Он всегда считал, что для женщин крайне важны всяческие удобства. Неужели эта странная Эмили Марен была счастлива в бедной хижине?

— Надо найти эту крепость, — сказал он вслух.

— Я покажу, я примерно знаю, где это, — ответил Рене.

Отряд отправился вглубь острова. К несчастью, вскоре путь преградила стена высокого тростника, похожего на лес стальных прутьев. Густые заросли протянулись насколько хватало глаз, и

их было трудно раздвинуть и отстранить, а через некоторые было не продраться даже ползком.

Полумрак, духота, непролазные дебри — это место выглядело воистину заколдованным. По телу солдат ручьями струился пот, из сомкнутых губ вырывались ругательства.

— Нам надо добраться вон туда! — Рене показал на далекий холм.

Вскоре местность стала не такой дикой; появились поля, засеянные таро. Рене знал, что заквашивание таро в ямах обеспечивает местным жителям постоянные запасы продовольствия. Едва ли укрывшимся в крепости людям грозил голод даже при долгой осаде.

Когда раздвинув очередные заросли путники увидели каменную плиту со странными статуями, Моана в страхе отшатнулась.

— Духи, — прошептала она, — они преграждают путь к крепости!

Однако Морис взял ее за руку и уверенно повел за собой. А Рене сказал себе, что самым злым духом, какой когда-либо являлся в Полинезию, был белый человек.

Несколько дней назад Атеа получил сообщение, что к Хива-Оа движется огромный корабль с большим количеством белых людей: вождь

предусмотрительно выставил плавучие посты на всех водных путях, ведущих к острову.

Атеа приказал людям спокойно, без паники собраться, взяв с собой все, что им понадобится в крепости, и дружно покинуть деревню.

Укрепление, построенное на вершине холма, было отличным местом для обороны и наблюдения за противником. Эту крепость начал строить еще дед Атеа; правда, не для того, чтобы воевать с европейцами, а для защиты от враждебных племен.

При помощи грубых тесел из базальтовой дайки и заостренных роющих деревянных орудий десятки мужчин устраивали террасы для размещения воинского лагеря и постройки хижин для мирных жителей. На случай осады внутри крепости были вырыты облицованные камнем ямы, где скапливалась дождевая вода. Кроме того, поблизости от укрепления, в нижней части склона находился охраняемый источник.

На верхней террасе располагалась резиденция вождя, который во время войны становился главнокомандующим. Находясь на главном пункте, вождь мог легко перебросить силы обороны в место, которое подвергалось угрозе.

Эмили поселилась в удобной хижине, по-

строенной на площадке, при взгляде с которой захватывало дух. Живописные долины, ниспадающие каскадами ручьи, кокосовые и пальмовые рощи, глубокие ущелья.

Когда внутрь ее нового жилища вошел Атеа, Эмили почудилось, что его фигура окружена золотистым сиянием. В его взгляде появилось какое-то новое выражение. В глазах молодого вождя сияла жизнерадостная душа его народа, и вместе с тем в них была готовность к смерти.

Подойдя к мужу, Эмили положила руки ему на плечи.

— Они идут сюда?

— Да.

— Кто они и сколько их?

— Должно быть, французы. Сколько — пока не знаю.

— Я могу выйти к ним и поговорить с ними. Попрошу их уйти и не нападать на нас.

— Нет, Эмалаи. Я вообще не хочу, чтоб они знали, что в племени есть белая женщина.

— Не уходи, — попросила она.

— Я должен. Я приду, как только смогу. Сейчас мне нужно быть с воинами.

Эмили вдруг подумала о том, что готова броситься со скалы вместе с Атеа, крепко держась за

руки, — лишь бы навсегда остаться с ним, с ним вдвоем. Но она знала, что полинезийцы редко убивают себя. Они слишком любили жизнь, чтобы добровольно отказываться от нее.

Глядя на Атеа, она говорила себе, что скорее померкнет солнце в небе, чем страстный блеск в его глазах. Звенящая тишина была наполнена тем, что невозможно выразить словами. Ответное желание огнем понеслось по телу Эмили, и она подумала, что сможет удержать Атеа еще на несколько минут.

Тефана и Киа были неподалеку, но Эмили знала, что они ни за что не войдут в хижину, пока в ней находится вождь.

Они с Атеа сомкнули объятия. Волна лихорадочных эмоций и судорожного наслаждения захлестнула их, накрыв с головой. Они не стали ни раздеваться, ни опускаться на циновку. Их дыхание было частым, а к коже прилила кровь. Это был короткий путь, но они прошли вместе от начала и до конца, и все, что произошло между ними, было необыкновенно естественным, чистым и исцеляющим.

Отстранившись от Эмили, Атеа рассмеялся:

— Ты наступила на мою тень!

— Это плохая примета?

— Нет, просто тень вождя неприкосновенна.

— Почему?

— В тени живет душа.

Эмили удивилась.

— Вот как?

— Да. Тень может скользить по воде, пробегать по ответной стене. Она обладает особым могуществом. Тому, кто осквернил тень вождя, грозит смерть.

— Я согласна умереть, чтобы навсегда остаться рядом с тобой, — серьезно произнесла Эмили.

— Для того чтобы быть рядом со мной, тебе нужно жить. Я люблю тебя, и я никому тебя не отдам.

Она опустила ресницы. Порой любовь это не только счастье, но и тревога, страх, приставленный к горлу меч.

— Иногда мне кажется, что я никогда не стану своей среди людей твоего племени.

— Ты моя, Эмалаи, и этого достаточно.

Потом он ушел, и Эмили знала, что он вернется нескоро. Как бы сильно она не тревожилась, ей было сложно представить, что в цветущей долине могут раздаться выстрелы. Похоже, так казалось не только ей, ибо среди туземцев не замечалось не то что паники, а даже малейших

признаков страха. Женщины занимались привычной работой, ни на секунду не умолкая, но они обсуждали не пришествие французов, а повседневные дела. Мужчины стояли в карауле, готовили оружие, осматривали укрепления или, собравшись группами, беседовали, и, кажется, тоже на мирные темы.

«Они живут без книг, без часов, без компаса, — думала Эмили, — они не знают многого, что знаем мы, но они владеют тем, что нам не дано: искусством быть счастливыми каждый миг и никогда не бояться будущего».

— Я хочу говорить с вождем! — крикнул Морис Тайль, приблизившись к холму, на котором стояла крепость.

Прошло немного времени, и на террасе появился Атеа в головном уборе арики и с жезлом в руках. Оружия при нем не было.

— Я тебя слушаю. Зачем ты сюда пришел?

— Я явился с посланием губернатора Брюа, — ответил капитан, помахав бумагой. — Если ты подпишешь соглашение, тебя и твоих людей оставят в покое. Губернатор решит, что будет на Хива-Оа: морской порт, сторожевой пост или что-то еще. Здесь разместится гарнизон.

— Я не могу позволить белым хозяйничать на

моем острове. Я не намерен пускать их в свои владения.

— Мы уже пришли.

— Я заставлю вас уйти.

— Хива-Оа — одно из французских поселений в Океании.

— Это мой остров.

— Упрямый дикарь! — пробормотал помощник Тайля.

— Стреляй! — негромко произнес Морис, обращаясь к стоявшему рядом солдату.

Раздался выстрел, но Атеа успел скрыться. Рене, стоявший в тени деревьев, вздрогнул. В глазах Моаны появился лихорадочный блеск.

— Он потомственный властитель своих земель, он сроду никому не подчинялся, — негромко произнес Рене.

— Других ломали без труда, — небрежно заметил очутившийся рядом солдат.

— Этот устроен иначе.

— Вот дьявол! — воскликнул помощник Тайля. — Похоже, он и впрямь неуязвим.

Сию же минуту туземцы принялись поливать пришельцев каменным дождем из своих пращей. Французы не имели возможности выпрямиться, чтобы ответить ружейными выстрелами. Неко-

торые из них получили серьезные ранения.

Морис выругался, а после истерически расхохотался. Все было впустую. Островитяне не собирались тратить драгоценные боеприпасы. Они вполне могли обойтись камнями. Надо полагать, провизии и воды в крепости было вдоволь. Французы не имели ни малейшей возможности взять ее ни осадой, ни штурмом.

Тайль знал, что на пути завоеваний нельзя останавливаться, нельзя медлить, ожидая приказа из-за многих миль.

— Что ж, — решил он, — пусть сидят на холме, сколько влезет. Мы вернемся на берег. Спалим деревню, а на ее месте начнем строить базу. Надеюсь, вскоре нервы этого гордеца не выдержат, и он явится в гости.

Десант вернулся на берег к ночи и сразу взялся за дело. Бамбуковые хижины сгорали быстро и жарко. Языки пламени рвались в небо, казалось, пытаясь достать черный купол. Несколько построек капитан приказал оставить — чтобы в них могли поселиться солдаты. Он бы мог сохранить их все, но не стал: иногда что-то нужно делать просто в назидание и для устрашения.

«Дворец» Атеа был сметен с лица земли — от него остался лишь пепел. Рене считал, что таким

образом Морис признаёт свое бессилие, но вслух ничего не сказал. В конце концов непокорный вождь отнял у него самое дорогое: его единственную дочь.

Ночь прошла спокойно. Пахло морской солью, мокрым песком, гарью и диковинными растениями. Тихо шелестели кроны деревьев, каждый лист которых был величиной с мужскую ладонь. Звезды над головой мерцали, будто гаснущие свечи.

Моана ночевала в хижине Мориса. Капитан больше не пытался овладеть ею насильно. Слепое желание сменило некое печальное понимание происходящего. Тайль начинал постигать, что ему нужно не просто ее тело, не только внешняя красота этой девушки.

— Тебе не жаль этих хижин? — неожиданно для себя спросил он.

— Нет, — коротко ответила Моана и, подумав, добавила: — Хижины не люди, их можно выстроить заново.

— Я не уверен в том, что мне удастся поймать Атеа, — признался Морис, и Моана уверенно произнесла:

— Он придет сюда, обязательно придет.

Сейчас, слушая ее спокойное дыхание, он думал

о том, что ему никогда не понять этого сплава жажды мести, угрызений совести и еще каких-то затаенных стремлений, о которых он не имел ни малейшего представления. И ему было горько от того, что среди этих желаний, по-видимому, не было места любви.

Утром Морис завтракал вместе с капитаном корабля. Тайль был командиром десанта, а хозяином фрегата считался Жан Пирет.

Вяленое мясо и сухари внесли некоторое разнообразие во фруктовое меню, а крепкий кофе с сахаром вызвал в душе и теле Тайля ощущение райского блаженства.

Они сидели на палубе за бамбуковым столиком и смотрели туда, где волны разбивались о риф с монотонным грохотом, где за причудливо изогнутыми манграми росли хлебные деревья и таро и волновались пальмовые рощи. Суетившиеся на берегу люди казались маленькими, как муравьи.

— Полагаю, при таком положении дел нет смысла оставаться на рейде, — сказал капитан фрегата. — Разделите отряд пополам; пока одни сооружают базу, другие отправятся с нами на Тахуата. Тот остров значительно меньше, у местных дикарей нет ни крепости, ни огнестрельного оружия. Единственное, что меня останавливает,

так это рифы. Никто из нас толком не знает тамошний фарватер. Ваша туземная принцесса не может нам помочь?

Морис помотал головой. Он знал, что Моана скорее умрет, чем покажет дорогу к родному острову.

— По-моему, полинезийских женщин не учат таким вещам, — произнес он и добавил: — Зато она уверяет, что Атеа непременно пожалует в лагерь.

— Ладно, — промолвил Пирет, поднося чашку ко рту, — мы что-нибудь придумаем.

В этот же час Атеа и Эмили стояли, взявшись на руки, на высокой террасе и встречали утро. Французы ушли, но вечером островитяне наблюдали за пожаром на берегу, понимая, что это горят их дома. Никто из них не сказал ни слова и не заплакал, но на душе было тяжело. Тогда же Атеа собрал поздний совет, а вернувшись с него, выглядел сосредоточенным и суровым.

— Скоро начнется буря, — вполголоса промолвил он, обращаясь то ли к Эмили, то ли к самому себе.

Она подумала, что он имеет в виду грядущие сражения, но Атеа заметил:

— Это к лучшему. Нам будет проще потопить

большой корабль.

Буря? Эмили пожала плечами. И океан, и небо казались безмятежными.

— Откуда ты знаешь?

— Чую по ветру За горизонтом что-то есть, что-то, чего пока еще не видно. Буря рождается в океане, а ветер приносит ее к нам. Такое возможно в любое время года. Мы способны угадать это заранее, а белые — никогда.

— Что ты задумал? — спросила Эмили.

Он ответил уклончиво:

— Я отобрал с десяток самых храбрых и умных юношей. К сожалению, им придется умереть.

— От бури?

— Нет. Не думаю, что белые сохранят им жизнь после того, что они сделают.

— Тебе их не жаль?

— Это не имеет значения. Жизнь нескольких человек несоизмерима с благополучием целого племени.

— А чем *ты* способен пожертвовать ради своего народа? — промолвила Эмили и тут же испугалась своего вопроса.

Атеа не задумался ни на миг:

— Всем. Таков мой долг. Боги дали мне власть не для того, чтобы я сытно ел, мягко спал и насла-

ждался своим могуществом, а для того, чтобы я защищал мой народ.

— Значит, ты тоже отдал бы жизнь, если бы это потребовалось?

Он покачал головой.

— Жизнь — самое меньшее, что я был бы способен отдать, ведь мертвому уже ничего не нужно на этой земле.

Эмили глядела на горизонт, думая о дороге, которая, как говорится в сказании, «увела тысячи людей, поглотила мириады жизней», о дороге, «с которой не присылают вестей».

Сколько всего, и хорошего, и плохого, а главное — неизвестного, им предстоит пережить, прежде чем они шагнут за эту черту?

Глава десятая

Прошло трое суток. Фрегат оставался на месте, и все это время Морис Тайль поджидал туземцев, как хищник ждет зверя. Он выставил посты, и сам тоже не спал до тех пор, пока над землей не начинал разгораться свет. Он так напряженно вглядывался и вслушивался во тьму, что у него начинали болеть глаза и уши.

На четвертую ночь к ним пожаловали гости.

Они не вошли в лагерь, лишь обстреляли его из-за кустов. Их набег был стремительным и коротким, наверное, они хотели дать понять, что не отступят от своих намерений.

Они отлично знали местность, возможно, даже видели в темноте. Но у них не было опыта подобных сражений; многие туземцы пугались собственных выстрелов. К счастью, десант сориентировался мгновенно. Островитяне побросали несколько ружей, а троих полинезийцев удалось взять в плен.

Морис крайне обрадовался неожиданной удаче. Пленники пытались сохранить гордый вид, но при этом явно тряслись от страха. Тайль по-

просил Рене Марена быть переводчиком.

— Каковы намерения Атеа? — задал он первый вопрос.

Отец Эмили посмотрел на него в упор.

— Арики не посвящает в свои планы простых воинов.

Морис слегка повысил голос:

— Спрашивайте!

Разумеется, туземцы ответили, что им ничего не известно.

— Они знают путь к Тахуата?

— Да.

— Скажите им: если они помогут провести корабль между рифов, им сохранят жизнь.

Полинезийцы почти сразу же согласились, но не успел Морис обрадоваться, что все разрешилось так просто, как вперед выступила Моана. Ее прекрасное лицо было искажено гневом, темные глаза метали молнии.

— Не верь им! Они заманят вас в ловушку! Это один из хитроумных замыслов Атеа. Убей их или отпусти на волю.

— А вы что думаете? — спросил Тайль у Рене.

Тот пожал плечами.

— С тех пор, как произошла эта история, племена с Тахуата и Хива-Оа нельзя назвать дру-

жественными. По большому счету, Атеа всегда было наплевать на соседей. Полагаю, он легко принесет их в жертву.

Моана сжала кулаки и стиснула зубы. После чего выкрикнула в лицо Морису:

— Ты обещал!

— Я сдержу свое слово. Твой отец не пострадает, — ответил тот, ломая голову над тем, как разорваться между любовью и приказом командования.

Когда Моана отошла, Рене негромко спросил:

— Неужели вы станете использовать эту девушку в своих целях?

— Разумеется, нет, — ответил Морис, но не стал подробно распространяться об этом.

Через несколько часов фрегат снялся с якоря и взял курс на Тахуата.

Подводные рифы — кладовые океана, которые никто никогда не потревожит по доброй воле. Безмятежное царство водорослей и морских обитателей, могущее стать смертельной ловушкой для кораблей.

Такой риф опоясывал Тахуата, преграждая путь нежданным пришельцам. Издали было видно, как буруны перекатываются, играя пеной, через коралловую гряду. Здесь было несколько входов

на рейд, но далеко не все из них казались достаточно широкими для того, чтобы пропустить фрегат.

Он находился в нескольких *милях* от коварного пояса, когда поднялся странный ветер. Пленные полинезийцы с благоговением смотрели в темнеющее небо, а капитан приготовился бороться с неожиданным и опасным врагом.

Хлынул дождь, ослеплявший глаза. Шум океана сделался нестерпимым, а ветер задул с новой силой. Когда корабль потащило на рифы, капитан немедленно приказал отдать все четыре якоря.

— Это все ваша девчонка! — крикнул он Тайлю, стараясь перекричать стихию. — Зря я позволил ей остаться на корабле!

— Глупости! — отрезал Морис.

Моана с тоской смотрела на родной берег, к которому ветер гнал громаду темной воды. Ее губы шевельнулись, и Тайль разобрал нечто вроде: «Бурю вызвал Атеа». Внезапно его охватила злоба. Он грубо схватил девушку за руку, но она вырвалась и вдруг перемахнула через борт. Глядя, как черная голова то исчезает, то вновь появляется на поверхности, Морис закричал:

— Она утонет!

— Оставьте ее, — неожиданно спокойно произ-

нес Рене, — она поплыла домой.

Горизонт был закрыт сине-черными занавесями туч. Шквал за шквалом проносился над залитой водой палубой. Казалось, волны встают вертикально, преграждая путь к острову.

— Канаты лопнули. Две якорные цепи тоже не выдержали. Боюсь, нас попросту бросит на рифы! — крикнул капитан.

— Что вы предлагаете?

— Попытаться войти на рейд сейчас, через один из проходов, — он кивнул на риф. — Вот только через который? Один шире, другой поуже. Главное, чтобы там не было ловушки в виде подводных камней. Спросите у туземцев, куда направить корабль.

Парусина хлопала так, что казалось, будто стреляют из сотен ружей. Громко скрипели снасти. Угодить в проход, который указали полинезийцы, тяжелому фрегату было так же нелегко, как груженой повозке въехать в тесные ворота.

Все, затаив дыхание, следили за опасным маневром. Когда Морис уже думал, что они спасены, раздался треск, пробравший его до мозга костей. С размаху налетев на рифы, фрегат стал заваливаться набок. Это были самые страшные мгновения в жизни Тайля, ибо рушился не толь-

ко корабль со всем грузом и пушками, но и его карьера, его слава, его надежды.

Последующие события представляли собой полный хаос. Капитан велел спешно спускать уцелевшие шлюпки. Будучи вне себя от злобы, Тайль собственноручно застрелил полинезийцев, которые завлекли их в ловушку, очевидно, повинуясь приказу Атеа.

— Если нам удастся добраться до берега, я не оставлю камня на камне от этого острова, — произнес Морис сквозь стиснутые зубы.

К счастью, шторм начал стихать. Море успокоилось так же быстро, как взволновалось, в чем кое-кто из суеверных матросов усмотрел происки дьявола.

Тайль сдержал свое слово. Один за другим солдаты выбирались на берег. Злость придала им силы. Одну за другой они поджигали хижины, и вскоре по берегу протянулась длинная полоса дымящихся руин.

Копья и пращи были бессильны против огнестрельного оружия. Вскоре Морис увидел, как солдаты ведут связанного вождя. Он страшно обрадовался, увидев, что рядом с Лоа идет Моана, и вместе с тем ощутил гнетущую неловкость, поскольку не сдержал своего слова.

— Скажите ему, — попросил он Рене, — если он признает нашу власть, ни с ним, ни с его людьми ничего не случится. Мы поможем заново выстроить деревню. Неподалеку мы разместим военную базу, а они продолжат жить так, как жили раньше. И он останется вождем.

Рене на секунду прикрыл глаза. На самом деле он знал, что будет. Солдаты привезут на остров невиданные прежде и очень опасные болезни и спиртные напитки. Станут жить с местными женщинами, сея вражду и разврат. Раньше в Полинезии не было проституции, а теперь половина женщин на Нуку-Хива торговала собой, беря плату за «любовь» дешевыми побрякушками.

Белые люди не отличались умением жить среди полинезийских племен так, как это принято в самом племени. Они сразу начинали насаждать, навязывать что-то свое, чаще всего губительное и вредное.

Встретив презрительно-гневный взгляд Моаны, Тайль приказал:

— Развяжите вождя.

Освобожденный от веревок Лоа медленно растер руки. Вокруг его губ собрались суровые складки. Его взгляд выражал то, о чем он, скорее всего, предпочел бы умолчать. Морис ожидал

услышать что угодно, однако Рене перевел:

— Он согласен. Однако он просит вас… отомстить Атеа. Лоа хочет того же, что желает получить его дочь.

О большей удаче было трудно мечтать. Коротко поклонившись, Морис приложил руку к сердцу.

— Скажите ему, что я непременно это сделаю. Я вернусь на Нуку-Хива и приведу оттуда несколько кораблей с большим количеством пушек. Построю понтонный мост и перевезу пушки на берег. С их помощью я сокрушу крепость и поставлю Атеа на колени. Только пусть Лоа даст нам несколько лодок с гребцами. На шлюпках нам туда не доплыть.

Вождь кивнул.

На следующее утро капитан несчастного фрегата, Морис, Рене и Моана сели в лодки и взяли курс на Нуку-Хива. Часть десанта осталась на Тахуата.

Начальник гарнизона Менкье мерил шагами комнату.

— То есть для того, чтобы справиться с кучкой туземцев, вам нужна целая эскадра?

— Я не думал, что это окажется так сложно, — признался Морис.

Он валился с ног от усталости, ибо в пути ему не пришлось сомкнуть глаз.

— А что прикажете делать с кораблем, который вы погубили на пару с Пиретом? Вы хоть знаете, какой урон причинили колониальному бюджету? Как прикажете объяснить это правительству? Написать, что вас перехитрили дикари? Этому просто никто не поверит!

Морис с трудом подавил вздох.

— Я не знал о создавшихся условиях. Не предполагал, что полинезийцы построили крепость.

— Точнее, вы не думали, что вам не удастся ее взять. Похоже, вы вообще ни о чем не думали!

— Тем не менее я прошу вас предоставить мне последнюю возможность. Крепость не устоит против пушек. И мне нужны опытные артиллеристы.

— Будет удивительно, если дикарям удастся удержать оборону даже в этом случае. Тогда я, пожалуй, приму Атеа на службу вместо вас, — съязвил Менкье.

Когда Тайль вновь прибыл на Хива-Оа, он увидел, что вокруг лагеря разбиты земляные укрепления и сооружен ров. Солдаты разместились в палатках из парусины и обломков рей. Под сенью палым был установлен кузнечный горн. За время отсутствия Мориса лагерь не подвергался набегам туземцев; в свою очередь, французы не

наведывались к крепости.

Перевозя на берег пушки, Тайль испытывал смешанные чувства. Уверенный в грядущей победе, он тем не менее был готов признать свое поражение. Не так уж много чести одолеть несчастных дикарей при помощи тяжелой артиллерии!

Накануне наступления Рене обратился к Моане:

— Я заметил, что ты имеешь влияние на капитана. Наверняка он выставит Атеа определенные условия. Я хочу, чтобы одним из них было возвращение моей дочери.

Она ничего не ответила, однако Рене надеялся, что в ее голове возникали похожие мысли.

Солдаты с трудом провезли через дебри укутанные листьями пушки. Вопреки ожиданиям, капитан отказался от переговоров, решив стрелять без предупреждения.

От первого же выстрела дрогнула земля и, казалось, раскололось небо. Ядра разрушили несколько укреплений, а от пущенных вслед артиллерийских гранат внутри начался пожар. Морис слышал панические крики туземцев и видел их мечущиеся фигуры. Он знал наверняка, что в крепости есть раненые и убитые.

— Получи! — произнес он сквозь зубы.

— Прикажите остановить это! — воскликнул подбежавший Рене. — Там женщины и дети!

Повернув голову, Тайль пристально посмотрел ему в глаза.

— Вы хотите получить обратно вашу дочь?

Потом он все-таки отдал приказ отступить, заметив:

— Дадим им время подумать.

Вскоре на остров опустилась ночь. Дул легкий ветерок, издалека доносилось соленое дыхание могучего океана. Пышный тропический мир из зеленого сделался черным, и сквозь косматые кроны кокосовых пальм заблестели звезды, похожие на миллионы перламутровых раковин. Стволы деревьев казались колоннами, поддерживающими небосвод.

Морис не ожидал, что Моана придет к нему, но она пробралась в шалаш, где он устроился на ночлег, и опустилась рядом.

— Теперь я вижу, что ты сильнее Атеа, что ты можешь его победить, — прошептала она, и Морис затаил дыхание.

Означало ли это, что она согласна принадлежать ему? Он мог бы сказать, что легко быть сильным под прикрытием восьмифутовых пу-

шек, но, разумеется, не стал этого делать.

— Как ты намерен действовать дальше? — спросила Моана.

— Завтра я выставлю ему условие: или он покорится, или я продолжу стрелять.

— Нет, ты должен начать не с этого. Вели ему вернуть Эмалаи. Таким образом ты нанесешь ему очень сильный удар, ибо Атеа всегда делал только то, чего ему хотелось. Это сделает его уязвимым, лишит части маны.

— А если он не согласится?

— Ему придется. Есть жрецы и совет племени. Они сумеют его заставить. Скажи Атеа, что ты начнешь переговоры только после того, как Эмалаи окажется в нашем лагере, — сказала Моана.

Морис привлек ее к себе. От ее тела шел жар, оно было упругим и сильным. Ее волосы пахли кокосовым маслом, и кожа имела привкус соли. Он ласкал ее, чувствуя, как учащается биение ее сердца.

Неожиданно Морис почувствовал, что Моана покоряется ему, и онемел от счастья. Впрочем слова были не нужны ни ему, ни ей. Он боялся спугнуть это мгновение и хотел, чтобы время остановилось.

Когда он вошел в нее, она задержала дыхание,

но вскоре расслабилась. Моана не лгала: она оказалась девственницей, и Морис трепетал от восторга. Он не мог насытиться ею и вновь и вновь сливался с ней. Ему казалось, что никогда и нигде с ним не происходило ничего лучшего.

Морис не мог сказать, что чувствовала Моана, но внутри ее тела было горячо, и она отдавалась ему с пьянящей готовностью.

Хотя утром она вела себя так, словно ничего не случилось, Морис был счастлив. Сознание того, что неприступная дочь вождя подарила ему свою драгоценную невинность, наполняла его невиданной гордостью.

Охотнее всего он посвятил бы себя любви, но его ждала война.

Глаза на мрачном лице Атеа горели темным пламенем. Битый час он пытался уговорить собеседников, но все казалось бесполезным. Это был первый раз, когда совет племени не желал уступать вождю. И старейшины, и жрецы хором повторяли одно и то же. Они боялись летающих огней; вид подпрыгивающих и кружащихся черных шаров вызывал в них леденящий ужас. Чтобы не нести потерь, они были готовы поверить словам белого человека.

— Он сказал, что начнет вести переговоры

только после того, как ты вернешь им белую женщину.

— Эмалаи моя жена!

— Она не нашего племени, не нашего рода, она чужая для нас. Если мы откажемся, белые уничтожат крепость и всех, кто в ней есть.

Атеа не успел ответить — с места поднялся старик с белыми, как снег, волосами, с посохом в трясущейся руке и в длинных одеждах.

— Ты вождь, Атеа, но ты молод, а я родился очень давно и многое повидал. Я знал разумных счастливцев, встречал и тех, кто, думая, что преследует звезду, на самом деле гонялся за смертью. Человек велик, но не настолько, чтобы позволять себе смеяться над судьбой и бросать вызов богам. Прежде я молчал, но теперь скажу. Ты не раз нарушал обычаи, установленные от века, ты пытался подражать белым пришельцам, ты взял себе их женщину. Мы с самого начала знали, что она принесет нам несчастье. Наша кровь пропитана морской солью, а ее — содержит яд, наши мысли чисты и спокойны, тогда как ее — несут в себе хаос. Ты говорил, что мы должны сохранить свою веру, а сам взял себе ту, у которой всегда был другой бог. Чтобы спасти то, что еще можно спасти, дабы прекратить страдания своего

народа, ты должен сделать так, чтобы она ушла и никогда не возвращалась.

Атеа хотел ответить, но не успел — члены совета племени, словно сговорившись, один за другим вскакивали с мест и бросали ему в лицо обвинения:

— Ты дал нам клятву, а теперь хочешь ее нарушить!

— Твоя мана ослабла!

— Ты не можешь защитить племя!

— Ты всегда был слишком упрям и горд и думал только о себе!

— Ты поссорился с Лоа и опозорил его дочь!

— Ты позволял белой женщине прикасаться к твоей голове и наступать на твою тень! А теперь у нас десятки убитых и раненых! Белые люди сожгли нашу деревню! Крепость, которую начал строить еще твой дед, будет разрушена!

— Это наказание, посланное богами!

Атеа ощущал то же самое, что, должно быть, чувствовал Цезарь, когда в его тело вонзались кинжалы сенаторов. На него было страшно смотреть. Его лицо исказилось от боли, а из горла вырвался глухой стон.

Если ему пришлось выслушать все это, значит, он и впрямь лишился части маны. Арики был

главнее и жрецов, и старейшин, но их было много, а он — один. Они не сказали, что собираются изгнать его, но эта мысль витала в воздухе. Атеа слышал, что такое случалось, и это был не просто позор, а невероятная пытка и смертельная мука. Он знал, что никогда не сможет пережить подобное унижение.

Покинув совет племени, он направился в хижину, где его ждала Эмили. Она поднялась ему навстречу, но он отстранил ее. Боясь растерять решимость, Атеа держался сурово и холодно, но она думала, что это вызвано обстрелом крепости и гибелью людей.

— Ты не ждешь ребенка, Эмалаи? — он задал неожиданный вопрос.

Она растерялась. В ее голубых глазах появился тревожный блеск.

— Не знаю. Думаю, нет. Почему ты спрашиваешь? Что-то случилось?

— Совет племени считает, что именно ты, пришедшая из враждебной страны, принесла несчастье нашему народу.

Эмили вздрогнула. Происходило нечто невероятное, то, во что она не могла поверить.

— А что думаешь *ты*?

— Я ошибался, полагая, что можно быть и тем,

и другим, соединить несоединимое. Ты должна уйти, Эмалаи. Там, среди белых людей, твоей отец, он ждет тебя.

— Мой отец здесь, на Хива-Оа?

— Да.

Пытаясь унять дрожь, она обхватила себя за плечи.

— Когда я должна уйти?

— Сейчас.

Эмили, не отрываясь, смотрела на мужчину, чей страстный взор с некоторых пор застилал ей весь белый свет, чье дыхание, казалось, сливалось с ее собственным. Мужчину, который одним махом безжалостно разрывал все, что их связывало.

— Ты больше не любишь меня?

— Это не имеет значения. Если мне приходится выбирать между тобой и моим народом, я могу принять только одно решение.

От Атеа исходило ощущение некоей угрожающей силы. Эмили казалось, что сейчас он способен на все. Что он может унизить, даже ударить ее. Она чувствовала, что он ненавидит ее за то, что от него был готов отвернуться его народ.

Открыто выражая свои желания, он не думал о том, что иногда искренность способна убить, так

же как пламя любви — сжечь душу дотла.

«Я никогда не занимала в его душе больше места, чем жажда власти», — сказала себе Эмили.

Она подумала, что они бы могли уплыть на Нуку-Хива, где Атеа ловил бы жемчуг (когда-то он сам говорил об этом!). И пусть бы племя выбрало нового вождя. Но она знала, что Атеа ни за что не пожертвует своим положением во имя любви.

Все, что говорили о нем отец и священник, оказалось правдой. Сперва он вышвырнул из своей жизни Моану, а теперь с такой же легкостью готов избавиться от нее.

Эмили с силой рванула ожерелье, и жемчужины дождем посыпались на пол.

— Ты могла бы оставить его себе, — сказал Атеа.

— Нет. Если ты меня прогоняешь, то мне ничего не нужно.

Эмили решила проститься с Тефаной и Киа. Девушки держались натянуто и испуганно, так, словно она была больна неизвестной, но заразной болезнью. Больше им не было нужды притворяться, что белая женщина — одна из них.

Медленно собрав свои вещи, Эмили вышла из хижины и направилась к воротам на непослушных ватных ногах. Островитяне провожали ее

взглядами, в которых не было враждебности, но не было и сожаления или приязни. Атеа не показывался. Эмили не стала задумываться о том, было ли это признаком малодушия и слабости, сумел ли он за одну секунду изгнать ее образ из своей памяти и… своего сердца.

Она привыкла ощущать его незримое присутствие в своей жизни даже тогда, когда его не было рядом. И теперь Эмили знала, что не скоро избавится от этого чувства.

Внизу ее ждали отец, Морис Тайль, солдаты и… Моана. Их взгляды тоже казались чужими. Эмили словно внезапно очутилась между двух миров, ни одному из которых не принадлежала.

Когда Рене бросился вперед и самозабвенно обнял свою дочь, она сполна ощутила его страдания и его счастье, и к ней пришли спасительные слезы.

— Все забудется! Мы уедем домой и заживем, как прежде! — повторял он, а ей вдруг стало неловко от того, что она предстала перед таким количеством мужчин в юбке из тапы и выцветшей шали, кое-как прикрывающей грудь. Выгоревшие до белизны распущенные волосы падали на обнаженные плечи, лицо, голые руки и босые ноги покрывал ровный тропический

загар.

Вспомнив о том, как впервые очутившись на Тахуата она стыдилась снять корсет, девушка поняла, как сильно она отличается от прежней Эмили и в сколь глубокий сон была погружена все это время.

Увидев, что Моана смотрит на нее с ожиданием, Эмили сделала над собой усилие и обратилась к ней:

— Я еще раз прошу у тебя прощения. Теперь я понимаю, каково тебе было. Хотя, возможно, легче, чем мне, ведь тебя защищала твоя ненависть.

— Будет лучше, если ты тоже возненавидишь Атеа, — сказала туземка.

— Я не знаю, смогу ли, — призналась француженка. — Насколько я понимаю, он не мог поступить иначе.

Моана сверкнула глазами.

— Ему ничто не поможет. Его власти на острове пришел конец.

Хотя в ее голосе звучала гордая уверенность, в нем не было ни прежней вражды к белой девушке, отобравшей у нее жениха, ни ожидаемого злорадства. По-видимому, Моане удалось справиться со своим несчастьем или найти утешение в чем-то другом.

— Не стреляйте, — попросила Эмили капитана, глядя на черные жерла пушек, нацеленные на крепость, — там много женщин, детей и стариков.

— Я сдержу свое слово и ступлю на путь переговоров, — важно произнес Тайль. — Я всегда осуждал тех, кто стремился править туземцами с помощью кнута и виселицы. Я с самого начала хотел решить это дело мирным путем, но Атеа захотелось испытать меня на прочность, и в результате пролилась кровь.

— Все могло закончиться гораздо хуже, — сказал Рене Эмили, когда они шли к берегу. — Скажи спасибо, что островитяне не принесли тебя в жертву богу войны, чтобы он смилостивился к ним.

— Атеа никогда бы не смог так поступить!

Рене смотрел на дочь с жалостью и сочувствием.

— Неужели ты до сих пор не поняла, кто он такой? Человек, несказанно преувеличивающий значение своего Я. Способный мстить каждому, перед кем ему приходится обуздывать себя. Он никогда не уравняет свои заслуги со своей виной. С одной стороны, он вождь, возомнивший себя равным белым и даже превосходящим их, а с

другой — раб обычаев и предрассудков своего племени.

Эмили молчала. И отец, и священник, и капитан обвиняли во всем Атеа, и когда он был силен, и когда он сделался уязвимым. С наделенного многим много и спросится. Возможно, это было справедливо. Только вот чем и за что придется расплачиваться ей? За любовь, за доверчивость, за безрассудство, за пустые мечты?

Через четыре дня Рене и Эмили оказались на Нуку-Хива, а спустя еще неделю поднялись на борт разодетой в белоснежные паруса шхуны «Конкордия», державшей курс к европейским широтам.

Хотя отец ни в чем не упрекал Эмили, ей казалось, что близость и теплота их отношений исчезли. Жизнь на борту судна текла в монотонном ритме, что немного смягчало боль. Рене старался быть деликатным и не мешал дочери пребывать в собственном мире. Он знал: чтобы оправиться от пережитого, ей потребуется немало времени.

Девушка подолгу стояла на корме, глядя в сторону райских островов, хотя они давным-давно скрылись из виду.

С каждым восходом солнце становилось все

холоднее, но попутный ветер дул ровно и стойко, паруса выглядели гладкими и натянутыми, и «Конкордия» спокойно бежала по волнам.

Эмили была готова принять неизбежное разумом, но ее сердце разрывалось на части.

Глава одиннадцатая

Путь домой оказался долгим. Эмили довелось повидать беспрестанно грохочущее, плюющееся грязной пеной море, услышать жалобный стон креплений и зловещий скрип мачт, ощутить трепет обшивки под натиском волн. Однако вопреки всему кораблю удавалось освободиться из цепких объятий штормовых вод и продолжить плавание.

Впервые за долгое время увидев, как пылающее, будто пламя кузнечного горна, солнце медленно погружается во мрак городской копоти, Эмили почувствовала гнетущее отчаяние.

В одном из портов Лионского залива, названия которого она не запомнила, да и не старалась запомнить, стоял резкий запах лошадей, сточных канав и корабельной смолы.

Хотя им с отцом предстояло проехать почти через всю Францию, Эмили не тревожилась. Ее не беспокоило будущее, зато воспоминания о прошлом давили на душу, словно тяжелая и холодная надгробная плита.

Рене говорил о том, что дома наверняка хо-

лодно, белье отсырело, стены заплесневели и многочисленные фолианты находятся в плохом состоянии, а она думала о том, что не знает, какое сейчас время года, месяц и день недели. Очутившись на другом конце света, Эмили совершенно утратила как ориентацию в пространстве, так и душевное равновесие. Отец переживал о судьбе книг, а она не понимала, как ей жить дальше.

Рене надеялся, что, приехав в Париж, дочь придет в чувство, но она оставалась такой же безучастной. А он любовался голубями, чьи крылья мерцали в лучах неяркого солнца, мельканием дамских нарядов, наслаждался шумом непрерывного людского потока, стуком колес карет по мостовой, выкриками торговцев, продающих еду, по которым он успел соскучиться.

Рене твердо решил, что на время оставит путешествия и засядет за книгу о Полинезии. Эта мысль несказанно воодушевляла бы его, если б он не был встревожен состоянием Эмили.

Дома он немедленно разжег камин. Рене надеялся, что вид рвущихся вверх языков пламени с голубой сердцевиной и шипение жарящихся на решетке бараньих отбивных пробудят в дочери искру хорошего настроения, но все было напрасно.

Эмили прошла в свою комнату и, не раздеваясь, легла на холодное, как саван, покрывало. По сути, ее здесь не было. Она находилась там, где над головой сплошным полотном натянуто синее небо, а под ногами плещется голубой океан. Там, где на многие мили тянется полоса белоснежного песка и колышутся изумрудные заросли. Где днем светит яркое солнце, а ночью кажется, будто звезды можно достать рукой.

Эмили разглядывала свой густой, красивый загар, столь вызывающе выглядевший в Париже. Со временем он поблекнет. Но она не была уверена, что это случится с воспоминаниями.

Она знала: надо постараться внушить себе, что в ее жизни никогда не было ни полинезийского рая, ни жарких тропических ночей, когда по жилам бежала горячая кровь, а мысли застилал страстный туман.

Эмили принялась читать книги, привычно перелистывая отсыревшие страницы, но ей казалось, будто она прикасается к мертвой плоти. Она заставляла себя съедать все за завтраком, обедом и ужином, хотя ей чудилось, будто она жует бумагу и опилки.

Когда не спала, то бродила по дому как сомнамбула. Улыбалась отцу приклеенной фальшивой

улыбкой и через минуту забывала о том, что он ей говорил.

Однажды мадам Патиссо, издавна убиравшая в их доме и знавшая Эмили с детства, сказала девушке:

— Я рада, что вы вернулись домой, барышня. Полагаю, самое время заняться поиском жениха!

Эмили ничего не ответила, а про себя подумала: «Ведь я была замужем. Однако об этом никто не знает, и никто не поверит в это».

В тот день она впервые вышла на улицу.

Оказалось, наступила весна. Колеса карет разбрызгивали грязь, дамы приподнимали юбки нежными пальчиками, осторожно перешагивая через лужи, всюду слышались выкрики продавцов газет и торговок пирожками.

Эмили шла по городу, любуясь оживающими каштанами и пробивавшейся в скверах травой, а в мыслях по-прежнему пребывая там, где осталось ее сердце.

Она думала о последних секундах, когда они с Атеа еще были вместе, когда она могла видеть его и прикасаться к нему. Волны воспоминаний словно смывали с ее души слой одиночества, и ей становилось почти хорошо.

На углу ближайшего дома продавались цве-

ты. После пышной полинезийской зелени они показались Эмили чахлыми и жалкими. Или они ничем не пахли, или она напрочь утратила обоняние.

Аромат цветов Полинезии! Им было невозможно надышаться. Полинезийки составляли букеты с безукоризненным вкусом. В этом они могли поспорить с любой парижской цветочницей.

Внезапно она узнала дом: в нем проживал доктор Ромильи, давний приятель ее отца. Немного поколебавшись, Эмили поднялась по узкой лесенке и позвонила.

Дверь открыла строгая молодая особа в опрятном белом фартуке.

— Вам назначено?

— Нет, но я… Скажите, что пришла Эмили Марен, дочь Рене Марена.

Через несколько минут ожидания в приемной ее провели к доктору. Он принял ее очень радушно.

— Эмили! Вы с отцом вернулись?! А он и носа не кажет.

— Он пишет книгу.

— Давно пора. Думаю, его впечатлений хватит не на один том. А тебе путешествие явно пошло на пользу: ты вся словно обласкана солнцем!

Эмили улыбнулась, но из-за опущенных уголков губ и грустных глаз улыбка получилась горькой. Сделав над собой усилие, она произнесла как можно спокойнее:

— Мне понравилось в Полинезии, но я... Со мной что-то происходит. Я испытываю отвращение к пище, и меня одолевает слабость.

— Такое случается при перемене климата. Надеюсь, ты не заразилась какой-нибудь редкой болезнью, иначе чувствовала бы себя гораздо хуже. Расскажи мне подробнее о том, что тебя беспокоит, а потом я тебя осмотрю.

После беседы и осмотра доктор Ромильи резко замолчал, и по мере того, как длилось это молчание, нарастала тревога Эмили.

— Что со мной?

— Судя по всему, у тебя будет ребенок.

Известие было столь ошеломляющим, что она, не сдержавшись, воскликнула:

— Такого не может быть!

— Тебе лучше знать, возможно это или нет, — мягко произнес доктор.

Эмили покраснела. Конечно, такое могло случиться!

Она вспомнила, как Атеа спросил, не беременна ли она. Изменилось ли что-нибудь или нет,

если б она знала, что носит в себе новую жизнь? Эмили боялась, что никогда не получит ответа на этот вопрос.

Когда она протянула доктору деньги, он отказался. Она прочитала в его глазах не осуждение, но жалость. Должно быть, мсье Ромильи думал о том, как она сообщит эту новость отцу, а еще представлял легкомысленную интрижку на борту корабля: мимолетный союз отчаявшейся девицы и какого-нибудь предприимчивого морехода.

Коротко попрощавшись и поблагодарив врача, Эмили вышла на улицу. Она никак не могла опомниться.

Отцом ее ребенка был полинезиец, дикарь в представлении европейцев. Внезапно она поняла, что ей придется скрывать это всю свою жизнь.

Вспомнив, как быстро рассеялась в Полинезии тоска по родине, и сравнивая, как тяжело приходится теперь, Эмили внезапно поняла: ей нужно вернуться обратно. Пусть им с Атеа не суждено быть вместе: главное — она окажется в краю своей мечты, а ее ребенок будет расти там, где он должен расти.

Это показалось ей решением проблемы, более того — единственным выходом из сложившейся

ситуации. В Полинезии она осознала, что нельзя убежать от себя и нужно принимать жизнь такой, какова она есть.

Вернувшись домой, Эмили сбросила с плеч накидку и поспешно прошла в кабинет отца. Рене сидел над какими-то бумагами и имел озабоченный, пожалуй, даже потерянный вид, однако дочь не заметила этого.

Взбудораженная своими мыслями, она быстро проговорила:

— Я еду в Полинезию. Возвращение в Париж было ошибкой. Я ощущаю себя частью того, а не этого мира.

Сейчас она с особой пронзительностью чувствовала, сколь сильно отличается от девушки, часами сидящей в кресле с раскрытой книгой на коленях, устремив глаза в неведомое пространство и витая в мечтах. Теперь она желала дышать воздухом дикой природы, жаждала полнокровной, полноценной и радостной жизни.

Медленно подняв голову, Рене посмотрел на дочь так, словно не понимал, о чем она говорит.

Потом наконец ответил:

— Ни ты, ни я не сможем вернуться в Полинезию, Эмили. Я не хотел тебе говорить, но наши финансовые дела очень плохи. Боюсь, нам при-

дется съехать с этой квартиры и подыскать себе жилье подешевле.

— Но я прожила здесь всю свою жизнь!

— К несчастью, времена меняются. Большая часть моих средств, вложенных в ценные бумаги, за время нашего отсутствия превратилась в пыль. Мы разорены. Правительство отклонило законопроект о полюбовных сделках между должниками и кредиторами, вновь увеличило налоги и восстановило тюремное заключение за недоимки. Сейчас нам надо спасать то, что у нас еще осталось: нашу свободу и честь.

Эмили с силой сплела пальцы. Бедный отец! Что ей стоило нагнуться и поднять хотя бы одну жемчужину из ожерелья, подаренного Атеа! Ведь он предлагал ей забрать украшение с собой! Впрочем сейчас ей казалось, что это было столь же немыслимо, как утащить что-то из сна.

— Отец! Я должна сказать, что у меня будет ребенок.

Его глаза впились в нее, и Эмили почудилось, будто в них плещутся безнадежность и скорбь.

— От Атеа.

— Да.

Обхватив голову руками, Рене качнулся взад-вперед.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Я не замужем. У нас нет денег. И я ничего не умею.

— Не только это. Атеа полинезиец. По ребенку будет заметно, кто его отец. Наши миры слишком разные, они не должны пересекаться в чем-то важном: я тебя предупреждал.

— Атеа красив. Ты сам это признавал.

— Я говорил и о том, что он может существовать только в своей среде. Там он — полубог, а здесь превратился бы в дикаря. К тому же в твоем окружении это способен понять только я. Для остальных людей он будет дикарем везде и всегда. Вас разделяют не просто тысячи миль, а… века.

— Что ты предлагаешь?

— Надо поговорить с доктором Ромильи.

— Я была у него сегодня.

— Стало быть, он знает?

— Да.

— Это хорошо.

— Ты не хочешь, чтобы этот ребенок появлялся на свет? — тихо спросила Эмили.

— Я боюсь того, что его ждет, — признался Рене. — Если бы удалось устроить ребенка в хороший приют…

Она сорвалась с места, и ее глаза засверкали,

как звезды Южного Креста.

— Я никогда этого не сделаю!

— Прости, Эмили, — потерянно произнес Рене. — Ты права. Надеюсь, нам удастся это пережить. — И неожиданно добавил: — Вся беда в том, что ты не была знакома с другими молодыми людьми. Людьми твоего круга. Наверное, я плохо заботился о тебе и воспитал тебя неправильно.

— Я не жалею о том, что было или чего не было в моей жизни, — сказала Эмили.

Неделю спустя они переехали на другую квартиру. Собственно, то была не квартира, а чердак. Часть книг Рене раздал друзьям. Кое-что из ставшей лишней мебели удалось продать, а многое они просто оставили на квартире. Мадам Патиссо пришлось рассчитать, и Эмили мужественно ходила за покупками на ближайший рынок, готовила еду и стирала одежду.

Иногда она гуляла в парке, слушая воркование голубей в гуще листвы и разглядывая статуи, застывшие, словно в раздумье, на своих пьедесталах. И вновь в памяти всплывал вид монументальных полинезийских деревьев, зелень которых была обрызгана красными, желтыми и белыми кистями огромных цветов.

Однажды, вернувшись с такой прогулки, Эмили

увидела Рене сидящим возле камина и сжигающим какие-то бумаги.

Он сидел, весь съежившись, и временами по его лицу пробегала судорога. Перед камином стоял ящик с письмами, которого она прежде не видела. Бумага коробилась и чернела в огне, и по ней текло что-то красное, похожее на кровь. Сперва Эмили испугалась, а после поняла, что это сургуч.

— Что ты сжигаешь? — спросила она.

— Кое-что личное, — со странным спокойствием ответил Рене и протянул ей один конверт. — Здесь лондонский адрес твоей матери. Возможно, она там уже не живет, но все же, надеюсь, тебе удастся ее найти. Хорошо, что ты знаешь английский! Если со мной что-то случится, отправляйся в Лондон и обратись к ней.

У Эмили похолодели руки.

— Моя мать бросила меня!

— Я лгал тебе. Элизабет хотела взять тебя с собой, но я не согласился. Она была иностранкой, потому не сумела ничего сделать.

— Она могла бы остаться с тобой, с нами! Почему ты отправляешь меня к ней? Ты думаешь, с тобой что-то случится?!

Рене не успел ответить, как она заметила, что

он держит в руках тетрадь со своими путевыми заметками, в том числе и сделанными на Маркизских островах.

— Ты собираешься их сжечь?!

Рене глубоко вздохнул.

— Географическое общество не заинтересовала книга о Полинезии. Эти острова слишком далеки и загадочны. Я решил больше не заниматься ни путешествиями, ни исследованиями. Попытаюсь найти учеников, чтобы мы могли хоть как-то прожить с тобой и… твоим ребенком.

Она потрясенно молчала, и тогда он добавил:

— Пора спуститься на землю, Эмили. Мы и без того задержались в небесах.

С этими словами Рене Марен швырнул записки в огонь.

Девушка села на пол рядом с отцом, и они вместе глядели, как мечты превращаются в пепел, как исчезает то, в чем были сосредоточены все их надежды.

Осада крепости продолжалась недолго. Островитяне желали переселиться на берег и вернуться к привычным для себя занятиям, а не жить под постоянным страхом прилета снарядов, сперва источавших огонь, а потом — фонтаны черного дыма, ядер, не только разрывающих в клочья

человеческие тела, но даже дробящих скалы.

Прошел слух, что белые солдаты обещают помочь со строительством новых хижин. К тому же каким-то образом жители Хива-Оа узнали, что в отличие от непокорного Атеа вождь Лоа с Тахуата сдался французам без малейшего сопротивления, а его дочь Моана стала женой человека, командующего пушками.

Однажды уступив старейшинам и жрецам, Атеа был вынужден делать это и в дальнейшем. Его мана рассеялась, как утреннее облако, превратилась в эхо, которое не поймаешь и не удержишь.

Несмотря на это, в канун утра, когда племя должно было покинуть крепость и вернуться в деревню, он собрал своих воинов и обратился к ним с речью:

— С того момента, как на-ики признают власть белых людей, я перестану быть вашим вождем. Но если вы согласитесь уйти со мной в горы, я останусь им. Мы по-прежнему будем повиноваться только своим законам. Станем нападать на врагов под прикрытием ночи. Они не могут лазать по горам и плавать в море так, как мы. Им никогда нас не поймать.

Он обвел собравшихся горящим взглядом. На его голове больше не красовался пышный голов-

ной убор вождя, а в руках не было жезла. Зато на коленях лежало ружье, которое он время от времени поглаживал, словно оно было живым.

Мужчины переглядывались, переминались с ноги на ногу, но никто не произносил ни слова. Для большинства из них Атеа все еще был арики, полубогом, но с другой стороны, они не имели ни малейшей склонности воевать. Белые люди были сильнее, это казалось столь очевидным, что туземцы не видели смысла сопротивляться.

В конце концов Атеа встал и направился к выходу. Он знал тропинку, по которой можно было незаметно покинуть крепость. Он шел медленно, словно раздумывая, стоит ли оглянуться? Сейчас ему было наплевать на гордость. Он страшился того, что ему придется потерпеть полное и окончательное поражение.

Он правил ими больше года и рассчитывал править всю оставшуюся жизнь, но сперва ему пришлось противопоставить себя народу, а сегодня он и вовсе стоял перед мужчинами племени, как на суде, и они изучали его взглядами, словно чужого.

Обернувшись, Атеа увидел, что за ним идут человек тридцать, в основном совсем молодых, еще неженатых мужчин, всего тридцать из сотни

обученных обращаться с оружием! В тот миг, когда его сердце сжало немое отчаяние, он изо всех сил сдавил руками ствол ружья.

В краю полинезийских возвышенностей, среди причудливо задрапированных зеленью ущелий ничто не тяготило ни тело, ни душу, все заботы и мысли отступали прочь. Нагромождение скал, у подножия которых пенился и грохотал прибой, бездонное небо, необозримые леса — все остальное казалось далеким, как грезы.

Однако Морис Тайль знал, что люди, могущие пробираться по горным тропам, как дикие козы, равно как плавать в море подобно дельфинам, представляют собой серьезную опасность, пусть даже этих людей не больше трех десятков человек. До тех пор, пока они глядят сверху внимательными глазами, готовые выстрелить из ружья или устроить обвал, французы не смогут спокойно ходить по острову.

Узнав о том, что Атеа сбежал в горы, капитан заскрежетал зубами и тихо выругался. Он должен был предусмотреть такую возможность. Тем не менее Тайль сдержал свое обещание: островитяне вернулись в сожженную деревню, восстановили хижины и зажили, почти как прежде. Кое-кто из них взирал на белых людей со смешанным

чувством неприязни и страха, другие, напротив, проявляли живейшее любопытство ко всему, что творилось в лагере европейцев.

После поданного капитаном рапорта о захвате Хива-Оа губернатор Маркизских островов получил приказ создать на острове морскую базу. Отныне здесь разместился постоянный гарнизон, а возле берега маячили боевые катера.

Поскольку с некоторых пор Морис Тайль сам жил с полинезийской девушкой, у него не хватило духу препятствовать связям солдат и матросов с незамужними жительницами Хива-Оа, что, впрочем, дозволялось местной моралью.

Поскольку Атеа никто не свергал, формально он по-прежнему считался вождем, хотя на деле племенем правил совет из жрецов и старейшин. Островитяне не знали, где скрывается арики, или знали, но не хотели говорить.

Тайль махнул бы на него рукой и оставил в покое, если б только Атеа сделал то же самое. Однако тот то и дело предпринимал дерзкие вылазки, в результате которых французы неизменно несли потери. Наблюдая сквозь завесу листвы за копошившимися на берегу солдатами, он не упускал возможности спустить курок и, как правило, попадал в цель.

Морис надеялся только на то, что рано или поздно у полинезийцев закончатся боеприпасы. Не станут же они заряжать ружья камнями?

Тайль как можно дольше не сообщал начальству про Атеа и его отряд, зная, что с Нуку-Хива немедленно придет приказ любым способом уничтожить опального вождя. Но как поймать его в горах, где любое неловкое движение может оказаться смертельным!

Иногда капитан советовался с Моаной. Он продолжал восхищаться этой девушкой и относился к ней со всем уважением, на какое был способен. Ему нравилось покачивание ее бедер, прикрытых юбкой из тапы, и колыхание обнаженной груди. Аромат ее кожи, когда она пылала страстью, и загадочный изгиб чувственных губ; мгновения, когда она обмирала от его прикосновений, и глубокое дыхание, когда она спала.

Она не сомневалась в своей привлекательности, равно как и не думала о ней. Ее взгляд обжигал, а очарование царственной походки мгновенно пленяло любого мужчину. Морис ревновал Моану, ибо его сослуживцы смотрели ей вслед, открыв рот. Сама она ни на кого не глядела, но, как догадывался капитан, вовсе не потому, что была влюблена именно в него.

Помня о высоком происхождении Моаны (пусть другим европейцам это казалось сущей ерундой), Тайль взял для нее трех служанок и позволял ей делать все, что заблагорассудится. Он отдавал должное ее красоте, ее неотразимости, ее страсти, ее горделивой покорности. Но вот что творилось у нее в душе, оставалось для него загадкой.

Глава двенадцатая

Был конец осени, когда над Парижем уже не кружили яркие листья, когда город хлестали порывы холодного ветра, а крыши домов, в которых отражалось тусклое солнце, напоминали мутные слепые зеркала.

Рене таскался по урокам, как делал это в дни молодости, а Эмили с трудом спускалась по лестнице, чтобы дойти до ближайшей лавки или до зеленщицы, что торговала на углу.

В последние дни ею владела щемящая смесь тоски, досады и… предчувствия нового счастья.

Щадя отца, Эмили не вспоминала о Полинезии, по крайней мере, вслух. Она старалась убедить себя в том, что утраченного не вернешь и что надо думать о будущем.

Роды начались раньше, чем она предполагала. Рене был на уроке, а Эмили возвращалась из пекарни. Она уронила хлеб и, цепляясь руками за шаткие перила, кое-как поднялась наверх. По пути ей удалось заглянуть в каморку женщины, живущей ниже, и уговорить ее сходить за доктором Ромильи.

Едва стянув с себя верхнюю одежду, Эмили упала на кровать. От боли она непрерывно крутила головой и то зажмуривала, то открывала глаза. Она чувствовала, что изнемогает, ей чудилось, будто сама смерть вцепилась в нее своими костлявыми руками.

Эмили вспомнила слова отца Гюильмара: «Когда полинезийке приходит время рожать, она прячется в ближайших кустах и через несколько минут выходит оттуда с ребенком. А что будете делать вы?!»

Она в самом деле не знала, что ей делать, и была уверена в том, что ни за что не справится сама, без посторонней помощи. В конце концов, Эмили принялась кричать, но не затем, чтобы позвать на помощь, а потому, что больше не могла выносить этих нечеловеческих мук.

Послышались шаги, и на пороге появилась та самая женщина, соседка.

— Я сходила к доктору, сударыня, но его не оказалось дома. Служанка сказала, что когда он появится, она тут же пошлет его к вам.

— Пожалуйста, не уходите, — попросила Эмили и добавила: — Мне очень плохо.

Соседка с любопытством разглядывала чердак.

— Мне говорили, что здесь живет благородный,

но обедневший господин с дочерью. Теперь я вижу, что это так: у вас столько книг!

В былые времена Эмили улыбнулась бы, услышав, что книги являются признаком благородства их владельца, но сейчас застонала от новой волны схваток.

Женщина подошла ближе.

— У вас такой огромный живот! Разве так должно быть?!

— Я не знаю, со мной такое впервые.

— А где ваш муж?

«У меня нет мужа», — хотела ответить Эмили, но вместо этого промолвила:

— Он далеко.

Соседка принялась расплетать ей волосы и развязывать тесемки на платье. Измученная болью, Эмили не мешала ей совершать эти бесполезные действия.

— Жительницы нашего квартала не зовут докторов, они обращаются к повитухам. Сейчас я попробую кого-нибудь отыскать.

— Не уходите! — повторила Эмили и попыталась протянуть руку, но та бессильно упала на кровать.

В какой-то миг она подумала, что умирает. Пронзившая ее, словно насквозь, боль внезапно

отпустила, и одновременно Эмили почувствовала, как что-то навсегда покинуло ее плоть, отделилось, зажило собственной жизнью.

Соседка подхватила ребенка.

— Он живой! Дышит! Надо перевязать пуповину. Надеюсь, я смогу это сделать.

— Мальчик? — еле слышно прошептала Эмили.

— Да.

— Какой он?

— Необычный. Хорошенький. И, как мне кажется, очень сильный.

— Да, так и должно быть.

Едва Эмили собралась перевести дух и привести в порядок мысли, как ее внутренности вновь скрутило от боли. Ей казалось, будто их пилят тупой пилой. Она хотела закричать, но из горла вырвался только хрип, а потом молодая женщина потеряла сознание.

Открылась дверь, и на пороге появился доктор Ромильи. Сразу поняв, что что-то не так, он бросился к Эмили.

— Что с ней? — с любопытством и страхом спросила соседка.

— Она рожает.

— Но ведь она только что родила! Вот ребенок.

Это я ей помогла.

— Значит, снова поможете. Будете делать то, что я вам скажу.

— А как же мальчик?

— С ним все в порядке?

— Кажется, да.

— Положите его на постель. О нем мы позаботимся потом.

Спустя час Рене Марен с трудом поднимался по скрипучей лестнице, волоча с собой книги. Ступив на площадку, откуда дверь вела на чердак, он столкнулся с доктором Ромильи.

— Поздравляю, мой друг, — сказал тот, — вы стали дедом.

От неожиданности Рене выронил книги, и они загрохотали по ступенькам.

— Благодарю вас! Внук или внучка?

Ромильи сделал паузу.

— Двойня. Мальчик и девочка. Я подоспел к рождению второго ребенка, а первого приняла ваша соседка.

— В Полинезии жену вождя, подарившего своему супругу двойню, почитают, как богиню Хину, мать всего сущего, стоящую над небом и землей, — пробормотал Рене.

Доктор округлил глаза.

— Что вы сказали?

— Так, ничего.

Одинокая свеча едва заметно трепетала в неподвижном, сыром и затхлом воздухе чердака. Два маленьких тельца лежали бок о бок, полные младенческой невинности, уютного тепла и трогательного неведения. Прекрасные, смуглые, здоровые дети с каплей солнечного огня в сердце и примесью морской соли в крови.

Рене вздохнул, и в этом вздохе слились радость и боль. Эти существа пришли в мир, где никогда не будут счастливыми и свободными.

Глаза Эмили блестели то ли от радости, то ли от слез.

— Как же мы проживем?

— Справимся, — ответил Рене, хотя и не был в этом уверен. — Как ты думаешь их назвать?

— Маноа и Ивеа.

Он посмотрел на дочь долгим взглядом.

— Ты понимаешь, что это невозможно. Детей надо окрестить.

— Мы можем крестить их под любыми именами, но звать я их буду именно так.

Рене присел на постель. Ему было горько думать о том, что его дочь будет страдать всю свою жизнь. Полинезия взяла ее в рабство и никогда

не отпустит. Он много путешествовал и знал, как это бывает. Сперва, сам того не замечая, человек привязывается к прежде незнакомым местам органами чувств. Кажется, будто воздух очищает легкие, а солнце озаряет темные закоулки души. Вскоре путнику начинает чудиться, что именно здесь он способен обрести рай. А если к этому примешалась любовь… Неважно, имела ли она право на существование и казалась ли абсурдной окружающим, цивилизованным людям, парижанам, французам, бесконечно далеким от прекрасного, древнего, непостижимого мира Океании.

Атеа. Из любого человека можно сотворить идеал. Но рано или поздно все равно наступает прозрение. Однако, похоже, Эмили продолжала жить с завязанными глазами.

— Ты не сердишься на меня? — вдруг спросил Рене. — Ведь я приложил все усилия, чтобы увезти тебя из Полинезии.

У него были впалые щеки, покрасневшие глаза и изможденное лицо, и Эмили, не колеблясь, ответила:

— Ты здесь ни при чем. Это была судьба.

Пока дочь поправлялась, Рене взял на себя заботу о покупках. Кое-что за отдельную плату делала Жанна, та самая женщина-соседка, что приняла

первенца Эмили.

Как почти все мыслители и мечтатели, Рене был рассеян и большую часть времени пребывал не во внешнем, а во внутреннем мире. Спустя неделю после появления на свет внуков (которых окрестили как Марселя и Иветту, хотя Эмили упорно называла их полинезийскими именами) он попал под колеса кареты и умер через два часа.

«Я прожил счастливую жизнь, потому что многое повидал», — такими были его последние слова.

Вспоминая лицо отца, на котором застыло странное умиротворенное выражение, Эмили думала о том, что Рене Марен всегда жил мечтами, многие из которых осуществились, но главная так и осталась недосягаемой. Он мог бы поделиться своими впечатлениями хотя бы с внуками, но смерть призвала его к себе.

Она много раз чувствовала, как рыдания подступают к горлу, но невероятным напряжением воли заставляла себя думать о чем-то постороннем. Пытаясь подавить скорбь, раздиравшую ее сердце, Эмили нагружала себя повседневными делами, заботами о детях, тем более что суровая действительность все сильнее сжимала ее

в тисках.

Она осталась одна-одинешенька с двумя детьми, и у нее почти не было денег. Друзья ее отца организовали похороны Рене, но больше помочь ничем не смогли: многие из них сами переживали не лучшие времена. Они посоветовали Эмили обратиться в благотворительные учреждения, но там она сумела получить лишь какие-то крохи: в ту пору Париж был наводнен подобного рода просителями, тогда как пожертвования в пользу неимущих почти не поступали.

Оставался один выход: последовать совету покойного отца и отправиться в Лондон. Эмили продала старьевщику последнюю обстановку и раздала друзьям Рене его бесценные книги, думая о том, что после смерти человека все, что он хранил и берег, чем жил, зачастую не имеет ни значения, ни смысла. Самое главное он всегда и навечно уносит с собой.

Накануне затянувшегося отъезда (надо было получить паспорт и разрешение на пересечение границы), пересматривая свой скудный гардероб, Эмили наткнулась на выцветшее платье, которое было на ней, когда она причалила к берегам Хива-Оа, чтобы стать женой Атеа. Оно лежало в узле, который она собрала, навсегда покидая

его хижину.

Прежде ей было слишком больно разбирать эти вещи, и она их не трогала. Теперь же, не сдержавшись, Эмили зарылась в платье лицом и словно бы ощутила головокружительный аромат лазурной морской воды, цветов, чьи лепестки алее и краше мантии древних царей, изумрудной зелени и палящего солнца. Несколько мгновений слабости — и она мужественно выпрямилась. То были лохмотья прошлого, обманчивая оболочка сна, то, с чем необходимо расстаться.

В тот миг, когда она расправляла платье, из складок ткани внезапно выпала жемчужина, голубовато-матовая, округлая, словно маленькая луна. Она казалась безупречной и словно излучала свет.

Эмили замерла. Откуда она взялась?! Это было непостижимо! Осторожно подняв жемчужину, она положила ее на ладонь. Что это было? Неожиданный пропуск в рай? Эмили не имела понятия, сколько стоит жемчуг и где его можно продать.

У нее ничего не осталось от человека, которого она любила, ничего, доказывающего, что он в самом деле существовал в ее жизни, кроме… детей и этой крохотной драгоценности. Поверят ли они ей, когда вырастут? Не лучше ли оставить

жемчужину им?

Что бы подумал Атеа, если б узнал о рождении двойни? Что бы сказал, если б увидел ее сейчас?

Взяв небольшое зеркало, молодая женщина окинула себя испытующим взглядом. Она сильно похудела. Дети были спокойными и не доставляли много хлопот, но они много ели и буквально высасывали из нее соки. Тропический загар побледнел, ее щеки поблекли, но взор голубых глаз был полон лихорадочного блеска человека, в одиночку боровшегося за жизнь.

Эмили невольно усмехнулась. Даже если она отправит письмо на Нуку-Хива, скорее всего, оно потеряется в дороге. А если и нет, то передать его Атеа будет просто некому. Да и едва ли он сумел бы прочитать ее послание.

Она решила, что в первую очередь все-таки нужно попытаться отыскать мать. Марсель и Иветта (Маноа и Ивеа) были слишком малы для путешествия на другой конец света.

Прощание с Парижем было подернуто легкой грустью. Мостовые и тротуары покрывала мертвая листва, сбивавшаяся и скользившая под ногами, с неба сыпался унылый дождь. С некоторых пор Париж перестал быть *ее* городом, хотя Эмили не сомневалась в том, что вернется сюда

хотя бы потому, что отныне здесь находилась могила Рене.

Поездка в Гавр выдалась тяжелой (дилижанс трясло, двойняшки не могли заснуть и плакали, а у Эмили затекли руки от двойного груза, и она не имела возможности ни успокоить детей, ни накормить), а вид залива просто удручал.

В Полинезии казалось, будто океанская ширь тает на горизонте, растворяется в необозримых далях, тогда как здесь море выглядело препятствием, стеной. Оно не манило и не звало, оно преграждало путь. Дул сильный ветер, а привкус соли на губах казался горьким. Низкие скалы были покрыты водой, водоросли извивались на камнях, словно змеи. При мысли о качке Эмили замутило, хотя прежде она хорошо переносила морские путешествия.

Молодая женщина потуже завязала ленты шляпки. Жемчужина была завернута в платок и засунута за корсаж. Как ни странно, эта маленькая драгоценность — таинственный талисман — придавала ей сил.

Эмили пожалела о том, что отец так мало рассказывал об Элизабет. Если ей удастся найти мать, они встретятся, как два чужих человека, и будут вынуждены искать пути к сближению. К

тому же ей придется предстать перед Элизабет в невыгодном свете. Женщина, родившая детей без мужа (Эмили понимала, что в «цивилизованном» обществе ей придется молчать об Атеа до конца жизни), не имеющая ни гроша, ничему не обученная, кроме как читать, писать и… мечтать.

Корабль причалил к английским берегам ровно в полдень. Высоко в небе в туманной дымке парил сияющий диск, и по воде, словно тропинка, ведущая в неведомое будущее, золотилась едва заметная дорожка.

— Белые люди сильнее, чем мы. У нас нет того, что есть у них: такого оружия, таких кораблей. Сражаясь с ними, мы все время старались им подражать, но у нас ничего не вышло. Их оружие не служит нам так, как им, а наши пращи и копья и вовсе бессильны против их пушек.

— Сколько времени мы не нападаем, а убегаем!

— Надо сойти вниз, тем более, они обещают сохранить нам жизнь.

— Я спущусь к ним только одним способом, — сказал Атеа, выслушав своих воинов, и все сразу поняли, что он имеет в виду. — Я хочу умереть свободным.

Он по-прежнему держал в руках ружье, в ко-

тором давно не было патронов. Он отказывался расстаться с ним, возможно, потому, что это помогало ему сохранить уверенность в себе. Долгие дни оружие белых людей заменяло Атеа жезл вождя, но теперь и этому пришел конец.

Его люди были правы: из пусть не грозной, но ощутимой силы они превратились в преследуемых и гонимых. Полгода назад с Нуку-Хива прибыл особый отряд, который занимался только тем, что пытался поймать Атеа и его воинов, но лишь спустя пять месяцев им наконец удалось загнать кучку туземцев, возглавляемых арики, в небольшое ущелье, откуда не было выхода.

Сейчас пленники гор решали, что ответить на предложение европейцев сдаться без крови.

Белые победили — это было написано на лицах всех присутствующих, и только нечеловеческая гордость и неимоверное упрямство вождя мешало туземцам разомкнуть уста.

Уже понимая, чем все закончится, Атеа предпринял последнюю попытку:

— Вы хотите присоединиться к тем, кто променял свободу на побрякушки? Вы трусы?

— Мы не трусы, мы просто устали.

Они и впрямь выглядели исхудавшими, изможденными. Здесь, на высоте, можно было питаться

только дикими плодами, да и тех было немного. Постепенно убежище превратилось в тюрьму, а свобода обернулась страданием.

— Хорошо, идите. Но я останусь.

Атеа смотрел на них в упор, но они отводили взгляды. Однако когда они покидали его, отвернулся он. Потом он видел сверху, как солдаты окружили пленных. Выбросив в пропасть ставшее бесполезным ружье, он оглядывал груду камней внизу, камней, готовых пронзить своими зубьями падающее тело.

После Атеа перевел взгляд на купавшуюся в зеленых волнах пышной растительности долину, на увитые изумрудными гирляндами скалы. Деревья ютились на каждом уступе, укоренялись в каждой трещине, на самых страшных отвесах. А над всем этим великолепием, будто купол гигантской беседки, распростерлись ослепительно синие небеса.

Его мир, который больше ему не принадлежал…

Атеа вздрогнул, услышав крик:

— А ты, арики? Уговор был такой: мы сохраняем вам жизнь, если спустятся *все!*

Кричал Морис Тайль, рядом с которым стояли солдаты и еще какой-то человек. То был Альберт

Буавен, командир специального отряда, присланного с Нуку-Хива для поимки восставшего вождя.

Атеа шагнул к пропасти. Как и большинство полинезийцев, он не боялся смерти, ибо она являлась концом одной, но началом другой жизни. В вечном обновлении и круговороте вечности осуществляется связь между прошлым, настоящим и будущим. Умирая, человек уступает дорогу грядущим поколениям. Вместе с тем он сам продолжает жить в обществе душ своих предков. Самое главное, чтобы его смерть была достойной.

— Не нужно стрелять и тратить патроны. Я спрыгну! Вы увидите, как я полечу вниз и разобьюсь о камни!

— Нет, — прошипел Буавен, — губернатор мечтает его повесить — в назидание всем обитателям Маркизских островов. Пусть спускается, или мы казним его людей!

— Иди сюда! — едва сумел прокричать Морис, чувствуя, как что-то сжимает горло. — Ты нам нужен живым. Только в этом случае мы пощадим твоих воинов.

Потом повернулся к Буавену.

— Разве вы не хотели гибели Атеа? Зачем обрекать его на унижение и позор?

— Таково желание губернатора, — повторил Буавен. — Этот дикарь порядочно помотал нам нервы и должен получить по заслугам.

Прошло немного времени, и они увидели Атеа на тропинке. Он шел к ним.

Его походка не утратила своей царственности, он спускался, словно бог с небес. В нем чувствовалось непостоянство ветра и твердость камня, сохранялось ощущение неукротимости и жизненной цепкости.

Хотя сейчас таинственная сила Атеа напоминала глубоко спрятанный в ножны кинжал, ее воздействие испытали на себе и солдаты, и Буавен, и Морис Тайль.

Последний думал о том, насколько молодой полинезийский вождь отличается от европейцев, от всех, кого знал Тайль, от тех мужчин, которые не могли быть сильными без пистолетов, ружей, пушек и… денег. Воистину на них лежала печать оскудения. Внезапно ему стало неловко и стыдно.

— Чувствую, он опасен. Возьмите его на прицел, — приказал Буавен солдатам и обратился к Тайлю: — Почему он так смотрит?

— Он не может смотреть иначе. Он потомственный арики.

— Король без королевства.

— И все-таки король.

— Красивое животное, — произнес Буавен, разглядывая гладкую, напоминающую золотистый мрамор кожу и великолепное сложение Атеа. — Переведите ему, чтобы не делал глупостей. Я отпущу его людей, только когда он будет связан.

— Он прекрасно понимает и хорошо говорит по-французски.

— Неужели? А правда, что он сожительствовал с какой-то белой женщиной?

— Да. С француженкой. Он даже женился на ней по местным обычаям.

— Подумать только! Наверное, она была страшна, как смертный грех? — усмехнулся Буавен.

— Вовсе нет. Молодая красивая блондинка. Мне кажется, между ними существовало нечто большее, чем физическая связь.

— А вы романтик, капитан!

— Может, я и был бы им, если б не война, — коротко ответил Тайль.

Когда крепко связанного Атеа привели на берег, Буавен велел солдатам согнать туземцев на большую площадку: он хотел показать им плененного вождя.

— Вы рискуете, — заметил Тайль. — Увидев

арики связанным, они могут поднять бунт.

— Ничего не случится. Они уже знают, что такое ружья и пушки. А жрецов и старейшин я прикормил побрякушками и обещаниями.

Морис считал это большой ошибкой, но он не мог возразить: Буавен был выше его по званию. Может статься, что туземцы ничего не простят и ничего не забудут и их затаенной мстительности не будет конца. Сегодня они окончательно поймут, что прежняя жизнь никогда не вернется.

Атеа пребывал в невозмутимом спокойствии, словно не видя и не слыша ничего вокруг. Он отгородился от мира, чтобы сохранить себя; в его презрительной гордости таилась все та же сила.

Тайль заметил стоящую поодаль Моану: она наблюдала за происходящим с холодным интересом стороннего наблюдателя.

Буавен обратился к островитянам:

— Этот человек сдался в плен. Он больше не вождь. Он едва не привел вас к гибели, тогда как мы покажем вам дорогу к новой жизни. Научим новой вере, познакомим с разными полезными вещами. Никто из вас не может сказать, что белые люди жестоки: мы восстановили деревню, мы не убили ни одного мирного жителя и даже пощадили тех, кто ушел в горы и пытался бороться с

нами. Мы казним только этого человека, который явился причиной всех зол. С сегодняшнего дня вами будет править совет племени или другой вождь, которого вы изберете и который должен подчиняться нашему наместнику.

Он говорил еще долго. Туземцы молчали. Никто не осмеливался взглянуть на Атеа. Они выглядели глубоко подавленными. Племя было обезглавлено бесповоротно и навсегда, старые тропы затоптаны, древняя вера поставлена под угрозу.

На ночь опального вождя заперли в сарае под усиленной охраной солдат. Не доверяя веревкам, Буавен приказал сковать ноги и руки пленника цепями. Он пытался его допросить, но Атеа не удостоил европейца ни единым взглядом и не промолвил ни звука.

«Библейское небо», — думал Морис, глядя на кровавые и золотые полосы над головой. Вероятно, это один из последних закатов, который видит Атеа. Хотя этот человек доставил ему немало беспокойства, капитан не желал его смерти.

Когда он вошел в хижину, Моана сидела на полу, скрестив ноги, и терпеливо нанизывала на тонкое волокно тапы мелкие ракушки.

Заслышав шаги, она подняла голову, и Морис

мигом утонул во взгляде ее бездонных черных глаз.

— Что будет с Атеа? — спросила она.

— Завтра его отвезут на Нуку-Хива. А там, вероятно, будут судить и повесят.

— Ты тоже поедешь?

— Да.

— Я отправлюсь с тобой.

Моана умела говорить так, что ей было трудно возразить.

— Зачем? — спросил Морис. — Ты хочешь присутствовать на казни?

— Да, — ответила девушка, но он почувствовал, что она думает о чем-то другом.

— Ты когда-нибудь видела, как вешают людей?

— Нет.

— Это будет малоприятное зрелище.

— Мне все равно. Я хочу быть там.

Капитан покачал головой.

Сколько раз он слышал о том, что души полинезийских женщин примитивны, что их чувства недостаточно развиты, что они столь же обворожительны, сколь и ничтожны, и что к ним можно испытывать лишь физическое влечение, без малейшей примеси сердечного восторга. Между тем в Моане таилось нечто настолько глубокое, что

разгадать ее мысли и чувства не представлялось возможным.

«Женщина с диким сердцем», — сказал себе Морис. Он до сих пор не был уверен, что когда-нибудь ему удастся по-настоящему ее приручить.

Моана была особенной, ни на кого не похожей. С точки зрения общественной морали и религии, ее поведение считалось греховным, но полинезийку не терзало чувство вины. Похоже, ей было глубоко безразлично, женится ли он на ней или со временем бросит. И тем не менее что-то ее все-таки мучило.

Морис обнял свою вахине и крепко прижал к себе. Моана никогда не возражала против близости, ее тело всегда откликалось на то, что он делал, и это сводило француза с ума. С первой же ночи заниматься любовью для нее было также естественно, как дышать.

Но сегодня, лежа на ней и глубоко погружаясь в ее лоно, капитан думал не о шелке ее волос, не о крутизне бедер, не о сладости губ, а о скованном цепями вожде, ожидающем своей участи, которую он не мог назвать справедливой.

Глава тринадцатая

Лондон показался Эмили чрезвычайно темным городом. Он был словно изваян из стали; в нем царил холодный мертвенный мрак. Она сразу поняла, что не хочет здесь жить.

По мостовым с грохотом катились экипажи, по тротуарам сновали толпы людей. Никто ни на кого не смотрел, никто не прогуливался, как в Париже, все куда-то спешили.

Эмили настолько проголодалась, что рискнула войти в одну из кофеен, где стояли скамьи с высокими спинками и кофейный дух смешивался с запахом жареного бекона. Однако вскоре она была вынуждена выйти оттуда, потому что Маноа расплакался, и посетители начали раздраженно вертеть головами.

Эмили пошла по улице, подгоняемая резким ветром, а потом взяла кэб. Он ехал вдоль Темзы, воды которой переливались тусклым серебром, и где теснилось множество лодок и барж.

«Мертвая река», — однажды обмолвился Рене.

«Почему?» — спросила она.

«В ней находят много утопленников, она хра-

нит мрачные тайны».

Улица, на которой предположительно жила ее мать, носила красивое название Розмари-лейн. Она была застроена аккуратными домиками, на воротах которых блестели начищенные латунные номера. Здесь были даже крохотные чахлые садики с деревцами, листья которых потемнели от сажи.

Дверь открыла опрятная служанка. Эмили спросила, здесь ли проживает миссис Элизабет Хорвуд, и получила утвердительный ответ.

— Скажите, что я Эмили Марен. Я приехала из Франции. Я… я хочу ее видеть.

Внезапно она ощутила малодушный страх, ее посетило странное предчувствие чего-то дурного. Эмили казалась себе персонажем какого-то странного спектакля. Неужели сейчас она увидит женщину, которая произвела ее на свет?!

У Эмили засосало под ложечкой. Ей вдруг захотелось, чтобы ничего этого не происходило, она желала очутиться как можно дальше отсюда, ничего не слышать и не видеть.

Даже если б она решила сбежать, то не успела бы этого сделать: из глубины комнат появилась дама в синем платье, с чуть тронутыми сединой белокурыми волосами, тонкими губами и прони-

цательным взглядом холодных голубых глаз.

— Что вам угодно?

— Я Эмили. Эмили Марен.

На лице Элизабет не промелькнуло ни тени узнавания. Она молчала.

Эмили призвала на помощь улыбку, но та получилась беспомощной и фальшивой.

— Миссис Хорвуд, я… ваша дочь.

Словно защищаясь, Элизабет скрестила руки на груди.

— У меня есть две дочери, они живут со мной, в этом доме. Это мои единственные дети.

— Разве у вас не было еще одного ребенка, рожденного во Франции, в браке с Рене Мареном? Дочери по имени Эмили?

Глаза Элизабет были прикованы к ее лицу. Эмили почудилось, что в этой женщине наконец что-то дрогнуло, хотя она и не подала виду.

— Была. Но ее… давно нет в живых.

Эмили ожидала услышать что угодно, но только не это.

— Почему вы так решили?

— Много лет назад я получила письмо от ее отца и документ, заверенный врачом. В нем говорилось, что девочка умерла от лихорадки.

Молодая женщина похолодела. Отец не мог так

поступить!

— Я сохранила эти бумаги и могу вам показать, — добавила Элизабет.

— В этом нет нужды, потому что я… жива.

— Хорошо. Как вы можете доказать, что вы это вы?

— У меня есть паспорт на имя Эмили Марен.

— В наше время не проблема достать фальшивый документ.

— Неужели вы ничего не чувствуете? — прошептала Эмили. — Никакого трепета? Разве вы не видите, что мы… похожи?

— Не вижу. Не чувствую. Некогда разлука с дочерью причинила мне большое горе, с которым я с трудом смогла справиться. Поймите, я оплакала свою девочку много лет назад, а теперь являетесь вы и пытаетесь разбудить то, что давно умерло. Я оставила во Франции малышку, а вы взрослая женщина, незнакомая и чужая.

— Простите, — голос Эмили упал, — я больше не могу стоять и держать детей. Я очень устала. Позвольте мне хотя бы… присесть.

Казалось, Элизабет только сейчас заметила, что молодая женщина прибыла не одна и что она держит в руках два одинаковых свертка.

Она молча сделала движение рукой, и Эмили

пошла за ней.

В комнатке было безупречно чисто. В камине слабо тлел огонь. Шторы были плотно задернуты. На стенах висели гравюры с сельскими пейзажами.

Элизабет указала на металлическую кровать, медные части которой сверкали, как золото. Осторожно опустив детей на покрывало, Эмили испустила вздох облегчения. Сама она присела на стул, не снимая верхней одежды, так как пока не знала, чем закончится разговор с женщиной, которую она с трудом могла признать своей матерью.

— Зачем вы приехали? Вам нужны деньги? — спросила Элизабет и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Едва ли я смогу вам помочь: финансами распоряжается мой муж.

— Мне не нужны деньги. Я сама не знаю, зачем приехала. Я осталась совсем одна, и…

— Значит, денег у вас все-таки нет, — перебила Элизабет и запоздало поинтересовалась: — А что случилось с вашим отцом?

— Он погиб под колесами кареты. Он мало рассказывал мне о вас, и я не знала, что он написал вам, будто я… умерла.

Элизабет с силой сплела пальцы. Ее подбородок

дрогнул.

— Рене Марен так и не смог встать на ноги?

— Его основное богатство составляли книги. И он много тратил на путешествия.

— Этот человек не был создан для семейной жизни. Он не мог сидеть на одном месте, он вечно куда-то стремился. На поиски рая, которого нет.

Услышав эти слова, Эмили вздрогнула. Немного переведя дух, она встала и развернула мокрые пеленки сперва Ивеа, а потом Маноа.

Элизабет смотрела на своих внуков с любопытством и опаской.

— Какие странные дети. Кто их отец?

При всем желании Эмили не могла лгать женщине, которая была ее матерью.

— Он не европеец. Год назад мы с отцом побывали в Полинезии…

На лице Элизабет появились презрение и ужас. Теперь она глядела на Эмили и двойняшек так, словно в комнату внезапно залетело ядовитое насекомое.

— Если б вас воспитала я, у вас было бы другое представление о нравственности. Не представляю, куда вам придется деваться с этими детьми!

Эмили выпрямилась. В ее глазах промелькнуло выражение некоего трагического мужества.

— Вы не позволите мне остаться? Хотя бы пока я не найду работу.

Громко тикали часы на стене. Откуда-то доносилось позвякивание ножей и вилок и тихое пение служанки, по-видимому, чистившей столовое серебро.

Тонкие брови Элизабет Хорвуд поползли вверх. Эмили заметила, что ее глаза были изменчивыми, как хамелеон: они могли казаться то голубыми, то серыми, источать безразличие или вспыхивать своенравно и властно.

— Вы хотите найти работу в Лондоне? Зачем вам это? Не лучше ли вернуться в Париж? Так и быть, я дам вам денег на дорогу.

Эмили покачала головой и, немного поколебавшись, извлекла на свет жемчужину: хрупкое серебристое зерно, некогда сверкавшее в лучах тропического солнца. Сейчас казалось, будто оно излучает свой собственный свет; то было непередаваемое, переливающееся волшебное сияние.

— У меня есть вот это.

— Откуда она у вас?

— Из Полинезии.

Элизабет пожала плечами.

— Надо отыскать хорошего ювелира. И постараться, чтобы вас не обманули.

— Пока что я бы не хотела ее продавать. Но я могу оставить вам жемчужину в залог того, что я… вернусь. Мне надо поискать комнату. С детьми на руках это трудно сделать.

Элизабет изменилась в лице.

— Вижу, вы довольно настойчивы. Неужели вы думаете, что я стану присматривать за ними?

— Они очень спокойные. Если я покормлю их сейчас, они будут долго спать.

Спустя полчаса она шла по улице, вдыхая сырой лондонский воздух. Высокие, прямые фасады домов были сложены из потемневшего кирпича, а окна казались слепыми. Каменные стены этого искусственного ущелья отзывались эхом на ее торопливые шаги.

Эмили старалась не думать плохо о матери, которая не предложила ей даже глотка воды. Она не спросила у Элизабет, где сейчас находятся ее единоутробные сестры. Молодая женщина чувствовала, что ей будет больно видеть этих девушек.

Накормленные и заново спеленатые дети были оставлены на попечение служанки. Эмили клятвенно заверила, что вернется через два часа, хотя и не была уверена в том, что сумеет что-то найти за столько короткий промежуток времени

в городе, которого она совсем не знала. И хотя ее руки были непривычно свободными, на душе по-прежнему лежал тяжкий груз.

Попутный ветер гнал судно к Нуку-Хива. Морис Тайль не сомневался, что через несколько часов оно достигнет берегов острова.

Его по-прежнему удивлял глубокий, кобальтово-синий цвет океана. В прозрачной воде была видна каждая водоросль, каждый камень. Безмятежность — вот как назвал бы он то, что творилось вокруг. Однако это было не так.

Атеа, по-прежнему закованного в цепи, заперли в трюме. Ему предлагали еду, но он ничего не брал. Он словно окаменел или впал в полусон. Морис невольно поражался его способности отстраняться от действительности, равно как и умению хранить выдержку. Поверженный, побежденный, он вел себя так, будто здесь, на земле, присутствовало лишь его тело, а душа унеслась туда, где царила свобода.

Моана тоже вела себя странно. Она молча обозревала океанские дали, а если Морис обращался к ней, коротко и односложно отвечала на вопросы.

Капитан терзался ревностью. Он полагал, что она размышляет о своем, о женском, и не чаял

проникнуть в ее тайны.

В конце концов он не выдержал и спустился в трюм.

Атеа сидел в углу, на корточках, уронив скованные руки и понурив голову. Заслышав шаги Тайля, он даже не шевельнулся, тем не менее Морис рискнул заговорить:

— Послушай, Атеа, я понимаю, тебе не до этого, и все же хочу спросить: что означает на вашем языке слово «любовь»? Мне говорили, будто это нечто грубовато-чувственное, а как сказать, если ты любишь… сердцем?

Капитан не ждал, что полинезиец ответит, однако тот приподнял тяжелые веки и разомкнул крепко сжатые губы:

— Никак. Это тайна без слов.

Корабль вошел в гавань Нуку-Хива глубокой ночью. Облака напоминали тончайшую серебристую рыбью чешую, а звезд было так много, что казалось удивительным, как их выдерживает небесная твердь. В ночной тиши можно было расслышать смутный и непрерывный шепот жизни, сотканный из голоса ветра, шелеста растений и множества других звуков, прежде казавшихся частью безмолвия.

Капитан Тайль, Буавен, Моана и прочие сошли

на берег. Атеа в ожидании решения нового губернатора, мсье Питоле, оставили в трюме.

Утром губернатор угостил мужчин завтраком. Волны теплого воздуха были наполнены ароматами тропических растений, к которым примешивался бодрящий запах кофе. Морис с удовольствием ел поджаренный хлеб, а каждый ломтик ветчины казался ему чем-то воистину божественным. Он жалел, что не может взять что-нибудь с собой, для Моаны.

— Что вы можете сказать об этом вожде? — спросил Питоле.

— Красивое животное, — повторил Буавен, а Тайль рискнул вставить:

— Он очень смел и обладает большой физической и внутренней силой.

— То есть вы полагаете, что он будет плохо смотреться на виселице?

— Не лучшим образом. Хотя кому хорошо в петле? — усмехнулся Буавен.

— Я давно искал храбреца, который смог бы нас потешить. Я имею в виду акулий цирк. Вы слыхали о нем?

— Нет, — одновременно произнесли Буавен, Тайль и начальник гарнизона Жорж Менкье, который тоже присутствовал на завтраке.

Губернатор окинул их снисходительным взглядом.

— Здесь полным-полно небольших лагун. Можно огородить одну из них, устроив нечто наподобие садка. А предварительно заманить туда акулу — мясом, рыбой или кровью. Лучше всего серую, они самые кровожадные и крупные. Эти твари мгновенно чуют запахи добычи. И пусть «гладиатор» — в данном случае Атеа — с ней сразится.

— Полагаю, в таких условиях у человека нет ни малейшего шанса, — сказал Морис, по телу которого пробежала дрожь.

— У европейца. Полинезийцы же буквально дружат с ними!

— С акулой невозможно подружиться, это самая тупая тварь на свете. Она глотает все, что попадется. Прикосновение ее шкуры сдирает куски кожи. Она способна парой укусов расчленить тело человека.

— Она сожрет его, — согласился Буавен, а Морис спросил:

— Зачем вам это, мсье Питоле?

Губернатор зевнул.

— Если Атеа согласится, это сделает ему честь. Все-таки он умрет, так сказать, в естественной

для себя среде, а не будет повешен. А мы немного развлечемся.

— А вдруг он победит? Тогда вы его отпустите?

Питоле рассмеялся.

— Я пообещаю ему это.

Тайль не нашел слов, потому промолчал. Он не знал, как поступить, но, по-видимому, от него ничего не зависело. Если губернатор твердо решил устроить эту жестокую забаву, он так и поступит.

— Кстати, капитан, — сказал Менкье Морису, когда они вышли из дома Питоле, — я получил приказ о вашем повышении. Теперь вы главное лицо на Хива-Оа.

Он ожидал, что Тайль обрадуется, но тот лишь задумчиво кивнул.

У капитана мелькнула мысль обратиться за поддержкой к отцу Гюильмару, но затем он решил посоветоваться с Моаной, которая ждала на берегу.

Выслушав Тайля, девушка сразу сказала:

— Атеа согласится. Он не упустит такую возможность.

— Но это верная гибель! Человек бессилен против огромной голодной акулы. Тут не поможет никакая мана.

— Он сам выбрал свою судьбу, — сказала Моана и отвернулась.

Атеа доставили на берег, в тюрьму, и над ним состоялся показательный суд, в чем не было особой нужды, так как приказ о повешении вождя с Хива-Оа был подписан еще прежним губернатором.

На Нуку-Хива шли приготовления к казни. На возвышении была построена большая виселица. Одновременно нескольким туземцам было приказано заманить в лагуну одну из крупных акул: для этого Питоле не пожалел свиной туши.

Морис Тайль наведался к отцу Гюильмару, а тот, в свою очередь, отправился к губернатору. Однако Питоле не захотел беседовать со священником об акульем цирке и гладиаторских боях. Отец Гюильмар побывал и в тюрьме, где предложил Атеа исповедоваться и причаститься перед смертью. Вождь коротко, но твердо отказался.

Через несколько дней капитан узнал, что акула заперта в лагуне. Местных жителей предупредили о том, чтобы они не совались в воду. Многие ходили посмотреть на пленницу, но, несмотря на прозрачность воды, на глубине она была почти незаметна.

Хотя губернатор запретил кормить акулу,

Морис, не выдержав, бросил в лагуну дохлую крысу, и ему посчастливилось увидеть огромный треугольный плавник и длинную темную тень, наводившую ужас.

В день казни все было таким, как и прежде: теплое дуновение пассата, большие волны, разбивавшиеся об ожерелье коралловых рифов, кокосовые пальмы, склонившие к воде свои развесистые кроны. Губернатор сидел в кресле, которое стояло на специально построенном постаменте. По правую руку от него расположились Буавен и Менкье, по левую — Морис Тайль и Моана. На берегу было много вооруженных солдат. Местные жители толпились поодаль.

Моана оказалась единственной женщиной в компании мужчин. Капитан объяснил губернатору, что она содействовала установлению власти белых на Тахуата, и тот небрежно махнул рукой, позволив ей сидеть рядом с Тайлем. Не последнюю роль сыграла и красота девушки, хотя, дабы не приковывать к себе мужские взгляды, Моана завернулась в пеструю ткань, целомудренно прикрывавшую и грудь, и плечи, и ноги.

Привели Атеа. Он не двигался и молчал. Ветер перебирал его густые волнистые волосы, по гладкому смуглому телу пробегали солнечные блики,

а большие глаза были мрачны и печальны.

Морис заметил, что молодой вождь смотрит поверх их голов, на холмы, на небо, которое он видел в последний раз.

Приказав подвести пленника поближе, губернатор обратился к нему:

— Я знаю, что ты отказываешься разговаривать с нами, Атеа, и все же, полагаю, тебя заинтересует то, что я скажу. Я предлагаю заменить казнь через повешение на кое-что другое. Но прежде хочу спросить про ожерелье из акульих зубов у тебя на груди. Ты сам убил всех этих тварей?

Морис не ожидал, что вождь ответит, однако тот сказал:

— Нет. Большинство из них поймали мои предки.

— И все же у тебя есть опыт сражения с акулами? Ты не боишься их, ведь так? Я наслышан о твоей храбрости и сверхъестественной силе, которую почитает ваш народ.

Атеа молчал, и тогда Питоле продолжил:

— В этой лагуне заперта серая акула. Не три и не две, а всего одна. Это справедливо. Полагаю, она достаточно голодна, чтобы напасть на человека. Если тебе удастся победить это чудовище, я обещаю пересмотреть приговор.

Атеа смотрел на него полубезумным от надежды и муки взором.

— Вы отпустите меня на свободу?

— Наивный дикарь, — тихо произнес Питоле, после чего громко выкрикнул: — Да, ты получишь свободу! — И вновь перешел на шепот: — В своем полинезийском раю.

Полинезиец размышлял не более нескольких секунд.

— Я согласен.

— Я знал, что ты не испугаешься.

— Я должен справиться с акулой руками, закованными в цепи? Без оружия? — в его вопросе не было и тени иронии.

Питоле любезно улыбнулся.

— Разумеется, нет. Снимите с него оковы.

Когда это было сделано, губернатор бросил Атеа кинжал.

— Держи! Как видишь, я на твоей стороне.

Морис заметил, каким безукоризненно точным и ловким движением молодой вождь поймал оружие, сколь уверенно сомкнулась его ладонь вокруг костяной рукоятки. Атеа сразу сделался сильнее. Мана заиграла в нем, словно солнечный свет в сердцевине драгоценного камня.

В этот час в лагуне почти не было волнения:

волны разбивались о внешнюю часть рифа. Были хорошо видны как мертвые тела кораллов, скрепленные и сцементированные известковыми водорослями и устилавшие дно, так и красные, розовые, желтые и оранжевые кружева полипов, живущих колониями ближе к поверхности.

Когда Атеа вошел в воду, Питоле сделал знак солдатам, и те бросили следом небольшой кусок свежего мяса. И тогда все увидели акулу. Проглотив жалкую подачку, она плавала кругами и всплескивала хвостом. Тайлю казалось, что он может разглядеть даже лоснящуюся голову и маленькие злые глаза.

Серая хищница была огромна. Пятнадцать, а может, и все двадцать футов. Морис закрыл глаза. Он не сомневался в том, что вскоре прозрачная вода лагуны обагрится кровью. Кровью Атеа.

Несколько сотен расположенных тремя рядами зубов в пасти акулы — и один-единственный кинжал. Покрытая твердыми и острыми чешуйками шкура чудовища — и обнаженная кожа человека. А еще большой вес, растягиваемая до невероятных размеров пасть, великолепное обоняние и удивительная маневренность хищницы.

Очевидно, дожидаясь благоприятного момента для выпада, Атеа не спешил воспользоваться

кинжалом. Несколько тычков в глаза и жабры — и акула отплыла на безопасное расстояние. Но только на время.

Взоры и французов, и маркизцев были прикованы к воде. Казалось, никто не осмеливался дышать. Обозленная акула кружилась возле человека, то погружаясь, то вновь всплывая на поверхность. Стараясь угадать направление движения чудовища, Атеа не отрывал взгляда от его плавника. Стоило ему прозевать акулий маневр, как взмах ее хвоста содрал ему кожу на левой ноге от бедра до ступни.

В тот миг, когда хищница решилась на мощный бросок, полинезиец стремительно нырнул под нее и сделал отчаянный выпад. Прозрачная вода густо окрасилась кровью, но непонятно — чьей. Морису чудилось, что он различает куски человеческого мяса, стремительно поглощаемого акулой.

Тут капитан сообразил, что совершенно забыл про Моану. Повернувшись, он увидел, что девушки нет рядом. Куда она подевалась? Почему он не заметил, как она исчезла, не видел, куда она пошла?

Когда над водой появилась голова полинезийца, все, кто был на берегу, испустили суеверный

вздох. Казалось, по берегу пронесся порыв ветра.

Сильнейшим ударом Атеа проткнул хищнице брюхо и рывком довел разрез до конца. Сейчас все видели, что в лагуне плавают не клочья человеческого тела, а огромные акульи кишки.

Вождь, пошатываясь, подошел к помосту, на котором восседал губернатор. По ноге Атеа струилась кровь, но он не обращал на это внимания.

— Я сделал, что вы хотели. Теперь я свободен, — твердо произнес он.

— Не совсем так, — ответил Питоле, — для пересмотра приговора требуется время. Пока тебе придется отправиться обратно в тюрьму.

Что-то в лице Атеа словно раскололось пополам, и в следующий миг почти неуловимым движением он метнул кинжал в губернатора. Тот успел увернуться, и оружие вонзилось в грудь вскочившего с места Буавена.

Тело рухнуло с помоста, и тут же поднялась паника. Туземцы кричали и размахивали руками, солдаты поспешно вскидывали ружья.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, Атеа бросился бежать. Несмотря на раненую ногу, он мчался так быстро, что его не достигали пули. Спустя пару минут он скрылся в прибрежных зарослях.

— Догоните его! Поймайте! И пристрелите немедленно! — кричал Питоле.

Продравшись сквозь кустарник, Атеа вскарабкался на невысокий холм и очутился… на кладбище, представлявшем собой множество песчаных холмиков, украшенных коралловыми обломками или ракушками. Лишь упав между могил, он почувствовал, насколько выдохся и устал. Ожидание бесславной смерти, потом сражение с гигантской акулой, когда его жизнь также могла прерваться в любую секунду, а после — жестокий обман и предательство белых людей.

Атеа слышал голоса приближавшихся солдат. Не имея сил подняться, он обреченно ждал очередного хода судьбы. А затем почувствовал, что на него кто-то смотрит, и, подняв голову, увидел Моану. Появившаяся неизвестно откуда, она стояла над ним и глядела ему в глаза.

Он понимал, что она его выдаст. Должно быть, она преследовала его, чтобы не дать ему уйти. Атеа заметил, что ее рука кое-как замотана тряпкой, на которой алели пятна крови. Где она могла пораниться? Впрочем это не имело значения.

Моана пришла, чтобы насладиться предсмертной дрожью поверженного врага, встретить его последний стон злорадной улыбкой, наконец

отомстить сполна.

Сейчас Атеа был готов на что угодно, лишь бы избежать ее безжалостного, обвиняющего взгляда.

— Эй, — закричала Моана солдатам, — я знаю, где он! Я его видела!

Помахав здоровой рукой, она побежала им навстречу. Атеа остался один. А после услышал:

— Верно. Вон следы крови! Пошли туда. Думаю, мы скоро его догоним.

Потом раздался шорох травы под ногами и шелест раздвигаемой руками листвы. После все стихло, лишь ветер еле слышно шуршал циновкой, прикрывавшей одну из могил, да издали доносился размеренный неумолчный плеск моря.

Глава четырнадцатая

«Требуется учительница французского» — такое объявление Эмили увидела спустя неделю после того, как нашла себе комнату недалеко от дома своей матери. Она отправилась по указанному адресу и получила работу.

Леди Клиффорд не любила француженок, но согласилась нанять Эмили. Внешне молодая женщина совсем не походила на парижанку и казалась не просто скромной, а отчасти даже угнетенной и скорбной. А главное — выглядела порядочной и искренней. При этом она одинаково хорошо говорила и по-французски, и по-английски.

В ее обязанности входило обучение дочерей леди Клиффорд, десяти и тринадцати лет. Это были тихие, послушные, внимательные и неулыбчивые девочки.

В самой же хозяйке было что-то на редкость приземленное и плоское. Ее нисколько не тяготило однообразие повседневности, она всегда следовала давно и четко установленным шаблонам — в мыслях, в личных привязанностях,

во всем.

Разумеется, Эмили пришлось скрыть, что у нее есть дети. Она сказала хозяевам, что живет с матерью, которая не совсем здорова, потому ее нельзя оставлять на ночь одну.

К счастью, молодая женщина узнала, что на свете существует миссис Оуэн, которая брала к себе всех детей, не спрашивая, есть ли у них отцы, и не обращая внимания на цвет их кожи: главное, чтобы ей платили. Расставаясь с Маноа и Ивеа на целый день, Эмили сильно страдала, но когда, забирая двойняшек вечером, находила их сытыми, чистенькими и ухоженными, немного успокаивалась.

Случалось, молодая женщина задавала себе вопрос, почему она задержалась в Лондоне, когда разумнее было бы последовать совету Элизабет Хорвуд и уехать в Париж. Наверняка главную роль в решении Эмили сыграло безумное желание все-таки попытаться сблизиться со своей матерью.

Каждый день Эмили проходила мимо дома Элизабет, желая ее увидеть, но все было напрасно. Она могла бы вернуться в Париж, но, казалось, в этом не было смысла: в родном городе у нее так же не нашлось бы возможности целый день про-

водить с детьми, петь им колыбельные, гулять с ними в парке и наблюдать, как они растут.

Собираясь на работу и готовясь к очередной разлуке с двойняшками, Эмили глотала горькие слезы. Она оказалась лишней в жизни Атеа, отец навсегда покинул ее в самый неподходящий момент, и даже родная мать отказалась ее признать.

Она пыталась экономить деньги; по утрам позволяя себе лишь чашку чая и тонкий ломтик хлеба или овсяную лепешку, а вечером ужиная салатом из репы и капелькой молока и лишь изредка — пирогом с картофелем и мясом. К счастью, хозяева кормили ее обедом, и то была единственная достойная трапеза за весь день.

В целом можно было сказать, что Эмили повезло. Она попала в приличную семью, и ей не приходилось заниматься грязной работой. Особняк, в котором жили Клиффорды, состоял из двух этажей с множеством комнат. Перед домом был разбит сад, окруженный высокой решеткой. В саду было несколько целомудренных статуй, чахлых деревьев и унылых клумб.

Мистер Клиффорд производил впечатление очень занятого человека; во всяком случае он то и дело открывал большие серебряные часы

с длинной и толстой цепочкой. Дома он задерживался только по праздникам, которые были удручающе скучны. Даже веселье у Клиффордов выглядело механическим и холодным, и Эмили говорила себе, что нравы этого семейства вполне отвечают духу города.

Порой Лондон казался ей огромной гробницей, по которой сновали призраки. Она удивлялась его твердокаменности, обилию копоти, неприятных запахов и нечистот. Далекое свечение солнца, с трудом проникающее в этот сумрачный мир, не могло оживить столицу.

В своих мечтах Эмили по-прежнему видела Полинезию, удивительную страну тысяч островов, простирающуюся от Гавайев до Новой Зеландии.

Иногда она доставала жемчужину (Эмили всегда носила ее с собой) и любовалась ею. То была единственная вещественная память о былых временах, которые никогда не вернутся. Что касается детей, они не были памятью. Они являлись ее реальностью, ее жизнью, ее единственной надеждой.

Маноа был крупнее и беспокойнее Ивеа, с рождения исполненной таинственной нежности и тихого света. Эти дети казались Эмили живыми ростками, пробивавшимися к солнцу сквозь хо-

лод и тьму. Сын был похож на Атеа. А дочь… Когда она вырастет, то будет такой, как… Моана, — сильной, подвижной и удивительно красивой.

В то утро Эмили как обычно поднял с постели крик зеленщика, продающего петрушку и зеленый горошек прямо под окнами квартиры, в которой она жила. Дети тоже проснулись; как обычно первым заплакал Маноа, а через пару секунд Ивеа уже вторила ему своим нежным, как серебряный колокольчик, голоском. В комнате пахло младенцами и материнским молоком, а еще — что было удивительно — теплом и солнцем.

Позавтракав кофе, хлебом и сыром, Эмили надела коричневое платье с узкой юбкой и высоким воротом и скромную шляпку, привычным движением подхватила детей и вышла из дома.

На улицах звонили колокола, грохотали повозки, журчала вода, перекрикивались торговцы, лаяли собаки, хлопали на ветру вывески. Было удивительно светло, даже солнечно. Вдали, над крышами, почти касаясь облаков, возвышался собор Святого Павла. Взглянув на его купол и темно-голубые стены, Эмили подумала, что в ее жизни все не так уж и плохо.

Оставляя детей на попечение миссис Оуэн,

молодая женщина заплатила ей за неделю вперед. Поцеловав сначала Ивеа, потом Маноа, она отправилась к Клиффордам.

Занимаясь с девочками, Эмили думала о том, что в ближайшее воскресенье вновь навестит мать. Она не сообщила Элизабет своего адреса, и — кто знает! — возможно, та раскаялась и ждала визита дочери?

В полдень наступил перерыв, и Эмили отправилась на кухню, где ела вместе с другими слугами. Стены были покрыты копотью, а стол исцарапан и изрезан. Однако служанка подала капустный суп, ростбиф, молочный пудинг и печеные яблоки.

Когда Эмили вновь вошла в комнату, девочки еще не вернулись, и она решила подождать. Из спальни леди Клиффорд вышла горничная с метелкой в руках. Она неплотно прикрыла дверь, и Эмили смогла увидеть туалетный столик орехового дерева, овальное зеркало и тяжелое кресло, а также кусочек кровати, застеленной темным покрывалом.

На столике стояла шкатулка, рядом с которой лежало жемчужное ожерелье. Отчего-то хозяйка не убрала его внутрь. Однажды Эмили слышала, как леди Клиффорд сказала горничной:

— Расстегивайте осторожнее. Оно стоит кучу денег.

Эмили не знала, что на нее нашло, но внезапно она быстрым шагом пересекла помещение, вошла в хозяйскую спальню и взяла ожерелье в руки. А после вынула свой жемчуг, прозрачный, светящийся, округлый, тяжелый.

По сравнению с ее жемчужиной жемчуг леди Клиффорд выглядел тусклым и мелким. Мертвым, как и все в этом доме. Эмили захотелось рассмеяться. Если ожерелье хозяйки стоило кучу денег, значит, ее жемчуг был воистину бесценным!

Она смотрела на жемчужину, а видела тонкие линии далекого острова, розоватый туман и белоснежных чаек, разрезающих волны своими быстрыми крыльями, искрящиеся золотом следы лодок на голубой воде, похожие на бабочек цветы и бабочек, напоминавших диковинные соцветия. В ее замершем сердце медленно таяли тоска и боль.

Послышался скрип. Молодая женщина оглянулась. За ее спиной стояла хозяйка. Удивительно, но она подошла совершенно неслышно.

— Что вы здесь делаете? Что у вас в руках?

Эмили растерянно протянула ей лежащую на

ладони жемчужину. Леди Клиффорд отшатнулась.

— Вы украли это у меня?!

— Я не могла украсть это у вас, потому что это не ваше.

— Тогда у кого? Где вы ее взяли?

— Привезла из Полинезии. Мой отец был путешественником, иногда я его сопровождала.

— Вы лжете, — заявила хозяйка, — если б вы имели такие драгоценности, вам не было бы нужды работать на меня. Я видела в ваших руках мое ожерелье, что вы хотели с ним сделать?

— Сравнить ваш и *мой* жемчуг. Поймите, для меня это не просто источник денег, жемчужина дорога мне как память. Я хотела ее продать, но… не смогла решиться.

Маленькие глазки леди Клиффорд сверкали, как сталь.

— Я вам не верю. Что-то тут явно не так. Вы воровка. Вы явились ко мне без рекомендаций, и я взяла вас, обманутая вашей кроткой внешностью.

— У меня нет рекомендаций, потому что я недавно приехала из Франции и прежде не преподавала. И я никогда не брала чужого!

— Я вам не верю, — повторила леди Клиф-

форд. — В Лондоне полно мошенников. Я вызову констеблей. Пусть они побеседуют с вами. Как знать, быть может, вы входите в какую-то опасную шайку!

Губы Эмили побелели.

— Прошу вас! Если вы считаете, что жемчужина ваша, я отдам ее вам и навсегда уйду отсюда. Только не заявляйте в полицию.

В глазах леди Клиффорд появилось торжество.

— Видите, как вы запели! Вы чего-то боитесь!

— Просто меня могут задержать, а вечером мне нужно забирать и кормить детей.

Страх лишил Эмили выдержки, и она невольно открыла правду.

— Дети? Какие еще дети! Вы говорили, что живете с матерью.

— Моя мать проживает на Розмари-лейн, а я…

— Я не намерена вас слушать. Ждите здесь, — перебила хозяйка, — я сейчас вернусь. Впрочем нет, идите в гостиную, не то еще что-нибудь украдете. Я велю лакею покараулить вас до тех пор, пока не прибудут констебли.

Из-за сбивчивых объяснений леди Клиффорд и взволнованных оправданий Эмили дело приняло серьезный оборот. В составленном констеблями рапорте было сказано, что некая особа, имеющая

паспорт на имя французской подданной Эмили Марен, пыталась украсть у Сьюзен Клиффорд жемчужное ожерелье. Кроме того, у нее обнаружилась драгоценность, неизвестно где взятая, но явно не принадлежавшая ей.

— Вам придется пройти с нами, — сказали Эмили полицейские, и она в панике ответила:

— Я не могу, мне надо к детям!

— Она опять говорит о каких-то детях, — заметила леди Клиффорд. — Похоже, она их придумала!

— Нет! — вскричала молодая женщина. — У меня есть сын и дочь!

— Вы замужем, мисс? — спросил полицейский.

Она потупилась.

— Нет.

Взгляды констеблей, а особенно — леди Клиффорд были понятны без слов. Ее осуждали. Более того — ей не верили. Прислуга (а Эмили входила в разряд прислуги) всегда была виновата в глазах закона. Кроме того, хитрых, пронырливых и наглых нарушителей закона всех мастей в Лондоне хватало от века.

Молодая женщина не знала, что ей делать. Постепенно горячий ураган чувств превращался в вязкий туман, медленно оседающий у нее внутри, в холодный и липкий ужас. Она смирилась с

тем, что больше никогда не увидит отца и Атеа, но потерять Маноа и Ивеа означало лишиться самого важного и дорогого, что было в ее жизни!

— Как зовут ваших детей? — спросили у нее.

— Марсель и Иветта Марен, — Эмили старалась говорить как можно спокойнее. — Это двойняшки. Они совсем малы, но на время работы мне приходилось оставлять их у миссис Оуэн. Если я не заберу их вечером, как делала всегда, она встревожится.

— Она ваша родственница?

— Нет, просто женщина, которая заботится о чужих детях за плату.

— А у вас есть родные в Лондоне?

— Да, мать, Элизабет Хорвуд. Правда, поскольку меня воспитал отец и мы давно не виделись, она не признала меня с первого раза.

Констебли переглянулись.

— Если она поручится за вас или внесет залог, возможно, вас отпустят. А сейчас следуйте за нами.

В сердце Эмили затеплилась небольшая надежда. Однако последнее, что она услышала, покидая дом Клиффордов, была презрительная фраза хозяйки:

— Какая же мать не признает собственную

дочь!

— Вставай! Нам нельзя оставаться здесь!

Услышав голос, Атеа поднял голову и понял, что на какое-то время потерял сознание.

Моана сидела возле него на корточках и обертывала его ногу снятым с себя покрывалом.

— Чтобы не было следов крови, — пояснила она.

— Ты увела их от этого места, — догадался он.

— Да. Поранила руку и измазала кровью траву. Они пошли в другую сторону. Но они вернутся.

Атеа не стал задавать вопросов о причине ее поступка. Сейчас было не время. Моана помогла ему встать, и они побрели между могил.

Покинув кладбище, они прошли рощей пандануса, где в эту пору не было ни души. Красивые, изящные деревья с множеством воздушных корней, казалось, росли сверху вниз, тянулись к земле, а не к солнцу.

— Мне нужно покинуть остров.

— Да, но не сейчас.

— Куда ты меня ведешь?

— В дом священника, отца Гюильмара; это недалеко отсюда. Других убежищ тут нет.

Атеа отшатнулся.

— Он выдаст меня, ведь я отверг его Бога!

— Он говорил, что его Бог помогает всем, даже гонимым и заблудшим.

Они дошли до домика с пальмовой крышей. Дверь открыла Сесилия, а потом появился отец Гюильмар. Он быстро произнес:

— Входите!

— Нас ищут, нам надо спрятаться. Атеа сражался с акулой и победил ее. Белые люди обещали его освободить, но обманули, — сказала Моана.

— Я убил одного из них, — добавил Атеа.

Взгляд отца Гюильмара был пристальным и долгим.

— Ты совершил тяжкий грех, но, как ни странно, сейчас я на твоей стороне. Я тебя не выдам.

Он велел Сесилии постелить циновку в чулане и принести покрывала.

— Ты ранен? — спросил он Атеа, и тот ответил:

— Ничего серьезного. Просто содрана кожа.

Сесилия подала ему чашку с водой, и он жадно выпил. Потом она принесла беглецам пое — блюдо из крахмала и плодов хлебного дерева — и вареную рыбу, чтобы они немного подкрепили свои силы.

Атеа с Моаной прошли в чулан, и отец Гюильмар запер за ними дверь.

— Рано или поздно они придут и сюда, но я их

не впущу.

— Дайте мне оружие! — попросил Атеа, и священник твердо произнес:

— Нет, в моем доме не должна проливаться кровь. Не беспокойся, я постараюсь все уладить мирным путем.

Опустившись на циновку, Атеа закрыл глаза. Он был рад тому, что остался жив. Он не желал умирать, все потеряв, страшился навсегда унести в потусторонний мир неистовство земных желаний. В последние дни, проведенные в тюрьме, с ним творилось нечто невыносимое. Он выглядел отрешенным, безразличным, спокойным, тогда как внутри бушевал ураган. Ему хотелось разодрать себе грудь острым камнем, броситься в океан с самой высокой скалы, совершить что-то непоправимое и ужасное.

Его чувства и желания были понятны, тогда как то, что сделала Моана, казалось необъяснимым.

Открыв глаза, Атеа промолвил:

— Почему ты мне помогла?

— Потому что ты, смелый человек, а белые люди — сборище трусов.

Они смотрели друг на друга, глаза в глаза, чувствуя, как их соединяет невидимая нить — жестоко оборванная, а может, и не существо-

вавшая прежде. Прошло не меньше минуты, пока Атеа не произнес то, что она никак не ожидала услышать:

— Прости меня, Моана. Я исковеркал и разрушил твою жизнь.

Она вздрогнула.

— Арики ни перед кем не извиняются!

— Я уже не вождь. И больше никогда им не буду.

— Нет, — возразила она, — ты навсегда останешься им.

Они помолчали. Потом Атеа тихо спросил:

— Моана, что стало с Эмалаи?

— Она уплыла в свою страну вместе с отцом.

— Я никогда ее не увижу.

В его голосе звучало глубокое отчаяние обреченного человека. Моана тряхнула головой.

— Ты правильно сделал, отослав ее. Ей будет лучше в своей стране. Нам никогда не понять белых людей, а им не понять нас.

— Я понимал и знал ее. Сердцем — как говорят белые. И все же прогнал.

— Ты сделал это ради своего народа.

— Ты знаешь, Моана, для *кого я* это сделал!

Через некоторое время Атеа начал дрожать, и Моана приникла к нему. Это было невинное объ-

ятие. Они лежали сердце к сердцу, и эти сердца бились одинаково свободно и сильно.

— Ты не стала и уже не станешь моей женой, но я хочу предложить тебе быть моей сестрой. Возможно, нам придется умереть вместе. Скажи, ты боишься смерти?

По лицу девушки пробежала тень.

— Ее не боится лишь тот, кого ничто не держит в этом мире.

— И все же? — настаивал он.

— Немного, — сдержанно ответила она.

Атеа кивнул.

— У тебя есть что-нибудь острое?

Моана протянула ему ракушку, и Атеа сделал два разреза, на своей и ее руке, а потом соединил ранки.

— Ты даришь мне часть своей маны? — удивилась она.

— Я охотно поделился бы ею с тобой за то, что ты для меня сделала, только, думаю, от нее ничего не осталось.

— Пока твое сердце бьется, она никуда не исчезнет.

Он долго молчал, потом решительно произнес:

— Я сам все разрушил. Я жил, опьяненный своим величием, властью, мощью и силой. Надеялся

получить все, что захочу, думал о вершинах, которые недоступны. Сперва я пожелал тебя, потому что ты была прекраснее всех в своем окружении, а потом решил взять себе белую девушку с волосами цвета морской пены и глазами голубыми, как вода в лагуне, и стать первым среди первых и лучшим среди лучших. Я отказался от тебя ради собственной прихоти, а потом также поступил с Эмалаи.

Моана никогда не думала и не надеялась, что этот человек откроется ей, не верила, что сможет чувствовать его так же хорошо, как музыкант чувствует свой инструмент, а сестра — брата.

И рискнула спросить:

— Ты любил Эмалаи? Той любовью, о какой говорят белые?

— Да, любил. До нее я не знал, что такое возможно. Я позволял ей все, чего не позволил бы ни тебе, ни любой другой из наших женщин. Я представал перед ней полностью обнаженным, открытым: без знаков отличия, без табу, без величия вождя. Как простой человек. Вернись то время, когда она еще была рядом, я бросил бы все и уплыл бы с ней на уединенный остров, где нет чужаков. Мы жили бы там вдвоем и были бы счастливы. И свободны.

Взгляд Моаны помрачнел. Казалось, она не ожидала такого ответа. Возможно, она думала, что Эмили уже превратилась в облачко воспоминаний, не имеющее ни четких очертаний, ни какой-либо природы. То не было ревностью, просто она не могла до конца понять, каким образом белая девушка сумела так повлиять на ход мыслей Атеа. Или его изменило что-то другое?

— Боюсь, таких островов больше нет. Все захватили *они.*

— Куда же мне бежать?

— Не знаю, — сказала Моана, а после добавила: — А как же я? Наверное, мне тоже нужно укрыться? Они поймут, кто тебе помог.

— Да. Бежим вместе?

Она кивнула.

— Попробуем.

Атеа показалось, что она сомневается, потому он спросил:

— Тот белый, с которым ты была последнее время, он что-то для тебя значит? Ты его любишь?

Моана сидела, положив подбородок на сплетенные пальцы и глядя в одну точку, мимо Атеа.

— Не знаю. Прежде я была одержима местью и ни о чем больше не думала. Я сошлась с ним, потому что он обещал… одолеть тебя. Теперь, когда

ты мне больше не враг, я могу его оставить, но… к сожалению, он успел стать частью моей жизни.

Как и следовало ожидать, Атеа посмотрел на нее с невольным осуждением.

— Белые заставляют нас делать то, чего мы никогда бы не сделали сами. Кто из нас стал бы убивать акулу ради развлечения и тем самым гневить морских богов!

Моана не успела ответить; послышался шум, и они оба насторожились. Похоже, к дому священника подошли солдаты. Вскочив на ноги, Моана приникла к дверям. До нее и Атеа донесся разговор:

— Святой отец, мы ищем опасного преступника, полинезийца. Полагаю, вы наслышаны о нем?

— Да, но я его не видел.

— Вы позволите осмотреть ваш дом? Простите, но таков приказ губернатора: обыскать все жилища на острове.

— Нет. Не позволю. Вы слишком многое себе позволяете. Мое жилье неприкосновенно. Я подчиняюсь не губернатору, а Церкви.

— Хорошо. Но если вы услышите о том, где он скрывается, дайте нам знать.

— Непременно.

Прошло несколько минут, в течение которых

Атеа и Моана буквально не дышали, а потом дверь открылась, и на пороге появился отец Гюильмар. В его руках была свернутая в трубку бумага.

— Они ушли, — сказал он и развернул перед Атеа большой лист. — Это карта. На Маркизских островах тебе нечего делать. Таити тоже находится под властью Франции. Единственное спасение — уплыть на другие острова, принадлежащие Америке или Англии. Представители этих стран не любят французов и, надеюсь, дадут тебе приют.

Поглядев на карту и сравнив расстояние между Нуку-Хива и Хива-Оа с огромным пространством между ними и другими островами, Атеа с сомнением произнес:

— Разве туда можно добраться на лодке?

— Конечно, нет. Остается только одна возможность: пробраться на какое-то судно. Это очень большой риск, но я не вижу другого выхода. Люди губернатора обшарят весь остров, и если ты останешься здесь, тебя непременно найдут. Тебе придется бежать, а я обязательно составлю письмо о том, что здесь происходит, и отправлю его во Францию. Питоле должен заниматься тем, для чего сюда прислан, а не устраивать гладиа-

торские игры.

— Когда мы должны уйти?

— Лучше поздно вечером. Полагаю, к этому времени солдаты устанут и прекратят поиски. И… еще: ты не знаешь, куда попадешь, потому лучше, если на тебе будет крест. К христианам и язычникам относятся по-разному.

— Хорошо. Благодарю вас за то, что вы готовы меня спасти, хотя вам и известно, что я не верю в вашего Бога.

Отец Гюильмар с сожалением вздохнул. Большинство туземцев с их простодушием и не проснувшимся умом впитывали все новое так, как растение пьет воду, но Атеа с его необузданной натурой не поддавался ничьим влияниям.

— Христос умер за нас, Он любил людей и завещал нам заботиться о ближних. А еще Он призывал нас избавляться от гордыни.

Пробираясь к берегу, Атеа и Моана увидели издали, что за ними идет погоня. Возможно, солдаты никуда не ушли и, затаившись, следили за домом отца Гюильмара?

Стояло безветрие. Тени напоминали длинные копья. Цветы на деревьях застыли, будто канделябры. Атеа казалось, что затухающий солнечный диск протянул по морю огненный путь,

по которому он, бывший арики и нынешний изгнанник, должен был следовать к своей цели.

Скалы почти ответно нависали над узкой полоской берега. Внизу кипел прибой. Спуска не было. Оставалось прыгнуть вниз.

— Ты готова, Моана?

Неожиданно она отступила.

— Нет.

— Почему?

— Очень высоко.

В его глазах появилась решимость.

— Ты можешь это сделать, я знаю. Я буду держать тебя за руку. Не бойся, мы выплывем. У меня хватит сил.

— Нет, — повторила она.

Атеа смотрел испытующе.

— Не хочешь следовать за мной, плыви на Тахуата, к отцу. Неужели ты хочешь остаться с французами?!

— Я бы отправилась к отцу, дело не в этом, — призналась Моана. — Здесь и впрямь высоко. Я думаю не о себе. Я жду ребенка. У тебя хватит сил, а достанет ли у меня, не знаю. Если я неудачно прыгну и ударюсь о воду, то могу его потерять.

Он мгновенно отдалился, похолодел. На его губах затрепетала недобрая усмешка.

— Ждешь ребенка от француза?

— Это неважно, — мягко произнесла она. — Разве ты не хотел бы иметь детей? От Эмалаи?

Его взгляд сделался задумчивым, далеким.

— Конечно, хотел бы. Мальчика и девочку. Пусть бы сын был похож на меня, а девочка… на тебя, Моана.

— Почему? — удивилась она.

— Почему не на Эмалаи? Потому что она одна такая. Я хочу остаться жить, чтобы продолжать думать о ней.

— Я уверена в том, что ты спасешься, — убежденно произнесла Моана. — Ни наши боги, ни твоя мана не дадут тебе погибнуть.

Атеа с благодарностью сжал руку девушки. Потом приблизился к краю бездны и заглянул в нее, а после отошел и взял разбег.

Его тело вошло в воду почти под прямым углом. Это был красивый полет — не в пучину смерти, не в бесконечность, а просто в другую жизнь.

Проводив Атеа взглядом и мысленно пожелав ему удачи, Моана собралась с духом и бесстрашно обернулась к преследователям.

Глава пятнадцатая

Прошло два дня, а Эмили все еще ничего не знала о своей дальнейшей судьбе. Ей позволили написать короткое письмо Элизабет Хорвуд, в котором она умоляла о помощи. Окажись Эмили на месте своей матери, она немедленно бросилась бы на выручку, но та не появлялась.

Ей стоило большого труда не погрузиться в состояние безволия и тоски. Она очень боялась, что в какой-нибудь страшный миг чаша ее надежды опустеет.

Эмили пыталась прикинуть, на сколько дней хватит денег, которые она дала миссис Оуэн. Явно не на неделю. Придется куда чаще обращаться к кормилице, а значит…

Что станет делать миссис Оуэн, когда деньги закончатся? Куда отнесет детей?!

На третий день Эмили отправили в Ньюгейтскую тюрьму, дожидаться суда и приговора.

В этой обители зла было пять этажей, камеры напоминали выгребные ямы. Тюрьма была пропитана запахом немытых человеческих тел. Не менее грязны были и души ее обитателей.

По иронии судьбы в тот день небо над головой было безоблачно чистым, а воздух — прозрачным и теплым. Эмили казалось, что она видит и солнце, и небо последний раз в жизни.

Когда ее втолкнули в камеру, ей сразу почудилось, будто она очутилась в аду. Здесь, в страшной тесноте, духоте и грязи содержалось множество женщин самого разного возраста. Кто-то лежал, другие сидели на нарах, приподнятых над полом на десять дюймов и покрытых вонючими одеялами и полусгнившей соломой. Уборные заменяли большие деревянные кадки, стоявшие по углам.

Казалось, никто не обратил внимания на новенькую, но Эмили заметила, что к ней присматриваются.

Вскоре к молодой женщине подошла неопрятная старуха с гноящимися глазами и беззубым ртом.

— Привет! — дружелюбно промолвила она. — Как тебя зовут и почему ты здесь?

Несмотря на подавленность и страх, молодая женщина заставила себя ответить:

— Эмили Марен. Меня отправили в тюрьму ждать суда. Надеюсь, скоро я выйду отсюда.

Старуха покачала головой.

— Многие ожидают приговора годами. У матуш-

ки Виктории слишком много дел. Ей не до нас.

— Кто такая матушка Виктория?

— Наша королева.

Годами! Эмили закрыла лицо руками и помотала головой. Когда она отняла ладони, ее лицо казалось настолько изменившимся, что ее трудно было узнать.

— У меня грудные дети! Что с ними будет?!

— У всех есть дети.

— Я невиновна!

— Все так говорят, — спокойно ответила старуха и добавила: — Сколько бы ты ни твердила, что ничего не делала, тебя все равно осудят!

— Меня не должны судить в Лондоне, — сказала Эмили, — я приехала из Франции.

Стоило ей произнести эти слова, как одна из прислушивавшихся к разговору женщин встала со своего места и приблизилась к ней вихляющей разнузданной походкой.

— Француженка?! А я-то думаю, откуда в нашем притоне взялась такая красотка! — развязно произнесла она. — С тебя денежный взнос! Ставь нам выпивку.

Недалеко от тюремных ворот был подвал, где торговали спиртным. Как правило, его содержал узник, получивший от властей разрешение остав-

лять себе часть прибыли. Любой надзиратель за отдельную плату мог доставить заключенным, содержавшимся в тюрьме в ожидании приговора, порцию опьяняющего напитка из этого подземного трактира.

Эмили отшатнулась.

— У меня нет денег!

— «Все так говорят»! — передразнила узница голос старухи, после чего бесцеремонно задрала подол платья новенькой. — О, да на тебе белье тонкого полотна! Нижняя юбка с кружевами! Шелковые чулки! У многих из нас вот уже много лет, как нет нижней юбки, а кое-кто никогда ее не носил! — И тут же распорядилась: — А ну снимай все это!

Эмили оглянулась в поисках поддержки, но ее не было. Иные женщины смотрели враждебно, другие — с любопытством, но без сочувствия. Глаза некоторых были устремлены в одну точку: эти узницы ни на что не реагировали.

— Нет, — твердо произнесла она.

— Что ты сказала?

— Нет!

Эмили увидела, как арестантки одна за другой поднимаются с нар. Открытое неповиновение со стороны новенькой вызвало всеобщий гнев.

Она была не такой, как они, — хорошо пахнущей, чистенькой, не умеющей сквернословить. Уже за это ее стоило сделать жертвой.

К ней потянулись костлявые или рыхлые, словно тесто, руки с въевшейся в поры грязью и длинными ногтями. Не успев моргнуть глазом, Эмили очутилась на полу. С нее содрали нижнюю юбку, чулки и панталоны, отобрали носовой платок и гребень, вытащили шпильки из прически, сняли с ног туфли.

Потом женщины отошли, а она осталась лежать. Вскоре над ней склонилась все та же старуха.

— Поднимайся, — сказала она. — Здесь все проходят «крещение». Что поделать, такой закон: нельзя быть лучше других и иметь больше, чем остальные!

Встав на ноги, Эмили обвела камеру чужим невидящим взглядом. Впрочем на нее больше не обращали внимания.

Свободных мест на нарах практически не было, и все же Эмили нашла одно, рядом с кадкой, в которую справляли нужду.

В последующие часы она утратила ощущение времени и удивилась, когда колокол возвестил о том, что наступил вечер. В ожидании ужина аре-

стантки оживились, послышались разговоры и беззлобная ругань. Многие расчесывали волосы: кое-кто гребнем, а иные — просто пальцами.

Надзиратели вкатили в камеры тележку, заставленную железными мисками с чуть тепловатым и жидким супом, к которому полагался кусок тяжелого, темного хлеба.

Эмили не делала попытки встать и взять свою порцию, хотя не ела с самого с утра. Ей ничего не хотелось. Разве что забыться, а лучше всего — умереть.

Неожиданно к новенькой подошла женщина, первой начавшая ее раздевать. Она держала в руках кружку, в которой плескалась какая-то жидкость.

— Мы продали твои вещи, зато теперь можем повеселиться, — заявила она. — Вот твоя порция. Держи!

— Что это? — пристально глядя на нее, спросила Эмили.

— «Убийца печали». Выпей и забудешь о том, где находишься.

Медленно, словно раздумывая, Эмили взяла кружку, а потом вдруг резко выплеснула ее содержимое в лицо женщины.

Вскрикнув от неожиданности, та взмахнула

руками, а потом принялась утираться.

Забыв о еде, арестантки принялись вскакивать со своих мест. Все они, как и сама Эмили, были уверены в том, что ей не поздоровится. Однако пострадавшая ограничилась кривой усмешкой и замечанием:

— Забавно! И все ж ты должна будешь выпить. Эй, давайте сюда бутылку!

Не переставая смотреть на нее поверх ободка, Эмили осушила кружку. Джин был столь же крепким, сколь и скверным на вкус, но она не дрогнула.

Внимательно наблюдавшая за ней женщина хлопнула ее по плечу.

— Молодец! Меня зовут Мери Шеппард. А тебя Эмили, да? Будем знакомы. А теперь рассказывай, что ты натворила на воле.

В голове шумело, язык заплетался, но все же Эмили смогла кое-как сложить слова. На сей раз ее рассказ вызвал не только живой интерес, но и искреннее сочувствие. Она умолчала лишь о Полинезии, ибо никто из собравшихся и слыхом не слыхивал об островах, находящихся на краю света.

— Вот стерва! — заметила Мери, услышав про Элизабет. — Не признать собственную дочь! — И

посоветовала: — Напиши прошение королеве. Все-таки ты иностранка!

Из глаз Эмили полились слезы.

— Что будет с моими детьми!

— Забудь о них на сегодня, — решительно заявила Мери. — Выпей еще и ложись спать. Пойдем, я найду для тебя место получше.

Эмили опустила на пол босые ноги. Он был сырым и грязным. Она вспомнила, как боясь поранить ступни о ракушки и кораллы, не решалась ступить на песок, и ее захлестнула новая волна душевной боли.

Мери принесла ей пару разбитых, грубых башмаков и с любопытством глядела, как Эмили надевает их на свои нежные белые ступни.

Она довела пошатывающуюся новенькую до нар и заботливо укрыла одеялом.

— Спи. Быть может, следующий день будет лучше, чем предыдущий.

Эмили провалилась в сон, как в бездонную яму. Ей снилось, что она лежит обнаженная в прозрачной мелкой воде, а склонившийся над ней Атеа загораживает собой палящее солнце. Эмили не может понять, почему, когда кругом так прекрасно, ее терзает невыносимая сердечная боль.

Очнувшись, она вспомнила свой сон, и неожи-

данно ее охватила ненависть. Не к леди Клиффорд, не к Элизабет Хорвуд, а к Атеа. Он остался в своем раю в окружении сладострастных красавиц, а она угодила в земной ад!

Прошло несколько дней. Эмили ничего не знала ни о собственной участи, ни о судьбе своих детей. Общение с некоторыми женщинами немного скрашивало ожидание суда, хотя среди них не было таких, с кем Эмили могла бы подружиться по-настоящему.

Узнав, что она умеет читать, в том числе и по-английски, многие узницы просили ее зачитывать вслух статьи из газет, которые попадали в тюремные камеры с воли.

Поскольку Эмили никто не приносил передач, она была вынуждена довольствоваться тюремной баландой. Иногда ей перепадал более-менее лакомый кусок от женщин, благодаривших ее за чтение.

Когда однажды утром надзиратель заявил, что к ней пришли, Эмили не поверила. Отворив дверь комнаты для свиданий, она едва не вскрикнула: на стуле сидела Элизабет Хорвуд. Ее мать.

Эмили стыдилась исходящего от нее дурного запаха, но не могла ничего поделать. В Ньюгейте так пахло от каждого. Раз в неделю заключен-

ным позволяли обливаться водой из насоса в тюремном дворе, но после этого им все равно приходилось облачаться в нестираную одежду.

Элизабет держалась натянуто. По-видимому, ее шокировал неопрятный вид Эмили. Ответив на приветствие, она сразу перешла к делу:

— Я получила твое письмо. Однако сумма залога оказалась непомерной. Я не могу распоряжаться такими деньгами без разрешения мистера Хорвуда, а он… ничего о тебе не знает. — Переведя дыхание, она продолжила: — Я встретила Рене Марена во Франции, куда приехала с родителями. Эта страна вскружила мне голову; даже мое английское воспитание не смогло удержать меня от безумства. Я сбежала с Рене, бросив отца и мать. Мы поженились вопреки их воле. Сначала все шло хорошо, а потом начались проблемы. Первый раз он оставил меня, уехав на какие-то острова, когда я была в положении. Потом — когда я только что родила. Рене находил меня ограниченной, тогда как он казался мне непрактичным. Нам не хватало денег, но его это не заботило. Он жил своими мечтами. На тебя он тоже обращал мало внимания, разве что раздражался из-за того, что по ночам ты мешала ему спать, а днем — читать книги. В конце концов я решила вернуться

домой, и тогда он вдруг заявил, что не отдаст мне ребенка. Закон был на его стороне. Я все же уехала, решив, что со временем смогу забрать тебя к себе. Однако вскоре я получила письмо, где Рене сообщал о твоей смерти, и свидетельство врача. Кроме того, очутившись в Лондоне, я узнала, что родители вычеркнули мое имя из завещания. Они отказались меня принять, и я очутилась на улице. Воспитанная девушка из приличной семьи! Меня спас мистер Хорвуд. Он подошел ко мне на Бридж-стрит и спросил, что случилось и почему я плачу. И я ему солгала. Сказала, что мои родители умерли, что меня разорили кредиторы. Он был много старше меня, но он мне поверил. Я не любила мистера Хорвуда, но приняла его предложение и признаю, что этот вариант был куда лучше, чем безумная страсть к твоему отцу. К сожалению, за безрассудные поступки и дерзкие мечты приходится платить слишком высокую цену. Моему супругу неизвестно о моем первом замужестве, как и о том, что у меня был ребенок. Если сейчас он узнает о моем прошлом, это будет жестокий удар!

— Но вы не убивали и не крали!

— Ты выросла во Франции, там все проще. Тебе трудно понять, что представляет собой наше

общество, наша мораль. — Элизабет порылась в ридикюле. — Я принесла тебе деньги. Возможно, это чем-то поможет.

— Мне ничего не надо, кроме одного! — Эмили сжала руки. — Умоляю, спасите моих детей! Они остались у одной женщины на Ган-лейн. Если ей не заплатить, она отдаст их в приют или отнесет в полицию. И тогда я потеряю их след.

— Я не могу взять их к себе, — ответила Элизабет, глядя ей в глаза.

— Тогда дайте денег миссис Оуэн, и пусть *она* заботится о моих сыне и дочери. И еще: придите на суд! Скажите, что вы видели у меня жемчужину, что она моя! Они думают, что я взяла ее у кого-то. А еще меня обвиняют в попытке украсть ожерелье в доме, где я работала, но я не собиралась этого делать. Мне никто не верит!

Элизабет ненадолго задумалась (по ее лицу невозможно было понять, о чем), потом сказала:

— Хорошо, я постараюсь прийти. Что касается детей… Хорошо, назови мне адрес. А деньги все же возьми.

Эмили вернулась в камеру окрыленная. Внезапно мир унылого безделья, пустой болтовни, пререканий, ругани и пьянства показался не таким ужасным, как прежде. Впервые за много

дней она поверила, что скоро выйдет отсюда, что все закончится хорошо.

— Моана!

Увидев стоявшую на краю обрыва девушку, Морис Тайль бросился к ней, но Менкье остановил его:

— Эта женщина помогла бежать опасному преступнику. Она должна быть арестована и наказана. Это приказ.

— Моана моя жена!

— Бросьте, капитан. У каждого из нас на острове есть такая «жена», и даже не одна.

Сказав это, начальник гарнизона велел солдатам поискать спуск, но его не было.

— Ничего, мы отыщем Атеа. Я брошу на это все силы. Ему не удастся уйти.

Подойдя к Моане, солдаты небрежно толкнули ее в спину, принуждая идти. Она не делала попытки вырваться и убежать и не говорила ни слова.

Морис кусал губы. Его заморская принцесса, золотистый ангел с черными, как ночь, волосами, невероятной силы взглядом и обжигающим телом! Что ее ждет?!

— Это ненадолго, — сказал он. — Я тебе помогу. — И, не сдержавшись, спросил: — Зачем ты это сделала? Ведь он был твоим врагом!

Чуть помедлив, Моана разомкнула губы. Взгляд ее больших черных глаз был сумрачен и тверд.

— Я ошибалась. На самом деле мы одной крови. Наши враги — это вы. Я помогла Атеа, потому что он мой брат.

— С каких это пор он стал твоим братом?! Это твой бывший жених, который тебя отверг!

Сердце Мориса обожгла ревность. Ради него Моана ни за что не стала бы рисковать своей жизнью! Так или иначе она все-таки предпочла ему проклятого Атеа!

— Оставьте, капитан, — небрежно произнес наблюдавший за этой сценой Менкье. — Девчонка красива, но здесь много других, и цена их прелестей куда ниже, чем в самых дешевых парижских борделях. Отправляйтесь на Хива-Оа. Теперь вы в некотором смысле хозяин острова и сможете завести себе сколько угодно вахине.

— Я никуда не поеду, пока вы не скажете, что намерены сделать с Моаной!

— Ничего особенного. Просто подержу в заложницах, пока не поймаю Атеа.

Морис сделал решительный шаг вперед, но начальник гарнизона преградил ему путь.

— Послушайте, Тайль, остудите свой пыл. Неужели вы намерены нарушить воинскую

дисциплину ради какой-то дикарки? Вы хотите, чтобы вас тоже подвергли аресту? Кстати, я намерен дать вам кое-какое поручение. Ходят слухи, Атеа владел большим количеством очень ценного жемчуга. Надо узнать, где он его запрятал. Этот клад необходимо передать французскому правительству.

Тайль видел начальника гарнизона насквозь. Разумеется, тот забрал бы жемчуг себе! Ну и… возможно, немного поделился бы с кем-то из подчиненных, чтобы они молчали.

— Мне неизвестно, где этот жемчуг, — сказал Морис, вспоминая, как Эмили Марен говорила, будто Атеа показывал ей жемчужину невиданной красоты.

— Никто из туземцев не говорил об этом?

— Я ничего такого не слышал, — поколебавшись, ответил капитан.

— По их законам этот клад принадлежит не лично вождю, а всему племени. Узнайте его местонахождение во что бы то ни стало! Это приказ командования.

Моану заперли в сарае. По приказу Менкье солдаты всю ночь искали Атеа при свете факелов. Утром их сменил другой отряд, но все было напрасно: полинезиец как в воду канул. Французы

злились, не зная, как замять дело с убийством Буавена, бегством Атеа и акульим цирком. За поимку вождя была объявлена награда, но, во-первых, деньги мало что значили для туземцев, во-вторых, большинство из них сочувствовало арики.

Атеа удалось проникнуть на одну из торговых шхун еще до того, как Менкье отдал приказ обыскивать все суда при выходе из гавани. Полинезиец спрятался в трюме среди мешков с копрой — высушенным ядром кокосового ореха. Копра считалась на материке ценным товаром, хотя заготавливающие ее туземцы трудились практически бесплатно.

Атеа с замиранием сердца ждал, когда судно отчалит от берега и выйдет в отрытое море. Он не знал, ни куда движется шхуна, ни сколько времени займет путешествие. Главное, ему хотелось очутиться как можно дальше от Нуку-Хива.

Руки и ноги затекли, тело настойчиво требовало движений. Атеа знал, что копра съедобна, а вот пить было нечего. Он надеялся, что с наступлением ночи ему удастся обследовать корабль. Раздобыть воду и какое-нибудь оружие — сейчас это было пределом его мечтаний.

Вечером с палубы послышались разухабистые

песни и взрывы хохота. Команда явно накачалась кавой или ромом.

Когда звуки понемногу стихли, а на небе высыпали звезды, Атеа вылез из своего укрытия. Ему удалось напиться из бочки, прикрепленной к одной из перегородок палубы, и он позволил себе немного подышать свежим воздухом, глядя в ночное небо. Его словно затягивало в искрящуюся серебряными блестками воронку, туда, где царили беспредельность, пустота и избавление от всех бед.

Утро застало его крепко спящим среди мешков с копрой. Атеа смертельно устал, к тому же так было легче преодолевать тяготы пути.

Прошло несколько дней. Сутками пребывая в тесном отсеке, он испытывал состояние, близкое к отупению, и не услышал, как к нему подошли. Он встрепенулся, лишь когда его грубо пнули в бок.

— Кто ты такой и что тут делаешь?!

Вскочив на ноги, Атеа дико озирался вокруг. Он выбежал на палубу прежде, чем его успели остановить, и, пятясь от преследователей, приблизился к самому краю борта.

Узнав о «дикаре», найденном среди мешков с копрой, члены команды сгрудились на палубе.

Они заговорили все сразу, перекрикивая друг друга:

— Эй ты, у тебя есть чем заплатить за путешествие?

— Смотрит, как зверь. Каков наглец!

— Если б у него было оружие, он бы выпустил тебе кишки!

— А потом поджарил на углях и съел.

— Жаль, что мы не можем продавать полинезийцев, как это делают американцы с неграми. За такого красавца мы бы выручили не меньше денег, чем за весь наш груз!

— Послушайте, не тот ли это туземец, которого военные искали по всему берегу? За него была обещана большая награда!

— Хочешь сказать, что мы сможем ее получить?! Не разворачивать же нам судно!

— Вот что, — решил капитан, — давайте-ка свяжем его и упрячем в трюм. За время плавания придумаем, что с ним сделать. Возможно, сдадим властям. А еще я слышал, что плантаторы Квинсленда и Фиджи тайком покупают туземцев для работы на своих полях.

Стоило им подступиться к нему, как Атеа резко повернулся и прыгнул за борт. Одолеть их он не мог, так же как не собирался сдаваться в плен.

Сверху неслись крики:

— Сумасшедший, ты хоть знаешь, сколько миль до берега!

— Хочешь стать кормом для акул?

Словно не слыша, Атеа сильными рывками удалялся от корабля. Как он и ожидал, моряки поленились спускать шлюпки и преследовать его.

Он остановился, лишь отплыв на значительное расстояние. Кругом простирался океан. Шхуна постепенно исчезала вдали.

Атеа мог определить, в какой стороне находится суша, но ему было трудно оценить расстояние до ближайшего берега. Наверняка оно было огромным.

В воде он никогда не ощущал ни паники, ни даже малейшего страха. Он поплыл вслед шхуне, спокойно, размеренно двигаясь, тщательно рассчитывая и сберегая силы.

Словно стремясь расширить свои пределы до бесконечности, океан разрывал завесу далекого горизонта и сливался с небом. Однообразный глухой шум волн говорил о покое, о вечном сне, который ожидает каждого человека. Океан звучал так, когда еще не было Полинезии, и будет звучать столь же равнодушно и мерно, когда последний из обитателей ее островов исчезнет с

лица земли. Он был равнодушен и к жизни, и к смерти, и ко всему на свете.

Так мог бы сказать любой, только не Атеа. Он с детства знал, что океан его друг. Он не боялся ни глубины, ни больших расстояний и не верил, что может утонуть.

Тревога зародилась в нем лишь тогда, когда он почувствовал каменную усталость в руках и ногах, но при этом все еще не находил в окружающем мире никаких признаков приближения суши: ни береговых птиц, ни водившихся в прибрежных водах рыб, ни скопления кучевых облаков. Атеа отдыхал все чаще и дольше и постоянно думал о том, кто мог послать ему гибель.

Прежде всего он назвал бы Каапааy, акулью богиню, чью подданную он убил, с одной стороны, спасаясь, но с другой — на потеху белым людям.

Каапааy была мстительна и свирепа, она могла топить лодки и даже корабли, не говоря о беспомощном маленьком человеке. А еще ей ничего не стоило наслать на него акул! Ослабевший, безоружный, он стал бы для них легкой добычей.

Словно в подтверждение его мыслей, вода всколыхнулась, и Атеа увидел характерный треугольный плавник.

Каапааy!

Сколько бы отец Гюильмар ни толковал о своем Боге, Атеа был не в силах забыть и отвергнуть то, что слышал и знал с самого детства. Полинезийцы рождались и умирали в мире удивительных чарующих легенд и преданий, где казалось возможным то, чего, по понятиям белых людей, нет и быть не может.

Боги обитали в волнах, в ветре, в песке и камнях. Лишенные конкретного облика, они также существовали в сердцах тех, кто удостоился чести стать арики. Но сейчас они, похоже, его покинули.

Акула разрезала воду большими кругами. Возможно, ее привлек запах крови из незажившей ссадины на ноге Атеа. Постепенно круги стали суживаться, и молодой человек понял, что хищница вот-вот нападет. Не желая дешево продавать свою жизнь, он сделал отчаянный выпад в ее сторону и изо всех сил ударил акулу по морде. Ошеломленное животное дрогнуло всем телом и взмахнуло хвостом. Судя по всему, такая странная, да к тому же непокорная добыча была незнакома акуле, и она не знала, чего от нее ждать.

Собрав волю в кулак, Атеа изменил тактику. Он лег на спину, раскинув ноги и руки, и беззвучно

молился богам.

Он чувствовал, что акула по-прежнему плавает рядом, однако не решается его тронуть. Он старался не впустить в душу смятение, а в сердце — страх. Он знал, что должен быть сильнее акулы, судьбы, самого себя.

Скосив глаза, он увидел, что животное отплыло в сторону. Хищница еще немного покружила вдали, а после скрылась в волнах.

Сняв с шеи ожерелье из акульих зубов, Атеа опустил его в воду. В знак примирения и покорности он возвращал океану то, что когда-то отняли его предки. Если Каапааy примет жертву, возможно, он останется жив.

Теперь при нем был только данный священником крест. Внезапно Атеа подумал о том, что Бог белых людей тоже мог на него разгневаться.

Как полинезийский вождь он имел право поступать с подданными, как ему заблагорассудится, тем более, если дело касалось женщин. Это одобряли и его боги. Но христианский Бог думал иначе. То, как он, Атеа, даже будучи арики, повел себя с Моаной, а потом — с Эмили, считалось недостойным и малодушным. В первый раз он не сдержал свое слово, во второй — предал любовь.

Он попросил прощения у Моаны, а вот у Эмили

— не мог. Он и сам не прощал себя. Разлука с ней впервые дала ему понять истинное значение слова «никогда», чего не смогла бы сделать даже смерть.

Атеа продолжал плыть. Наверное, Каапаау смилостивилась: по крайней мере, рядом больше не появлялось ни одной акулы.

Вскоре он почувствовал, что попал в течение, и отдался на его волю. Плыть стало значительно легче, он смог немного расслабиться, его дыхание выровнялось. Однако Атеа знал, что это еще не спасение. Течение могло нести его как к берегу, так и прочь от него.

Вода была удивительно прозрачной: Атеа видел и голубую даль, и колеблющиеся в ее толще лучи солнца, и темные камни на дне, и матовые купола медуз с развевающимися бахромчатыми отростками, и разноцветных рыб. Океан был полон жизни, он не мог стать его могилой.

Однако вскоре Атеа понял, что сбываются худшие опасения: течение несло его не к суше, а от нее. В другое время он поборолся бы с водным потоком, но сейчас его силы были исчерпаны.

Солнце висело в зените. Хотя Атеа то и дело целиком погружался в воду, ему напекло голову. Плыть становилось все тяжелее, тело не

слушалось, оно молило об отдыхе. Даже когда он ложился на спину, его начинало тянуть на глубину.

— Эмалаи! — прошептал он. — Эмалаи! Пусть мы живем в разных концах земли, нам светит одно солнце, и значит, когда-нибудь мы обязательно встретимся.

То был последний всплеск его непокорности, его воли и пусть и преданной, но еще живой любви.

Теряя сознание, Атеа почувствовал, как его окружают большие подвижные существа. Их кожа была не жесткой, как у акул, а гладкой и нежной. Их глаза напоминали человеческие, и вместе с тем у них был взгляд неких высших существ.

Атеа знал, что в море есть не только Каапааy, там живут и другие боги. Без колебаний и страха он отдался на их милость.

Очнувшись на берегу, куда его вынесли дельфины, он долго лежал, глядя на небо.

Светало. По бледно-голубым небесам разметались красноватые полосы. Розоватые облачка отделялись от горных вершин, на которых они ночевали, и медленно плыли в сторону океана. В целом пейзаж был точно таким, как на его род-

ном Хива-Оа: белоснежный пляж, остроконечные горы, изумрудная зелень.

Атеа понятия не имел, что это за земля и есть ли на ней люди. Решив быть осторожным, он углубился в мангровые заросли и побрел вдоль берега. Вскоре он увидел группу полуголых женщин и детей; прижимая к груди корзины, они собирали моллюсков. Атеа удивился: кожа этих людей была гораздо темнее, чем у представителей его племени. Черные волосы представляли собой шапку мелко вьющихся кудрей, а черты лица были совершенно иными, чем у жителей Полинезии.

Опасаясь приближаться к ним, Атеа решил пройти вглубь острова с тем, чтобы поискать пресную воду. Он двигался по неприметной тропинке, когда навстречу внезапно выскочили неизвестные ему животные.

Они были разных размеров, их туловища покрывала густая шерсть. Они издавали какие-то странные звуки, и на мгновение Атеа почудилось, что их усаженные острыми белыми зубами пасти изрыгают огонь.

У себя, на Хива-Оа, он видел только крыс, да еще завезенных европейцами свиней, а на Нуку-Хива — еще и коз и знал, что эти животные неопасны.

Атеа слышал от белых, что в других землях существует великое множество зверей, и некоторые из них приручены человеком.

Он не мог определить, что за животные бегут ему навстречу, но точно знал, что они хотят разорвать его на куски.

Как назло, поблизости не было ни одного высокого дерева, лишь низкорослые заросли с широко раскинутыми ветвями и переплетом воздушных корней. Оглянувшись, Атеа поднял с земли увесистый камень и, оскалив зубы так, как это делали неведомые звери, бросился к ним.

К его изумлению, увидев его жест, звери повернули назад. Однако он все же запустил камнем им вслед и попал в одного из них. Жалобно взвизгнув, животное рухнуло на землю, и тотчас из-за кустов появился белый человек с ружьем — крепкий мужчина лет сорока. На нем были плисовые штаны и клетчатая рубашка. Лицо наполовину скрывала пальмовая шляпа.

— А ну стой! — произнес он по-английски. — Кто ты такой, что смеешь калечить моих собак! Вижу, ты не фиджиец. Однако ты носишь крест, значит, христианин. Как мне с тобой объясняться?! Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Атеа не понимал. Он только видел, что на сме-

ну животным явился тот, с кем не справишься с помощью камня. Полинезиец рискнул сказать:

— Я знаю только один язык белых людей, на других говорить не умею.

Глаза мужчины округлились, и он громко расхохотался.

— Француз?! Впервые вижу таких французов! Но это хорошо, потому что я знаю этот язык. На острове жил один француз, правда, он помер. А еще я кое-что продаю торговцам из Франции. Так откуда ты?

Атеа молчал.

— Ладно, потом поговорим. Я без того знаю, что ты беглый. Иди вон туда, — сказал мужчина и показал направление ружьем.

Атеа решил не пытаться бежать. Он страшно обессилел, к тому же надеялся, что этот человек не причинит ему вреда. Видя, что сопровождавшие их животные теперь ведут себя мирно, он разжал руку и выбросил камень.

— Правильно, — сказал белый, — лучше веди себя без глупостей. — И добавил: — Это собаки. Ты что, никогда не видел собак?

Атеа покачал головой.

— Но ты не испугался. Это говорит в твою пользу. А что у тебя с ногой? Кто тебя так ободрал?

— Акула.

— Акула?! И ты с ней справился?

— Да. У меня был нож.

Белый человек привел своего пленника к дому, стоявшему в окружении буйной тропической зелени. Жилье покрывали пальмовые листья, однако его стены были сложены из крупных камней и обмазаны глиной. На небольшой террасе стояли плетеные кресла и столик, а внутри дома было много незнакомых Атеа вещей. Перво-наперво хозяин дома дал полинезийцу напиться, а после сказал:

— Вот циновка, ложись, отдыхай, а то ты едва держишься на ногах. Потом поговорим.

Атеа не заставил англичанина повторять дважды. Едва его истомленное тело опустилось на циновку, душа тотчас унеслась в царство снов, а вернее, погрузилась в ту беспросветную тьму, какую порождает многодневная усталость.

Глава шестнадцатая

В день суда Эмили постаралась привести себя в порядок. Так поступали все, хотя вряд ли это могло как-то повлиять на вынесение того или иного приговора.

На деньги Элизабет Хорвуд она приобрела у торговца, посещавшего тюрьму по воскресным дням, нижнее белье (не такое красивое, какое было у нее прежде, но хотя бы новое и чистое), скромное темно-коричневое платье и черные туфли. Она вымыла, расчесала и заколола волосы и постаралась взять себя в руки.

На суде ей наверняка придется увидеть леди Клиффорд, а если повезет, то и мать.

Другие арестантки надавали Эмили кучу по большей части бесполезных советов, пожелали мужества и удачи.

В Зал Правосудия Олд Бейли ее доставили, как и других заключенных, под конвоем, благо, еще не со скованными руками.

Эмили старалась идти, подняв голову и не глядя по сторонам. Никто бы не догадался, какой душевной муки ей это стоило. Любой косой взгляд или

усмешка были равносильны жестокому удару.

Она думала о том, что океан жизни непредсказуем, и самое заманчивое приключение может обернуться трагедией. Сегодня ей оставалось надеяться только на чудо.

К счастью, людей в зале было немного. Заметив среди них леди Клиффорд, Эмили постаралась не смотреть в ее сторону, а увидев мать, приободрилась, хотя Элизабет никак не дала понять, что они знакомы, и даже не улыбнулась.

Элизабет сидела, наклонив голову, ее лицо наполовину скрывали поля шляпки. На щеках леди Клиффорд рдели яркие пятна. Судя по всему, она была возмущена тем, что ей приходится присутствовать в таком собрании.

Сочетание красной мантии, белого парика и черного колпака судьи выглядело зловещим. Сам он тоже не понравился Эмили: с тяжелым лицом и взглядом и мясистыми руками. Присяжные застыли, как истуканы. Молодая женщина не разглядела в их чопорных лицах никакого человеческого выражения.

Не было ни обвинителя, ни адвоката. Судья Грэхем сам допрашивал обвиняемого, истолковывая его слова в зависимости от того, насколько он был ему симпатичен, или от собственного

сиюминутного настроения.

Эмили задали формальные вопросы, и она ответила, стараясь произносить слова достаточно громко и четко. Затем было зачитано обвинение и начался допрос. Первой вызвали леди Клиффорд. Исполненная праведного негодования и несгибаемого достоинства, она заняла надлежащее место.

— Кто эта особа? — спросил судья, указав на Эмили.

— Мисс Марен. Она преподавала французский моим дочерям.

— Вы читали ее рекомендации?

— У нее не было рекомендаций, но я ее наняла, поскольку она показалась мне скромной, порядочной девушкой. К тому же она одинаково хорошо говорила и по-французски, и по-английски.

— Вы знали, что Эмили Марен — француженка?

— Да. Я слышала, что они отличаются безнравственным поведением, но…

Судья прервал ее:

— Вы видели ее паспорт?

— Конечно. У меня не возникло сомнений в его подлинности, хотя в наше время документы

легко подделать или купить…

— Миссис Клиффорд, — вновь перебил судья, — что рассказала вам о себе Эмили Марен?

— Что она приехала из Франции и живет с матерью в меблированных комнатах. Она сказала, что ее мать не вполне здорова, и потому она не может поселиться в нашем доме, — ответила женщина и добавила: — Дело в том, что обычно мы предоставляем прислуге жилье — так удобнее для нас и дешевле для них.

— И что случилось потом?

— Однажды я застала мисс Марен в своей спальне. Она держала в руках мое жемчужное ожерелье.

— Она просто разглядывала его?

— Да. То есть нет. Она сравнивала его с каким-то другим жемчугом. Вернее, с одной жемчужиной.

— Вашей?

— Нет. На мой вопрос она ответила, что это ее жемчуг, но я сразу поняла, что тут что-то нечисто. Жемчужина была очень красивой, крупной и дорогой — настоящее сокровище! Я решила, что она украла ее в каком-то другом доме, а в наш устроилась с такой же целью. Потому я сочла необходимым пригласить констеблей.

— Что сказала Эмили Марен о том, откуда у нее

взялась эта жемчужина?

— На мой вопрос она ответила, что привезла ее из какой-то страны, кажется, из Полинезии, но я ей не поверила.

Леди Клиффорд позволили сесть. Судья вызвал ювелира.

Появился маленький юркий человек с быстрыми черными глазами, который сказал:

— Это так называемая Pinctada maxima, жемчужина южных морей, диаметром больше дюйма и весом восемь гран, или тридцать два карата. Она имеет серебристый перламутр, очень прозрачна и потому почти незаметна в воде; ее форма, цвет, блеск, чистота идеальны. А главное, она очень молода. Такая жемчужина проживет, самое малое, еще сто лет.

— То есть она достаточно ценная?

— Несомненно.

— И эта жемчужина могла быть найдена в Полинезии?

— Я мало что слышал про те края. Могу лишь сказать, что такую жемчужину могли выловить у берегов Австралии.

— Впрочем, это не так уж важно, — заметил судья и добавил: — Больше у меня нет вопросов. — После чего повернулся к обвиняемой:

— Эмили Марен, скажите нам, у кого и при каких обстоятельствах вы украли этот жемчуг?

Она побелела. Она читала в сердцах этих людей такое равнодушие, какое не снилось даже в аду.

— Я его не крала. *Я… я* могу это доказать!

— Стало быть, у вас есть свидетели?

— Да. Моя мать.

— Та самая, с которой вы якобы жили в меблированных комнатах? — с усмешкой спросил судья Грэхем.

Эмили постаралась собраться с духом.

— Нет. Я не жила с моей матерью. Мне пришлось солгать, чтобы меня приняли на работу. На самом деле у меня есть двое маленьких детей, я оставляла их у одной женщины, которая зарабатывает тем, что присматривает за младенцами.

— Вы можете назвать ее адрес?

— Могу, — немного поколебавшись, согласилась Эмили.

Когда адрес был записан, судья спросил леди Клиффорд:

— Мисс Марен не говорила вам о детях?

— Нет, ни слова!

— Хорошо. Так что с вашей матерью, мисс Марен. Где она? Она может подтвердить, что этот жемчуг принадлежит вам?

Облизнув пересохшие от волнения губы, Эмили ответила:

— Думаю, да. Ее зовут Элизабет Хорвуд, она присутствует в этом зале.

Судья обвел глазами собравшихся.

— Кто здесь Элизабет Хорвуд?

— Я, — сказала та и поднялась с места.

Все взоры обратились на нее, но она не смутилась и уверенно прошла на свидетельское место.

— Что вы можете сказать об обвиняемой Эмили Марен?

Отвечая, Элизабет слегка теребила свой ридикюль, и это был единственный признак ее волнения:

— Некоторое время назад эта девушка явилась в мой дом с заявлением, что она моя дочь. Я попыталась объяснить, что мои дочери живут со мной, но она не хотела слушать. Она в самом деле показывала мне жемчужину, спрашивая, не знаю ли я, где ее можно продать, и говоря, что привезла ее из Полинезии, куда ездила вместе с ныне покойным отцом.

— А вы знали ее отца?

Элизабет Хорвуд смотрела прямо перед собой. Эмили почудилось, будто ее ничего не выражающие светлые глаза — это окна в пустоту.

— Нет, я его не знала.

— С мисс Марен были дети?

— Да, двое грудных детей, мальчик и девочка. Девушка попросила меня присмотреть за ними, пока она ищет комнату.

— И вы согласились?

— Да. Мне стало жаль ее. Она казалась измотанной и несчастной.

Услышав о жалости, Эмили сжала губы. Она понимала, что мать не сдержала своего обещания, что судьба Маноа и Ивеа по-прежнему неизвестна, более того — она висит на волоске.

— Это были какие-то странные дети, — добавила Элизабет. — Не негритянского происхождения, конечно, но я сразу заметила примесь неевропейской крови. На мое замечание мисс Марен ответила, что их отец — житель Полинезии.

— Опять Полинезия! — проворчал судья.

— Страна людоедов! — бросил кто-то из зала.

— Быть может, мисс Марен нам что-нибудь объяснит?

Эмили поднялась с места. Она понимала, что это последняя возможность что-то доказать этим людям, как-то разбудить их души. Однако рассказывая свою историю, она видела, что они понимают ее совсем иначе. На некоторых лицах

было написано брезгливое любопытство, на других — откровенное презрение и снисходительная жалость. Выходило, что Эмили сама виновата в том, что с ней случилось: это было совершенно ясно.

— Я приехала в Лондон на поиски своей матери. Она была замужем за Рене Мареном, моим отцом, но вернулась в Англию, когда мне было два года.

— Миссис Хорвуд это отрицает.

— У меня есть письмо с лондонским адресом, написанное ее рукой.

— Где оно? — спросил судья.

— Осталось в комнате, которую я снимала.

Судья сделал знак какому-то молодчику, который тотчас встал.

— Констебль Бреди, вы производили обыск в комнате, где жила обвиняемая. Вы нашли там какие-то письма?

— Нет. Там были ее документы, личные вещи, но в целом — ничего интересного. И — никаких писем.

— То есть доказательств нет, — подхватил судья и подытожил: — Я вижу такую картину: перед нами некая не слишком нравственная и неразборчивая особа с непонятными документами, неизвестного происхождения детьми и,

по-видимому, украденной где-то жемчужиной. Последнее интересует меня больше всего. Если вы скажете, откуда у вас жемчуг, вы существенно облегчите свою участь.

Глаза Эмили были полны слез.

— Я говорю правду! Почему вы не хотите мне поверить или попытаться проверить мои слова!

— Мы без того потратили на вас слишком много времени. У нашего правосудия нет возможности проверять всякий бред, который несут обвиняемые! — с неудовольствием заметил судья.

Объявили перерыв, после которого должны были зачитать приговор. Большинство присяжных удалилось с кислыми лицами. Было нетрудно догадаться о том, что решат эти люди.

Эмили ждала. Ждала разумом, душой, сердцем, телом, всей кожей. Она превратилась в комок, воплощавший одно сплошное, отчаянное, дикое ожидание. Она не смотрела в зал, ибо это было невыносимо.

Наконец появились присяжные и судья. Оглядев присутствующих, последний торжественно произнес:

— Эмили Марен признана виновной в краже жемчуга у неустановленного лица и попытке ограбления в доме мистера и миссис Клиффорд.

Поскольку она въехала в страну с преступными намерениями, передача ее французским властям исключается. Согласно решению суда, мисс Марен приговаривается к пятнадцати годам каторжных работ. — Сделав паузу, он добавил: — Дети данной особы, если они все еще находятся по указанному ею адресу, будут отправлены в приют. — И, очевидно, желая смягчить свои слова, бросил в сторону Эмили: — О них позаботятся!

Это было не просто жестоко, это было бесчеловечно. В отчаянии Эмили обратилась к самым светлым и сильным воспоминаниям в своей жизни, воспоминаниям о зените ее любви. Перед мысленным взором молодой женщины предстали черные очи Атеа, с радостной улыбкой и непередаваемой силой смотревшие ей в глаза, и она воскликнула:

— Будьте вы прокляты! Если бы только здесь был отец моих детей!

Публика оцепенела, а после кто-то воскликнул:

— Тогда бы он зажарил нас на костре и съел!

Эмили вновь ощутила волну непонимания и ненависти, исходившую из зала, от всех этих мелких и жестокосердных людей. Она упала на скамью и закрыла лицо руками. Ее трясло. Пят-

надцать лет! Ей было безразлично, что станет с нею, но Маноа и Ивеа!

В ее душе возникло чувство, будто она владела чем-то бесценным, и эту драгоценность вдруг взяли и растоптали, как пустую скорлупу.

С усилием отняв ладони от мокрого лица, Эмили посмотрела в зал. Элизабет не было. Она исчезла, ушла. И тут молодой женщине почудилось, будто ни суда, ни жемчужины, ни матери, ни Атеа, ни даже детей никогда не было в ее жизни, что все это ей только приснилось.

В следующий миг она потеряла сознание.

Очнувшись в камере, Эмили долго не могла понять, как она там оказалась. Она лежала на нарах, и Мери Шеппард смачивала ее лицо водой.

— Пятнадцать лет каторги, — странным, неживым голосом произнесла Эмили. — Я погибла, мои дети погибли. Я никогда их не увижу.

— Подай прошение королеве, — неуверенно посоветовала Мери. — В конце концов, она тоже мать.

— Скостят самое большее пять лет, и что толку? — сказала другая женщина и спросила: — Тебе известно, где ты будешь отбывать наказание? Если в плавучей тюрьме на Темзе, там заключенные не живут дольше пяти лет. А маленькие дети

умирают почти сразу. Так что пусть их забирают в приют!

— Детям всегда лучше с матерью, — возразила Мери.

Женщины заспорили, тогда как Эмили лежала оцепеневшая и недвижимая. Она думала о том мире, в котором любила и страдала и который отвернулся от нее. На смену живому страданию пришел животный ужас, на смену любви — крушение всех надежд.

На следующий день к ней снова пришли, но Эмили не хотела выходить. Близких людей у нее не осталось, а других она не знала и не хотела знать.

Однако услышав, что некая мисс Хамфри пришла по поводу ее детей, она встрепенулась, поднялась с нар и оправила мятое платье. За недолгое время надежда загоралась и гасла в ней столько раз, что она не знала, что и думать.

Мисс Хамфри оказалась худощавой дамой средних лет с усталым, умным лицом, в котором было гораздо больше понимания и сочувствия, чем в лице Элизабет Хорвуд.

Поздоровавшись, она произнесла без обиняков:

— Мисс Марен, я пришла сказать, что ваши дети

в безопасности: сестры нашего приюта забрали их у женщины, чей адрес вы назвали на суде. Однако поскольку вам предстоит долгая ссылка, мне надо поговорить с вами о некоторых вещах.

Тяжело опустившись на предложенный стул, Эмили сложила руки на коленях.

— Я вас слушаю.

— Прежде всего я хочу спросить: у вас есть какие-то просьбы относительно ваших детей?

Эмили молчала, и это молчание отдавало прощанием со всем, что ей некогда было дорого. Наконец она промолвила:

— Да. Прошу вас, не разлучайте их. Они двойняшки, они были вместе в моей утробе и дальше должны идти рядом по жизни.

— Мы постараемся. Скажите, у вас есть родственники в Лондоне?

— Нет, никого.

— А во Франции?

— Тоже.

— Мисс Марен, — сказала мисс Хамфри, глядя ей в глаза, — если представится такая возможность, вы согласны, чтобы ваших детей усыновили?

Эмили вновь умолкла. Она думала о том, для чего существует жизнь. Чтобы исправлять ошибки, извлекать из них уроки, шаг за шагом подни-

маться к вершинам. Почему же тогда ей раз за разом приходится погружаться в пучину без света и дна?!

Молодая женщина никогда не думала о том, что любовь может стать бременем и несчастьем. Эмили понимала, что если она хочет выжить и не повредиться рассудком, то больше не должна позволять себе переживать мгновения утраченного счастья. Отныне она — это мертвая оболочка, когда-то давшая кому-то жизнь.

— Как бы вы поступили на моем месте? — спросила она миссис Хамфри.

— Как это ни тяжко, дала бы согласие. Пятнадцать лет — немалый срок, а условия содержания даже в самых хороших приютах оставляют желать лучшего. Кстати, могу вас обрадовать: некое лицо, не пожелавшее назвать себя, пожертвовало на содержание ваших детей некоторую сумму денег. Им будет обеспечен надлежащий уход, во всяком случае, первое время. Вы не знаете, кто бы это мог быть?

— Нет, и не хочу знать. То, что со мной произошло, не искупить никакими пожертвованиями, — жестко произнесла Эмили. Потом сказала: — Мои дети… не совсем обычны. В них течет полинезийская кровь. Разве кто-то захочет их

усыновить?

— Бывают разные случаи. Они здоровы, они прелестны — это главное.

Эмили произнесла страшную фразу:

— Я должна забыть о них?

— Вы должны надеяться и верить, — мягко проговорила миссис Хамфри.

Казалось, прошла целая вечность, пока Эмили наконец решилась промолвить:

— Хорошо. Я согласна.

— Тогда подпишите бумаги. И обязательно подайте прошение королеве.

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Это же ваша жизнь!

— Мне кажется, — сказала Эмили, — существуют жизни, которые не стоит и проживать.

Невероятная зелень берегов Нуку-Хива ослепляла издалека. Многоцветье полинезийской природы было столь великолепным, что иногда от него уставали глаза. Белые облака на лазурном небе походили на кудрявых овечек, парящие над заливом птицы казались подвешенными на невидимых ниточках.

Однако Морис Тайль сошел на берег в тревожном настроении: его волновала судьба Моаны. Они простились не то чтобы плохо, а вовсе никак.

Он попытался поговорить с девушкой через дверь сарая, но она не откликнулась. В конце концов, в нем с новой силой взыграли обида и ревность, и он без сожаления покинул Нуку-Хива.

В целом капитан был доволен поездкой на Хива-Оа. На поясе Тайля висел мешочек с несколькими крупными жемчужинами. Также при нем было еще кое-что, о чем он пока не намеревался распространяться.

Доложившись, он прошел в кабинет начальника гарнизона и сообщил о результатах поездки.

При виде высыпанного на стол жемчуга глаза Менкье загорелись от жадности, и он тут же спросил:

— Это все?

— Да, — твердо ответил Тайль. — Жемчуг передан мне советом племени. Если у Атеа и был какой-то клад, принадлежащим лично ему, то они ничего об этом не знают.

— Хорошо, — Менкье сгреб жемчуг, — вы неплохо поработали.

Капитан кивнул.

— Вы свободны, — добавил начальник гарнизона, видя, что подчиненный не собирается уходить. — Вам положен отдых. Или, если хотите, можете вернуться на ваш остров.

— Я бы хотел узнать: вы поймали Атеа?

Сперва Менкье нахмурился, а после притворно зевнул.

— Нет. Он как в воду канул. Впрочем, я решил не тратить на него время. Надеюсь, мы больше о нем не услышим. Я уже подал рапорт о смерти Буавена: причина — несчастный случай.

— А Моана? — голос Тайля дрогнул.

— Ваша девушка? — деланно рассмеявшись, начальник гарнизона развел руками. — Что мне с ней делать? Я ее отпустил. Кажется, она у отца Гюильмара. Кстати, на мой взгляд, вы уделяли ей слишком много внимания и времени. Относились, как к королеве, хотя это всего лишь дикарка!

Морис хотел ответить резко, но сдержался перед начальником. Возможно, Менкье был прав.

Капитан вспомнил Моану, короткую, безмолвную, яростную борьбу их взглядов, возбуждавшую в нем неистовый пыл, и ее внезапную сердечную холодность. Наверное, он был глупцом, если искал *aloha* там, где возможно только *here*.

Чувствуя, как что-то грызет его душу, капитан направился к священнику. Тот принял его радушно и вместе с тем… слегка настороженно.

— Зачем… вы пришли?

Тайль удивился.

— Я пришел за Моаной. Начальник гарнизона сказал, что она у вас.

Отец Гюильмар вздохнул. Облегченно или тяжко — это было трудно понять.

— Совсем недавно Сесилия сказала, что она спит. Не хотите ли выпить чаю?

— С удовольствием.

Морис присел за стол. Священник разлил свежезаваренный чай, а служанка подала пирог со сладким картофелем, который только-только начали выращивать на Нуку-Хива.

— Как прошла поездка?

Капитан слегка напрягся.

— Хорошо. А что здесь? Начальник гарнизона сказал, что они не смогли поймать Атеа?

— Насколько я знаю, нет. Я посоветовал ему бежать на Фиджи или другие британские острова.

Тайль покачал головой.

— Не ближний свет!

— Что верно, то верно. Если только ему удалось пробраться на какое-то судно. Но по дороге его могли пленить, убить, выбросить за борт.

— Не понимаю, почему Моана ему помогала! — в сердцах произнес Тайль. — Еще и назвала его своим братом!

— Я не вижу в этом ничего удивительного. Они происходят, выражаясь по-нашему, из одинакового сословия, стоят на одной ступени. Захотели породниться — и породнились. В Полинезии очень сильны традиции усыновления, как и побратимства. Кровное родство не играет такой роли, как у нас. Скажем, здешний ребенок никогда не останется сиротой. Семьи, в которых без того пять-шесть детей, еще будут спорить, кому его взять!

— Прорва еды, деньги не имеют значения, — усмехнулся Тайль.

— Это можно объяснить и чем-то другим: человеколюбием, бескорыстием, — заметил священник. Потом спросил: — Вы знаете мою служанку Сесилию?

— Ее знают все, кто имел честь побывать в вашем доме.

— А ее историю?

Морис насторожился.

— История мне неизвестна.

— Я расскажу ее вам. На Маркизских островах много красивых женщин, европейцы воспевают их податливость и пылкость. Возвратившись во временный дом, вы можете обнаружить на своем ложе молодую прелестную девушку. Вы не суме-

ете с ней поговорить, обменяться чувствами и мыслями, даже если владеете языком полинезийцев. Она станет варить для вас еду, родит от вас детей, и все же останется для вас чужой. Это данность. И это порог, который не стоит переступать. Сесилия — дитя этой культуры. Она же — жертва европейских нравов. Когда-то, сняв с себя набедренную повязку из тапы, она приплыла на французский корабль, как это делали другие девушки. Чтобы получить грошовые бусы, дешевые ткани и… свою порцию любви. Увы, полинезийская мораль не отрицает добрачные связи, так же как ни один туземец не возьмет женщину силой, но… Подвыпившим морякам захотелось устроить оргию. Их развлечение было жестоким. Тогда я только-только приехал на Нуку-Хива. Я подобрал Сесилию на берегу. Мне удалось внушить ей веру в истинного Бога, а также дать понять, что как мужчина я не представляю для нее никакой опасности. С тех пор она служит мне, равно как всем несчастным, заблудшим. И Господу.

— Над ней надругались? — догадался капитан и вдруг вскочил с искаженным от страха и гнева лицом. — Вы хотите сказать, что над Моаной — тоже?!

— Да. К сожалению. Ее оставили недалеко от

моего дома, потому я ее и нашел. После передал в руки Сесилии. У Моаны обнаружилось сильное кровотечение, из чего я смог заключить, что она была беременна.

Неожиданно небо и земля почернели, а сердце превратилось в горячий окровавленный комок. Морис закрыл лицо руками и долгое время не двигался. Священник терпеливо ждал, пока он справится с собой.

— Это был мой ребенок, — глухо произнес Тайль. — Никогда не прощу себе того, что уехал. Она… говорила обо мне?

— Нет, ни слова, — признался отец Гюильмар и добавил: — Если вы решите уйти, капитан, я не стану вас осуждать. Я помогу Моане добраться до родного острова или, если она не пожелает возвращаться к отцу, оставлю у себя.

— Я хочу ее увидеть.

Отец Гюильмар молча провел Мориса в тот самый чулан, где некогда прятались Моана и Атеа. Девушка лежала на своих роскошных волосах, словно на черном шелковом покрывале. Да, ее волосы были столь же прекрасны, как прежде, но лицо осунулось, изменилось, и тело похудело. Она казалась и не живой, и не мертвой: дышала, но при этом не двигалась и смотрела в пустоту.

— Моана? — осторожно произнес Морис, не смея дотронуться до нее.

Она не ответила, и тогда он спросил отца Гюильмара:

— Что мне делать? Из нее словно вытрясли душу!

— Она очнется, — мягко промолвил священник и заметил: — Сейчас вы должны подумать, что делать *вам.*

Внезапно сорвавшись с места, Тайль выбежал за дверь. Он не желал оставаться в этом раю, который вовсе не был раем, как знал, что не сумеет покарать обидчиков Моаны, что Менкье лишь посмеется над ним!

Морису казалось, будто острые лучи безжалостного полинезийского солнца режут его кожу, пронзают глаза, отчего из них струятся слезы.

Предательские мысли рождались и жили сами по себе, они словно метались и бились в черепной коробке. Он не захочет и не сможет жить с Моаной ни на Нуку-Хива, ни на Хива-Оа.

«Была твоя, а стала общая», — скажут другие мужчины. Многие завидовали ему. И они сумели ему отомстить. Ему и Моане, неприступной и гордой Моане, его вахине.

Решение пришло сразу, в один миг, и Морис

не позволил себе задуматься над тем, насколько оно разумное и верное. Главное, что оно шло от сердца.

Он ворвался в кабинет Менкье, когда поблизости не было охраны, и сразу заметил, что начальник гарнизона испугался.

— Вы что-то забыли, капитан?

— Да. Забыл сказать, что подаю в отставку и возвращаюсь во Францию.

Менкье выглядел ошеломленным.

— И какова причина?

— Моя жена тяжело больна и нуждается в перемене обстановки и климата.

— Насколько мне известно, вы неженаты.

— Хорошо, пока еще не жена, а невеста. Впрочем я постараюсь жениться на ней как можно скорее, — сказал Морис и, собравшись с духом, пояснил: — Я говорю про Моану, полинезийскую девушку, чья гордость была растоптана по вашему приказу!

— Позвольте, я ничего не приказывал! — возразил Менкье, хотя по его глазам было видно, что он все знает. — Я не могу сутками следить за тем, чем занимаются солдаты. — И видя, что Тайль не предпринимает никаких действий, а только смотрит на него, примирительно произнес: — Не

порите горячку, капитан. Вы назначены на Хива-Оа, возвращайтесь туда. Что касается гордости вашей девушки, вы рассуждаете, как европеец, склонный искать романтику в отношениях полов. В Полинезии женщины принадлежат всем и каждому; они считают противным природе, если встреча с мужчиной не заканчивается близостью.

Капитан сжал кулаки. Тем не менее он был намерен держать себя в руках. Ничто, кроме этого жеста, не выдало того, какая борьба шла в его душе.

— Моана — дочь вождя, она не принадлежит всем и каждому! И я не намерен возвращаться на Хива-Оа. Это остров Атеа. Надеюсь, вопреки вашим ожиданиям, вы еще услышите об этом человеке. Кроме того, я жалею, что вместе с Буавеном он не убил также и вас, и губернатора Питоле! Клянусь, вы этого заслуживаете!

Начальник гарнизона побагровел.

— За такие речи я немедленно отправлю приказ о вашей отставке на материк!

— Я не стану дожидаться, пока его подпишут! Я отплываю первым же судном.

— Хотите прослыть дезертиром?

— Нет, если вы не хотите прослыть самоуправ-

цем и казнокрадом!

Сказав это, Морис повернулся и вышел за дверь. Он знал, что ему в спину несутся возмущенные проклятия, как подозревал, что, несмотря ни на что, сумеет покинуть остров безнаказанным. В его поясе был запрятан и другой жемчуг, тот, который ему посчастливилось найти в покинутой и полуразрушенной крепости в одной из хижин. Прозрачные, крупные, круглые жемчужины напоминали чьи-то застывшие слезы. Они лежали на полу, под циновкой. Тайль решил, что имеет полное право утаить от командования эту находку.

Вернувшись в дом священника, Морис вновь попросил позволения увидеть Моану. Она лежала в той же позе, только теперь ее лицо прикрывали волосы.

— Моана, — начал капитан, не зная, слышит ли она его; — я прошу тебя стать моей женой. Мы заключим христианский брак, и я увезу тебя в свою страну. Я хочу, чтобы ты узнала мой мир. Клянусь, я не прикоснусь к тебе даже пальцем, если ты не захочешь. Я постараюсь загладить чужую вину, попытаюсь сделать тебя счастливой. — Потом повернулся к отцу Гюильмару: — Вы мне поможете? Уговорите Моану венчаться со мной?

Отец Гюильмар кивнул, ибо видел в глазах капитана выражение, присущее благородному человеку и истинно любящему мужчине.

Неделю спустя Морис на руках внес на палубу судна завернутое в покрывало безвольное женское тело. Ему удалось договориться с капитаном и устроить Моану в каюте. Тайль немного посидел возле нее, а когда корабль начал отчаливать от берега, поднялся наверх, чтобы навсегда проститься с этой землей. Как он полагал — навсегда.

В его ушах звенели слова, которые на разные лады повторяли все белые мужчины, с какими ему довелось общаться на Маркизских островах: «Вы будете глубоко несчастны, если попытаетесь вложить в ваши отношения с полинезийской женщиной какие-то чувства». — «Смотрите на нее, как на вещь, так будет лучше для вас обоих». — «К потребностям плоти здесь надо относиться так же просто, как к хорошему бифштексу или стакану доброго вина». — «Уж с чем точно полинезийцы не связывают свои чувства, так это с сердцем!»

До недавнего времени Моана охотно спала с ним, однако она оставалась глуха к его более высоким потребностям, ни разу не дала понять,

что любит его и как-то выделяет из остальных. Возможно, она принадлежала только ему, потому что, в силу своего происхождения, обладала большей независимостью и гордостью, чем другие женщины. Тем не менее для предавшего ее Атеа эта девушка сделала куда больше, чем для него, Тайля. Являлась ли причиной пресловутая мана или что-то еще? Морис подозревал, что никогда не узнает ответа на этот вопрос.

Несмотря на все влечение и симпатию, он никогда не думал, что женится на Моане. Возможно, то был сиюминутный порыв, но сейчас он связывал свое решение не с сердцем, а с разумом. С совестью. С долгом.

Отец Гюильмар так и не добился от девушки ни слова «да», ни слова «нет», однако пошел навстречу Морису. Если б Моана стала сопротивляться, он бы отказался их венчать, но во время обряда она походила на куклу, и если б ее не поддерживала Сесилия, едва ли могла бы стоять на ногах.

Морис Тайль женился на мертвой женщине, однако надеялся, что за долгие дни путешествия в другую часть света она понемногу оживет.

Со дня отплытия прошло больше месяца, когда однажды, проснувшись на рассвете, капитан не обнаружил Моаны рядом с собой.

Снаружи шумел ветер, судно билось в цепких объятиях штормового моря.

Тайль бросился наверх, уверенный в том, что если девушка не бросилась за борт сама, то ее наверняка смыло волной.

Он столь долго стерег ее и так привык к ее равнодушной неподвижности, что утратил бдительность. За время пути Моана не сказала и пары слов; она ела, но столь неохотно и мало, что сильно исхудала. Она не расчесывала волосы, и если б этого не делал Морис, они превратились бы в паклю. Ее словно бы ничто не волновало. Девушка не жаловалась ни на холод, ни на качку и ни разу не спросила, куда и зачем они плывут.

Морис очутился на палубе. Ветер насквозь пронизывал тело. Не было видно ни зги, и казалось, будто корабль двигается на ощупь. Он искал Моану безо всякой надежды и все же нашел: возле фок-мачты.

Как ни странно, в ее руках сохранилась сила: крепко вцепившись в канат, она смотрела в бушующее море. Девушка вымокла с головы до ног и вся заледенела от холодного, резкого ветра. Сорвав с себя мундир, Морис закутал ее и заставил спуститься в каюту.

В мутном воздухе плавали пласты дыма. Сквозь

маленькие круглые иллюминаторы проникал тусклый свет. Занимавшие узкие полки люди были одеты в серо-желтое тряпье. Кто-то ел, кто-то спал неспокойным, тяжелым сном. На фоне этих призрачных фигур девушка из яркой, задыхавшейся от красок Полинезии выглядела удивительно чужой.

— Куда уходят нерожденные? На небо или все же под землю? — спросила Моана, и капитан с облегчением почувствовал, что в ее голосе нет горя, лишь некая печальная задумчивость.

— Не знаю. Не думай об этом. У нас еще будут дети, — неловко промолвил он и тут же запнулся, не уверенный в том, что когда-нибудь она вновь позволит ему овладеть ею.

— Куда мы плывем? — спросила она, удивленно оглядываясь вокруг, и он обрадовался тому, что в ней проснулся хоть какой-то интерес к происходящему.

— В мою страну. Я хочу показать тебе Францию. Я желаю, чтобы ты оставила все свои горести на Нуку-Хива.

— Нет, они едут со мной, — возразила Моана и надолго умолкла.

Не зная, чем и как порадовать ее и утешить, Морис вынул из тайника пару жемчужин и осто-

рожно, стараясь не привлекать внимания других пассажиров, показал ей.

— В моей стране тоже красиво и интересно. Смотри, что у нас есть! Благодаря этому жемчугу ты будешь иметь все, что пожелаешь.

В темных глазах Моаны отразился испуг.

— Это жемчужины со свадебного ожерелья, которое я должна была получить от Атеа! Как они у тебя оказались?!

— Я нашел их в крепости на Хива-Оа, в одной из хижин. Они закатились под циновку.

— Атеа подарил их Эмалаи, — догадалась Моана. — Они не принадлежат ни тебе, ни мне. — И повелительно произнесла: — Выброси их в океан!

— Ну нет, — Морис быстро убрал жемчуг, — без него мне не стоит возвращаться во Францию.

— Зачем они это сделали? — вдруг с надрывом произнесла она. — Если женщина не хочет, мужчина уходит и ищет другую. Почему они уничтожили моего ребенка?!

Капитан постарался сохранить спокойствие.

— Моана! Забудь о них! Отныне я твой муж, и я буду оберегать, защищать и любить тебя!

— Я не знаю, что такое любовь, — сухо произнесла Моана и, завернувшись в плед, отвернулась

к стене.

Глава семнадцатая

Эмили Марен стояла в толпе женщин, ожидая посадки на баркасы, которые должны были доставить узниц на большой корабль, отплывавший к берегам острова Тасмания. Через три месяца, проведенных в тюрьме, она получила ответ на свое прошение: срок каторжных работ был убавлен с пятнадцати до десяти лет, и при этом ее отправляли в ссылку в далекую колонию Хобарт-таун.

У самого берега из воды проступали камни, напоминавшие черные сердца; вокруг них вилась бахрома из темно-зеленых водорослей. Эмили чувствовала, что ее сердце стало таким же траурно черным. Она много слышала о том, что страдания дают человеку особое понимание жизни и открывают возможности для новых сил, но сейчас она могла лишь горько посмеяться над этим.

В толпе не было женщин, с которыми она провела несколько месяцев в Ньюгейтской тюрьме, и все же столкнувшись взглядом с одной из узниц, Эмили ее узнала.

Накануне отправки в порт каторжницам остригли волосы. Многие женщины сопротивлялись, другие громко оплакивали остатки своей красоты.

Эмили спокойно ждала своей очереди. Ей было все равно, пусть бы ее даже обрили наголо.

Стоявшая перед ней молодая рыжеволосая женщина сказала:

— Прошу, не стригите слишком коротко. Клянусь, у меня нет вшей! — А потом оглянулась назад, показала на Эмили и добавила: — И у нее тоже.

Сейчас, заметив ее в толпе, Эмили подошла к ней и поздоровалась.

В отличие от других каторжниц эта девушка была одета опрятно, даже щегольски: в добротную коричневую юбку, зеленую кофту, высокие, почти новые ботинки. Вероятно, она умела защищать свое имущество и могла постоять за себя.

— Как тебя зовут? — спросила она Эмили и, получив ответ, назвала себя: — Я Келли Джонс. Я тоже из Ньюгейта, просто мы с тобой были в разных камерах. Я слышала о тебе. Ты француженка?

— Наполовину.

— И судья Грэхем ни за что ни про что затолкал

тебя за решетку!

Эмили долго молчала. Потом спросила:

— А ты?

— Я торговала краденными вещами. Сперва меня приговорили к смерти, а потом заменили повешенье ссылкой.

— Почему же тогда суд назначил мне такое мягкое наказание? Ведь я хотела украсть жемчуг у знатной дамы! — с едкой горечью произнесла Эмили.

— Потому что ты иностранка. Это могло бы вызвать скандал.

Не выдержав, Эмили тяжело вздохнула, и в ответ на это Келли бодро произнесла:

— Выше нос! Многие думаю, что Хобарт-таун — край света, однако я слышала, что там всегда тепло. И потом в колонии не будет решеток. А где нет решеток… — опасливо оглянувшись, она не закончила.

Началась суетливая посадка, после чего переполненный баркас пополз по серой Темзе навстречу напоминавшему черную глыбу кораблю.

— Знаешь, как называется наше судно? — спросила Келли у Эмили, молча слушавшей скрип весел в уключинах и ленивый плеск воды.

— Нет.

— «Провидение»! Хорошее название, не правда ли?

Эмили ничего не ответила.

— Давай держаться вместе? — предложила Келли. — Я слышала, ты умеешь читать и писать. А карту ты представляешь? Где находится эта чертова Тасмания?

— Да, — сказала Эмили, — я хорошо представляю карту. Этот остров расположен близ южных берегов Австралии.

Она вспомнила, как в детстве лежала на огромной карте, гордости Рене, двигая по ней игрушечный кораблик. Уже тогда она назубок выучила расположение всех обозначенных на ней материков, островов, океанов, морей и стран.

— Если вы думаете о побеге, то бежать там некуда, разве что в гости к людоедам! — вмешалась какая-то женщина.

— Заткнись! — беззлобно бросила Келли.

Палуба «Провидения» пахла свежей сосной. Загорелые мускулистые моряки с живым интересом разглядывали каторжниц, выискивая среди них тех, кто был помоложе и покрасивей, и протягивали к ним жадные руки.

А на берегу толпились другие мужчины, воз-

любленные или мужья арестанток. Многие женщины, глядя на них, рыдали и махали руками. Кроме провожающих на пристани теснились предприимчивые торговцы. Женщины спускали вниз на веревках узелки с деньгами, а взамен получали продукты, кое-какие вещи, а также бутылки с джином и ромом.

— Тебя никто не провожает? — спросила Келли, заглянув в сухие глаза Эмили.

— Нет.

— Сдается, моряки захотят выбрать себе подруг на время нашего долгого плавания. Они всегда так делают. Женщины будут чинить им одежду, готовить еду и, конечно, спать с ними. Хорошо бы подцепить кого-то рангом повыше!

— Зачем тебе это?

Келли сверкнула карими глазами.

— Чтобы не питаться одной тюремной похлебкой и не ночевать на голых досках!

— Лучше я стану спать на голых досках.

Келли усмехнулась.

— Ты обещала хранить кому-то верность?

— Только самой себе.

Каторжницам велели занять крохотные каюты, в потолке каждой из которых был небольшой люк. Эмили с опаской поставила ногу на ступень-

ку, однако дабы избежать прикосновения рук двух помогавших узницам матросов, поспешила спуститься вниз. Там, как и в тюремной камере, были нары — в целых три этажа. После небольшой, хотя и бурной перебранки Келли удалось отвоевать нижнюю полку для себя и для Эмили.

В течение нескольких дней они задыхались в тесных каютах. Через иллюминатор виднелась только полоска воды и дальний берег, люки были закрыты, и узницы могли выходить лишь в узкий внутренний коридор, отделявший каюты правого борта от кают левого. Кормили, как и предсказывала Келли, жидкой, едва теплой похлебкой, обнаружить в которой листок капусты или ломтик картофеля считалось большим везением и даже роскошью. И умываться, и пить приходилось из общей бочки, на поверхности которой плавала грязная пена.

Между тем каторжницы все прибывали и прибывали: кто-то из окружных тюрем, другие — из дальних районов Англии. Наконец после недельного стояния на рейде судно отправилось в путь.

Стремясь в последний раз увидеть родной берег, обитательницы каюты отталкивали друг друга от иллюминатора. Только Эмили сидела на месте. Ее лицо было спокойным, глаза — сухими,

хотя именно в эти минуты навсегда обрывались последние нити, связывающие ее с прежней жизнью. Она не позволяла себе ни вспоминать, ни страдать, ни думать. Думать о прошлом. И тем более — о будущем.

Когда «Провидение» вышло в открытое море, поднялся ветер и началась качка. Слышался яростный плеск волн, ударявшихся о деревянную обшивку бортов, резкий скрип шпангоутов; по полу каюты перекатывались железные кружки и миски. Корабль кренился то в одну, то в другую сторону, и узницы с трудом удерживались на своих полках. Многих тошнило. Масляная лампа, болтавшаяся под потолком в узком проходе между каютами, беспомощно мигала, пока совсем не погасла. В тесных помещениях нарастало зловоние.

Эмили говорила себе, что все, упоминавшие об условиях, в каких содержались каторжанки, были правы: маленькие дети ни за что бы не вынесли такого путешествия.

К утру ветер стих, и арестанток выпустили на палубу. Обессилевшие, бледные, они жалко щурились от яркого солнца. Когда было объявлено о том, что откроют люки, к бакам с водой образовалась очередь. Каждая женщина хотела привести

себя в порядок, дабы более-менее сносно выглядеть перед мужчинами.

Те сыпали непристойными шутками, подходили к понравившимся женщинам и делали им конкретные предложения. Келли Джонс раскраснелась от удовольствия: ей повезло больше других — ее выбрал корабельный стюард. Теперь она могла быть спокойна за свое пропитание.

Эмили стояла в стороне, глядя на величественные громады парусов и жадно вдыхая свежий морской воздух. Вокруг судна разбегались синие волны, одетые в белое кружево гребней; высокие мачты, казалось, вонзались в чистое голубое небо.

Молодая женщина не заметила, как к ней приблизился высокий мужчина в форме. Оглядев ее с головы до ног, он слегка прикоснулся рукой к фуражке и неловко произнес:

— Добрый день, мисс. Неплохая погода?

— Да, — сдержанно ответила Эмили.

— Помощник капитана Артур Уэст, — представился мужчина и спросил: — А как ваше имя?

— Эмили Марен.

— Мисс Марен, я приглашаю вас осмотреть мою каюту.

— У меня есть своя.

— Но там другие условия.

— Благодарю вас, сэр, но сейчас мне хорошо здесь.

— Соглашайтесь, я угощу вас кофе с печеньем и булочками.

— Я не голодна.

— Послушай, — сказал помощник капитана, отбрасывая притворную вежливость, — я обратился к тебе, потому что мне показалось, что ты иная, чем весь этот сброд!

Эмили заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Ошибаетесь, мистер Уэст, я точно такая же.

Поняв, что ему дают окончательную отставку, помощник капитана побагровел.

— Подожди, еще пожалеешь, госпожа гордячка! — процедил он. — Клянусь, рано или поздно тебе придется довольствоваться чем-то худшим!

То же самое сказала и Келли Джонс, когда они вернулись в каюту. Келли раздала подругам по несчастью полученные от стюарда галеты и разлила по кружкам ром, полбутылки которого ей удалось стянуть в каюте новоиспеченного любовника.

— Ты зря отказалась! Сам помощник капитана! От тебя бы не убыло. И ты здорово облегчила бы себе путешествие. Помяни мое слово, рано или

поздно тебе придется уступить. И не факт, что это будет кто-то достойный.

Эмили молчала, отвернувшись к стене. Не ей было спорить о том, сколь милосердна или жестока судьба. К счастью, женщин на корабле было в три раза больше, чем мужчин, потому у последних не возникало мыслей овладеть кем-то силой.

Одна из соседок по каюте, Ребекка, всегда носившая с собой колоду карт, сказала:

— Оставь ее, Келли. Она думает о другом мужчине.

— Неправда, — не выдержав, резко произнесла Эмили, — я о нем больше не думаю.

Ребекка раскинула карты.

— Однако он в твоем сердце. Только его ты и будешь любить до конца своей жизни. И это не простой мужчина!

— Какой-нибудь благородный француз, дворянин? — улыбнулась Келли.

— Вы удивились бы, если б узнали.

— Не хочешь, не говори, — заметила Ребекка, — я и так все вижу. Сейчас он в изгнании. Прежде возле него было много людей, но теперь он один. Он попал в беду, но он выкарабкается.

— Даже если и так, мы никогда не увидимся.

— Почему? Он гораздо ближе к тебе, чем ты думаешь. Твоя судьба совершает медленный поворот: придет время, когда она вернет тебе все, что отняла. Кроме разве что тех людей, которые умерли. Все будет хорошо. Надо только подождать.

Эмили повернулась лицом к женщине, потом села. Ее бледное лицо порозовело.

— А дети? — взволнованно спросила она.

— И детей тоже. У тебя их двое. Они будут с тобой. Не знаю, как и где ты их найдешь, но это обязательно случится. — Ребекка внимательно разглядывала карты. — Совсем недавно рядом с твоим мужчиной была женщина, но не любовница, скорее, родственница. Она ему помогла. И тебе она тоже поможет.

Когда «Провидение» вошло в бурные воды южной Атлантики, пассажирки все реже и реже появлялись на палубе. Внизу тоже было холодно и сыро, и они согревались только ромом, которым Келли исправно делилась со своими товарками. Там стало просторнее, особенно по ночам, ибо большинство женщин предпочитало спать в каютах своих временных любовников.

Только Эмили дрожала в своей жалкой постели, кутаясь в тонкое одеяло и слушая хлопанье

крышки люка, гудение корпуса судна, стон его креплений и обшивки. Она мечтала как можно скорее добраться до берегов Тасмании. Хотя, в отличие от Келли, не ждала от конца путешествия ничего, кроме избавления от участи быть запертой, словно в гробу, между пенистым морем и темным небом.

Когда спустя четыре месяца плавания корабль сменил курс с восточного на северный, погода стала стремительно улучшаться. Однажды поднявшись на палубу, Эмили вдохнула знакомый воздух запретного рая. Роковая жемчужина все-таки оказалась пропуском в тот мир, куда она так стремилась вернуться. Только теперь это возвращение обернулось кошмаром.

И вот настал миг, когда якорь с шумом упал в воду и послышался лязг цепи. «Провидение» прибыло в Хобарт-таун.

Столпившиеся на палубе женщины пытались разглядеть остров, но видели только зеленые холмы и белую церковь с высоким шпилем. Келли утверждала, что на острове не будет решеток и что все они смогут чувствовать себя «почти свободными».

Примерно половине женщин приказали сойти на берег, а других, неизвестно зачем, оставили

на корме. Эмили встревожилась, однако Ребекка сказала:

— Похоже, нам повезло. Сейчас сюда явятся важные лица острова, чтобы выбрать себе служанок.

— И любовниц? — уточнила Келли.

Услышав ее слова, Эмили содрогнулась.

Ребекка оказалась права: один за другим на палубу начали подниматься мужчины. Некоторые сдвинули шляпы на затылок, другие мяли их в руках. Почти все были одеты в клетчатые рубашки, расстегнутые у шеи, бриджи для верховой езды и высокие сапоги.

Вперед выступил уполномоченный по распределению ссыльных. Подойдя к капитану, чиновник пожал ему руку и небрежно произнес:

— Эти уважаемые господа хотели бы взять к себе женщин для работы в доме. Разумеется, послушных и аккуратных.

— А также молодых и красивых, — прошептала Келли.

Капитан с важным видом кивнул на регистрационный журнал.

— Такие найдутся. Пусть господа подходят по очереди.

Первым к столу, за которым сидел капитан,

приблизился невысокий седой человечек.

— Мне нужна девушка для работы в трактире. Смышленая, бойкая, но честная. И не уродливая, конечно. Такая, чтоб привлекала посетителей, но при этом не давала им спуску.

Эмили заметила, как у Келли раздулись ноздри и заблестели глаза. Сделав шаг вперед, она тряхнула своими рыжими волосами так, что они заиграли отблесками меди. Взгляд трактирщика упал на нее.

— Возможно, эта подойдет. Кто она?

— Келли Джонс, торговка краденым, — ответил капитан.

Трактирщик нахмурился, а стоявший рядом мужчина, рассмеявшись, сказал:

— Послушай, Торранс, ты ж выбираешь служанку из каторжниц, а не из благородных леди! Бери ее! Я обязательно загляну в твое заведение, если там будет работать такая птичка!

Таким образом, судьба Келли была решена, и, судя по всему, девушка была рада тому, как все обернулось. Ловко подхватив свои пожитки, она улыбнулась подругам.

— Забегайте на огонек, угощу, чем смогу!

Осужденная за гадание на картах Ребекка попала в семью, где были маленькие дети, которым

требовалась нянька. Еще несколько женщин забрали мужчины, чьи жены хотели завести прислугу.

Эмили пряталась в толпе до тех пор, пока та совсем не поредела. Ухаживать за чужими детьми было бы выше ее сил, и ей не очень хотелось становиться чьей-то служанкой.

Мужчин тоже осталось мало. Один из них, лет сорока, хорошо одетый, крепкого сложения, с красным от солнца лицом, заявил:

— Мне нужна грамотная женщина. Чтобы не только могла работать по дому, но и читала вслух моей жене. Насколько я понимаю, таких здесь нет?

Стоявшая рядом женщина толкнула Эмили локтем.

— Чего ты молчишь? Ты же умеешь читать и писать. Если тебя назначат на такую работу, это будет большим везением!

И словно вторя ей, капитан ответил:

— Есть одна. Мне кажется, она вам подойдет. Эй, Марен, выйди сюда!

Эмили неохотно послушалась. Она ощущала себя странно беспомощной в одежде, обтрепавшейся за долгие месяцы пути, с кое-как причесанными, еще не успевшими отрасти волосами.

Мужчина мазнул по ее лицу быстрым взглядом.

— Слишком молода и красива. Боюсь, это не устроит миссис Даунинг.

— Зато, надеюсь, понравится вам! — усмехнулся капитан и посоветовал: — Забирайте ее. Лучше вам здесь не найти. К тому же она из порядочных. По-моему, эта женщина — единственная, кто не завел себе любовника среди наших матросов.

— Это хорошо, — подтвердил мистер Даунинг. — По крайней мере, я могу быть уверен в том, что она не беременна. Ладно, беру.

— Распишитесь в журнале. И не забудьте зайти на склад получить одежду для девушки, — сказал уполномоченный по распределению ссыльных и обратился к Эмили: — Комплект выдается на год, так что будь аккуратна.

Молодая женщина покорно спустилась в лодку, которая покачивалась на воде возле облепленного водорослями и ракушками борта корабля.

На берегу Эмили пришлось подождать, пока мистер Даунинг вернется со склада, после чего она села в двуколку позади нового господина, который устроился на козлах. Она не имела понятия, кто такой мистер Даунинг, чем он занимается, но держался он уверенно, по-хозяйски,

небрежно здоровался со встречными мужчинами. И — ни разу не оглянулся на Эмили. Как ни странно, она была только рада остаться для него просто вещью.

Вскоре дорога свернула в лес, и молодая женщина смотрела на стройные прямые деревья, напоминавшие греческие колонны. Переплетавшиеся ветви образовывали почти непрерывный зеленый навес, иногда такой плотный, что сквозь него не просвечивало небо. Здесь царствовали таинственный сумрак и тишина, лишь изредка нарушаемая криками и перепархиваниями ярких попугаев.

Потом двуколка поехала мимо участков, застроенных глинобитными или дощатыми домами. Почти на каждой ферме работали люди в серой одежде — каторжники.

Прогрохотав по центральной улице поселка, повозка остановилась перед двухэтажным каменным домом с обитыми железом воротами. Судя по всему, здесь обитали зажиточные люди.

— Слезай, — неловко произнес мистер Даунинг, по-прежнему не глядя на Эмили. — Предыдущую девушку мы были вынуждены отправить в местную тюрьму за плохое поведение. Надеюсь, ты не доставишь нам таких неприятностей.

Пробыв в заключении почти год, Эмили привыкла, что ей говорят «ты», но сейчас подобное обращение было ей неприятно.

Привязав лошадь, мистер Даунинг первым вошел в дом. Молодая женщина последовала за ним.

Их встретила особа лет тридцати с длинным лицом и мышиного цвета волосами: на вид — законченная старая дева. Однако то была мисс Даунинг, которая тут же оглядела Эмили с головы до ног, после чего холодно промолвила:

— Кто она такая?

— Ссыльная. Новая служанка, о которой ты просила, — ответил муж.

— Она не внушает мне доверия! — отрезала миссис Даунинг.

— Ее рекомендовали как порядочную. Кроме того, она знает грамоту.

— За что ее сослали в Хобарт-таун?

— Не знаю. Можешь ее расспросить. Однако тебе прекрасно известно, что в Англии человека могут осудить за любой пустяк. Впрочем, если хочешь, я отправлю ее обратно.

Миссис Даунинг поджала губы.

— Мне надоели невежды и грубиянки. Однако эта чересчур молода. И красива.

— Других не было. К тому же стоит ей надеть эту одежду, как она утратит всякую привлекательность, — сказал мистер Даунинг, швыряя Эмили полученные на складе вещи.

— Идите за мной, — натянуто произнесла миссис Даунинг, весь вид которой выражал смесь недоверия и негодования. — Вот ваша комната. Здесь вы можете переодеться, а потом я расскажу вам о ваших обязанностях.

— Хорошо, мэм.

По крайней мере, миссис Даунинг обращалась к ней на «вы».

Облачившись в уродливую одежду, которую, согласно предписанию правительства, должны были носить каторжницы, Эмили вытащила из своих вещей осколок зеркала и заставила себя посмотреться в него.

Ее тонкая шея напоминала стебель цветка, а лицо было бледным, точно далекая луна. Взгляд казался пронзительным и вместе с тем странно неподвижным.

Бумажное платье, фланелевый фартук, коленкоровый чепец, грубые чулки и поношенные башмаки были просто ужасны; впрочем Эмили не волновало, как она выглядит.

Оторвавшись от зеркала, молодая женщина

оглядела каморку. В отличие от хозяйских комнат здесь был земляной пол и тростниковые стены. Кровать заменял соломенный матрас, а стол — два поставленных друг на друга ящика. Окно было таким низким и маленьким, что в него едва удавалось выглянуть.

Когда-то собственная комната казалась ей тихой, безопасной гаванью, самым уютным местом на свете, где она всегда могла собраться с мыслями и заглянуть в собственную душу. Вот уже несколько месяцев Эмили не хотела, даже больше — боялась это делать, и сейчас смотрела на себя, как на незнакомку, изменившуюся внешне, и — самое главное — внутренне.

Прежде она была дочерью путешественника, скромной, мечтательной, незаметной девушкой, потом перевоплотилась в пылкую возлюбленную молодого вождя полинезийского племени, затем стала одинокой, но счастливой матерью двоих прелестных детей, а в конце концов — узницей, каторжницей, ссыльной.

Когда-то Эмили призналась отцу, что не жалеет о том, что случилось в ее жизни, но сейчас она не смогла бы этого сделать.

Глава восемнадцатая

— Не беспокойся, я тоже беглый, — с этой фразы началось настоящее знакомство Атеа с Патриком Таубом.

Прожив у него некоторое время, полинезиец все еще не мог сказать, пленник ли он или предоставлен самому себе.

Впрочем бежать тут было особенно некуда. Острова Фиджи или оставались необитаемыми, или же их населяли дикие племена, не брезговавшие людоедством. Сам Патрик в прошлом был каторжником. Он бежал из британской колонии для заключенных, угнав баркас после того, как убил кого-то из тамошней охраны, за что ему неминуемо грозила бы смертная казнь.

Сколько лет назад это случилось, он припомнить не мог:

— Прежде я каждый месяц делал зарубки, а после сбился со счета. Полагаю, я живу здесь не меньше пяти лет. В общем-то у меня есть все, даже добрый ром, не хватает только белой женщины.

Мечтам о белой женщине Патрик Тауб предавался часто: это была его навязчивая идея.

— Конечно, есть местные, — говорил он, — только это не то.

Туземцы работали на него, как понял Атеа, за очень маленькую плату, тогда как сам Патрик имел довольно большой доход. Фиджийцы заготавливали кокосовое масло, ловили трепангов, вырубали остатки сандаловых деревьев, практически уничтоженных на Фиджи еще два десятка лет назад. Эти товары Патрик сбывал заезжим торговцам из разных частей света.

— Хотя все это ерунда, — как-то обмолвился Тауб. — Главное, я мечтаю создать тут большую тростниковую плантацию.

Атеа удивлялся, как один человек может держать в страхе целый остров. Впрочем Тауб объяснял это крайне просто:

— Я прибыл сюда с ружьем, которого местные никогда не видели, и первое, что я сделал, — убил их вождя. Дикари полагали, что он обладает сверхъестественными способностями, но я показал, кто из нас сильнее.

Французского матроса с затонувшего корабля, о котором он обмолвился в самом начале, Патрик тоже застрелил, поскольку они не поделили власть на острове. Для личной охраны Тауб использовал головорезов из числа местных чер-

нокожих, которым отчаянно не доверял, отчего ему приходилось спать буквально «с ружьем в руках».

К счастью, его «охранники» не умели стрелять, и Патрик прилагал все усилия к тому, чтобы они не овладели этим секретом.

Как ни странно, он был рад появлению Атеа.

— Вижу, ты парень с головой. И с характером. Хочешь, оставайся здесь. Будешь помогать мне командовать черными, что работают на меня.

Отчасти такое расположение объяснялось тем, что Тауб не видел в Атеа конкурента, каким бы мог стать белый. Вместе с тем он нуждался в помощнике, хотя бы для того, чтобы иметь возможность отлучаться с острова.

— У меня этот «рай» уже в печенках сидит, — признался он. — Не представляешь, что бы я отдал за то, чтоб посидеть в таверне хотя бы полчаса! К тому же мне нужно купить кучу всяких вещей.

Понимая, что должен затаиться и переждать тяжелые времена, Атеа решил притвориться, что разделяет взгляды Патрика. Он видел, насколько бесправным и забитым было здешнее население. В отличие от полинезийцев они трудились от зари до темна, как рабы, и почти ничего не имели.

Патрик Тауб и его приспешники могли брать себе любых женщин, даже если те были замужем или едва вышли из детского возраста.

Атеа не понимал языка фиджийцев, потому первое время сторонился их и проводил время в компании Патрика. А еще его заинтересовали собаки.

Завидев полинезийца, они скалили зубы, но не нападали, потому что Патрик запретил им это делать. Атеа впервые видел животных, понимающих человеческую речь! Они смотрели на него глазами разумных существ! Но он не верил, что когда-нибудь сможет общаться с ними.

— Собаки не едят людей, а местные люди — едят, потому люди хуже собак, — заметил Патрик. — А еще собака никогда тебя не предаст, а человек может сделать это тысячу раз!

Однажды полинезиец увидел, как стая собак напала на своего же сородича с явным намерением разорвать его на куски. Именно этого пса Атеа ранил камнем: с тех пор бедняга прихрамывал, отчего не поспевал за остальными, и ему доставалось меньше корма.

Атеа вспомнил родное племя: там никогда не уничтожали больных и слабых; напротив, другие выполняли за них всю работу. Здешние люди,

как он уже понял, были другими. Должно быть, и животные — тоже.

Разогнав собак камнями и палкой, Атеа склонился над бедолагой. В собачьем взгляде сквозили усталость, испуг и оскорбленная преданность. Атеа отнес искусанного пса на террасу и стал заботиться о нем: лечить раны, кормить и гладить.

Вскоре собака перестала его бояться и, завидев, громко стучала хвостом об пол. Поправившись, пес всюду ходил за Атеа. Когда тот сидел на крыльце, собака клала рыжую морду ему на колени. Разговаривая с животным, Атеа ощущал его молчаливое понимание. Он решил назвать пса Паки, и тот быстро запомнил свою кличку.

У Атеа тоже была хорошая память: однажды услышав новое слово, он, как правило, не забывал его. Сопровождая Патрика, он внимательно вслушивался в речь фиджийцев, а по вечерам расспрашивал англичанина, что означает то или иное слово. О себе он рассказывал очень мало. Признался, что бежал от белых, потому что они хотели его повесить.

— За что? — спросил Патрик.

— За непокорность.

— Ты умеешь стрелять из ружья?

Атеа не знал, что ответить, но все же решил

признаться:

— Да.

— Это хорошо. У меня их два. Одно из них ты завтра возьмешь с собой. Я тебе доверяю. Пора браться за дело. Я объясню черномазым, что ты мой помощник, и все же от них можно ожидать чего угодно.

На Фиджи Атеа просыпался всегда в одно и то же время, при первом проблеске утренней зари, о чем возвещал резкий крик какой-то птицы. Затем на четверть часа наступала тишина, а после подавали звуки другие пернатые обитатели леса: козодои, дрозды, попугаи.

Вскоре первые лучи солнца пронизывали листву золотистым светом, отчего капли ночной росы сверкали, как жемчуг. Воздух был таким свежим, что его хотелось пить, а цветы, казалось, распускались на глазах.

Позавтракавший лепешками с беконом и кофе с хорошей толикой рома Патрик спустился во двор, где Атеа кормил Паки.

— Ну что, идем?

Выпрямившись, полинезиец кивнул.

Тропинка шла через лес. Атеа привлекало великое множество лиан, которых не было на его островах. Тонкие и гладкие или узловатые и

грубые, они были перекинуты с дерева на дерево, подобно корабельным канатам. Не представлялось возможным понять, откуда они брали свое начало и как росли.

А еще он выглядывал в зарослях обезьян. Атеа удивляли — и пугали эти странные, похожие на людей существа, умеющие смеяться и корчить рожи.

Тауб их ненавидел:

— Самые подлые создания на свете! Ни с того ни с сего залепят тебе в лоб кокосом или нагадят на голову, а попробуй их подстрелить в этих зарослях! К тому же на таких тварей жалко тратить патроны.

По дороге он наставлял своего спутника, отвлекая его от созерцания тропической природы:

— Когда я скажу чернокожим надсмотрщикам, что теперь ты — главный, им это не понравится. Так что будь внимателен. У них есть ножи, и они способны пустить их в ход. А если они убьют тебя, то непременно съедят, и я ничего не смогу поделать. Следи, чтобы туземцы работали, а не валялись в зарослях, да еще с женщинами! Кстати, *ты* можешь выбрать себе любую. Я разрешаю. Кивнешь ей, и она пойдет с тобой.

Атеа покачал головой.

Патрик внимательно посмотрел на него.

— Не нравятся? Мне тоже. Ничего, теперь, когда здесь появился ты, я возьму баркас и наконец отправлюсь в Хобарт-таун за белой красоткой. Но тебе придется довольствоваться местными или перебиваться, как знаешь.

Разбросанные меж высоких деревьев хижины фиджийцев напоминали плетеные корзинки. Почти сразу за деревней начинались тростниковые поля. Они имели различный вид: на одних участках растения были совсем низкими, на других средними, а на некоторых превышали человеческий рост. Как объяснил Патрик, после посадки урожая надо ждать больше года, потому это делается в разное время.

Среди обитателей деревни было много рослых и сильных мужчин. Вооруженные длинными ножами для резки тростника, они легко смогли бы напасть на Тауба. Атеа удивляло и оскорбляло, что туземцами может повелевать человек, не обладающий маной. Мана была тонкой и чистой энергией, тогда как от Патрика исходила только грубая сила.

— Это мой новый помощник, — небрежно произнес Тауб. — Его зовут Атеа. Он тоже не белый, но все-таки посветлее, чем вы. Да и мозгов у него

побольше. Он будет следить, чтобы вы не отлынивали от работы.

Большинство фиджийцев опустило глаза. Их враждебность была подобна каменной стене. Атеа почувствовал это всей кожей, и то же самое случилось с Паки: шерсть на загривке пса вздыбилась, и он залаял дурным голосом.

Молодой человек сразу понял, что надо отправить пса домой: в такой ситуации лучше быть одному, а не с тем, кто тебе дорог, пусть даже это собака. Всегда легче бояться за себя, чем за другое живое существо.

— Назад! — приказал он Паки, и тот нехотя обиженно затрусил в сторону дома.

— Не робей, — сказал Патрик полинезийцу. — С ними нетрудно справиться. Главное дать понять, что ты сильнее.

Это Атеа знал и без него. Только ему вовсе не хотелось заставлять этих людей работать, угрожая им ружьем.

— Я пойду на другое поле, а ты оставайся здесь. Если что-то пойдет не так, кричи, а лучше стреляй, — заявил Патрик и ушел.

Местные жители взялись за привычную работу. Многие косились на Атеа, но едва он поворачивался к ним, тут же отводили глаза.

Атеа решил обойти поле. На островах Фиджи было куда больше живности, чем на Маркизских: тростниковые заросли так и кишели всякими тварями. Чтобы избежать укусов ядовитых насекомых, перед вырубкой приходилось поджигать поле.

Атеа скорее догадался, чем услышал, что происходит за его спиной, и, резко обернувшись, с силой ударил прикладом. Мужчина упал на землю, зато другие вооруженные резаками фиджийцы немедленно окружили Атеа.

Отступив к стоявшему стеной тростнику, он навел на них ружье, но не спешил стрелять. Мужчины долго и молча изучали его, потом один сказал:

— Откуда ты взялся? Кто ты такой?

А другой тотчас добавил:

— Все равно мы тебя прирежем.

— Я не желаю вам зла, — решился ответить Атеа.

— Никто не приходит сюда со злом, но все только его и творят. Чем ты подкупил белого?

— Тем, что не испугался. И вас я тоже не боюсь.

— И мы тебя не боимся, несмотря, на то, что в твоих руках огненная палка. Мы не позволим

тебе взимать лалу[5]!

— Мне не нужна лала.

— Тогда бери нож и руби тростник.

Атеа покачал головой.

— Я никогда не стану работать на белого так, как это делаете вы.

— Хочешь сказать, ты особенный? Да, твоя кожа светлее нашей, и все-таки ты ничего не стоишь без этой стреляющей палки.

По выражению их лиц и глаз Атеа видел, что они все равно его убьют. Подкараулят и прирежут где-нибудь, днем или ночью. Он понимал, что надо что-то решать: сейчас или никогда.

Он отшвырнул ружье, а потом повернул к ним ладони.

— Подойдите и сразитесь со мной. Теперь у меня ничего нет, — сказал он и добавил про себя: «Ничего, кроме… маны».

Мана таится во многом: в красивой мелодии, в узоре ветвей на фоне лазурного неба, в полете птицы и запахе гибискуса, но сейчас она была только в нем, ибо усилием воли он вобрал ее из окружающего мира. Она заставляла его стоять твердо и прямо, она гнала его кровь по жилам и

---

[5] Примечания: 5
Плата, налог.

трепетала в его сердце. Сперва она едва теплилась в нем, а потом поднялась высоким и чистым пламенем, выжигая смятение и страх.

Замершие перед Атеа люди видели тот облик, который он избрал для себя сейчас. Облик высшего существа, наделенного силой, которая им и не снилась.

Патрик Тауб не сумел бы этого понять, но фиджийцы еще не утратили способности постигать такие вещи.

— Кто ты? — осторожно спросили его.

— Я был вождем своего племени.

— И что? — воскликнул какой-то смельчак. — Ты продался белому!

— Неправда. Я никому не продаюсь.

Вперед выступил какой-то старик.

— Наш роко-туи[6], которого убил белый, мог ходить по горящим углям! Если в тебе есть что-то, чего нет в нас, сделай это! — сказал он и показал на тлеющий тростник.

Атеа вздрогнул. Он никогда не видел, чтобы кто-то совершал нечто подобное. В его родной Полинезии ни для вождя, ни для рядовых членов племени не устраивались жестокие испытания.

---

[6] Примечания: 6
Вождь.

Это был край любви и радости. Однако здесь все было иначе.

Он вспомнил слова покойного отца: «*Кто* ты такой, это совсем не то, *каким* ты можешь быть. Это способен понять только вождь. Он — солнце племени, никто не в состоянии до него дотянуться».

Атеа знал, о чем говорит отец. Сила человеческого воображения, равно как власть потусторонних миров, выше и главнее земного и вещного. Его народ и христиан объединяло одно: вера в господство духа над телом.

Он смотрел на тлеющее пламя до тех пор, пока зловещий красноватый отблеск углей не превратился в переливчатое сияние камушков под голубой пеленой воды. Ему ничего не стоило пройти по мелководью, и он это сделал. Атеа слышал плеск волн, его ноги обволакивала прохлада.

Он очнулся на сухой, твердой и не горящей земле. Его ноги испачкала сажа, но на них не было даже малейшего следа ожогов.

— Роко-туи, роко-туи! — разнеслось вокруг.

Атеа позволил себе перевести дыхание и поднял ружье, лишь когда фиджийцы разошлись по своим местам. Он знал, что это испытание было далеко не последним. Ибо заставить человека

отступить гораздо проще, чем проникнуть в его мысли и сердце.

Внезапно Атеа стало горько. Он вновь использовал свою ману для того, чтобы помочь самому себе, а не кому-то еще. Не как христианский Бог, не как благородные люди.

Вернувшись, Патрик, похоже, удивился тому, что «знакомство» прошло так гладко и мирно. Но он ничего не сказал.

Когда настала пора возвращаться с поля, Атеа окружили мужчины.

— Откуда ты? Почему оставил родное племя?

Намереваясь послушать его рассказ, фиджийцы присели на корточки, но Атеа был немногословен. Вместо того, чтобы распространяться о себе, он спросил их:

— Почему вы боитесь белого? Ведь он один!

— Наш вождь был очень сильным человеком, а он его убил.

Атеа покачал головой.

— У него нет маны.

— Зато есть помощники. Нитао, Теаки, Маунуту и Калунга. Если мы убьем белого, будет еще хуже. Тогда стреляющими палками завладеют *они.* Убьют и съедят неугодных, станут насиловать женщин. Это они приказали нам убить тебя.

— Почему же они не попытались сделать это сами?

— Боятся хозяина.

«Или меня», — подумал Атеа.

В это время, как по заказу, на дороге появились приближенные Патрика Тауба. Это была четверка рослых, сильных, наглых парней.

Один из них, проходя мимо, бросил:

— Эй вы! Хозяин не любит, когда вас собирается слишком много!

Больше никто ничего не добавил, но Атеа видел: это его враги.

— Будь острожен, — заметил один из собеседников полинезийца, — они станут следить за тобой. Не говори и не делай лишнего, не сиди с нами, иначе они расскажут об этом хозяину.

Дома Патрик как обычно предложил Атеа рому, а тот как всегда отказался.

— Скучный ты человек, — заявил Тауб и придвинул к нему стопку монет: — Может, хоть это тебя порадует!

Атеа невозмутимо смотрел на тускло сияющие кружочки. Он мог понять ценность чего-то необыкновенного и красивого, рожденного природой, но это…

Угадав его мысли, Патрик расхохотался.

— Люди, не ведающие власти денег, навсегда останутся дикарями! — заявил он, а после сказал: — Я собираюсь наведаться на большой остров, расположенный довольно далеко отсюда, близ побережья Австралии: тот самый, откуда когда-то сбежал. Мне надо пополнить кое-какие запасы и кое-что разузнать. К тому же я надеюсь привезти сюда женщину.

— Ты собираешься купить ее? — невозмутимо осведомился Атеа.

— Белые женщины не продаются! То есть продаются, конечно, но не в таком прямом смысле. Хобарт-таун — поселок для каторжников. Там есть ссыльные женщины. Думаю, одна из них согласится уехать со мной. Разве здесь не райское место? И она станет в нем королевой.

— Я отправлюсь с тобой? — спросил Атеа, размышляя о чем-то.

— Нет. Я не могу оставить дом и плантацию на черных. Они тут все разворуют. Вижу, ты быстро научился справляться с местными. Я оставлю тебе запас оружия и пороха. В случае чего, стреляй, не мешкая. А я постараюсь вернуться как можно скорее.

В то время как Патрик готовился к отъезду, Атеа продолжал наблюдать за жителями дерев-

ни, ни с кем особенно не сближаясь. Четверка парней, которых Тауб иной раз угощал ромом, но которым опасался давать ружья, сторонилась пришельца. Однако при этом они делали что хотели и держали в страхе всю деревню.

Однажды полинезиец увидел, как из зарослей выскочила одна из местных девушек, заплаканная, в разорванной юбке.

Атеа узнал ее. Она была красивее других, но выглядела испуганной и забитой. Звали ее Аматуку.

Следом за девушкой появился Нитао, один из пресловутой четверки. Он хотел пройти мимо Атеа, но тот преградил ему путь.

— Оставь Аматуку в покое.

Фиджиец зловеще оскалил зубы.

— Хочешь взять ее себе? Кто тебе мешает? Бери!

— Я хочу, чтобы ее не трогал *ты.*

— Почему? Я уже владел ею до тебя, и буду делать это впредь.

— Нет, не будешь, ни ты, ни твои друзья. Клянись своими предками! — сказал Атеа и наставил на него ружье.

В эти минуты он не собирался использовать ману, он решил выстрелить. Нитао это понял.

— Будь ты проклят! — пробормотал он. — Забирай ее себе, больше я до нее не дотронусь!

Возможно, Аматуку слышала этот разговор, потому что на следующий день к Атеа подошла ее мать.

Несмотря на то, что он был роко-туи, женщина осмелилась дотронуться до его руки.

— Прошу, — в ее глазах стояли слезы, — возьми мою дочь себе! Тогда ее никто больше не тронет.

Перед мысленным взором Атеа на мгновение предстал светлый, как солнечный луч, и легкий, как ветер, образ Эмили.

— Нет, — сказал он, — не возьму. У меня есть жена.

— Такой мужчина, как ты, должен иметь много женщин.

— Нет, — твердо повторил Атеа. — Но я обещаю, что они оставят твою дочь в покое.

Женщина заплакала.

— Сперва ею овладел хозяин, а потом его помощники. Теперь моя дочь вынуждена каждую ночь проводить с кем-то из них. Они заставляют ее делать такие вещи, о каких я сроду не слыхивала! Белые люди… они не учат нас хорошему, — промолвила она и внезапно добавила: — Ты пришел ниоткуда, ты принес на себе запах

другого мира, иного ветра. Скажи, там живут счастливые люди?

Прежде Атеа ответил бы «да», а теперь промолчал. На острова, принадлежавшие его предкам, тоже явились белые, и теперь счастье полинезийцев будет убывать, как убывает поток той энергии, что используется неправильно.

В тот вечер он отправился на берег и долго думал. Вспоминал, как фиджийцы говорили о том, что происходит с ними после смерти: «Духи отправляются на небесные острова и живут там, как на земле, только все вещи у них ненастоящие, призрачные. В том мире вожди остаются вождями, а духи простых людей со временем поедаются более сильными соплеменниками. Духи могут посещать свою родину, и друзья могут их видеть, если не побоятся взглянуть».

Атеа посмотрел на свой крест. Можно верить в разные вещи, но человеческая доля везде одинакова: что в этом, что в загробном мире. Христиане говорили, что *там* может быть лучше для тех, кто хорошо вел себя *здесь*. Однако их собственные поступки далеко не всегда соответствовали их вере.

Возможно, они придумали свою религию для того, чтобы управлять другими народами? Вер-

нее, придумал один хороший человек, которого плохие люди постарались убить! Атеа не мог сказать, имел ли он ману. Однако он точно знал, что она есть у него самого, и теперь понимал, для чего он ее получил.

Глава девятнадцатая

Иногда Эмили чудилось, что она видит унылый, серый, беспробудный сон.

В ее обязанности входило делать уборку в доме и чинить хозяйское белье. Иногда Эмили помогала миссис Даунинг разматывать шерсть или чистила медную посуду. Часы чтения вслух были самыми лучшими, хотя хозяйка держала в своей библиотеке только скучные назидательные книги.

Как-то раз она попыталась расспросить Эмили о том, за что и почему ее осудили, кем она была прежде, но молодая женщина замкнулась в напряженном молчании. Чужие люди влезли в ее жизнь, разрушили, растоптали ногами будущее. У нее отняли все, оставив лишь воспоминания о прошлом, которыми она не была намерена делиться ни с кем.

Непокорность Эмили проявилась только в этом, в остальном же она являла собой образец послушания, и вскоре миссис Даунинг стала отправлять ее за покупками, для чего хозяин был вынужден выписать своей служанке-заключен-

ной особый пропуск.

Походы в лавку, где Эмили покупала молоко, яйца, хлеб, крупу, баранину или мясо кенгуру, а также кофе и чай, вносили в ее жизнь некоторое разнообразие.

Раз в несколько месяцев ссыльным разрешалось отсылать письмо на родину (разумеется, его проверяла цензура), но Эмили было не с кем переписываться. Она могла бы попытаться написать в приют, но едва ли ей бы ответили, к тому же она не хотела, чтобы кто-то знал о том, что у нее были дети. О матери она старалась не думать.

«Была», «были» — теперь она могла говорить о своей жизни только в пошедшем времени.

Однажды по дороге в лавку Эмили встретила Келли. Та очень хорошо выглядела; вместо арестантской одежды на ней красовалась юбка из синей саржи, ноги были обуты в кокетливые высокие ботинки. Узнав Эмили, она обрадовалась и разговорилась с ней.

Они шли рядом по широкой грязной дороге. Тротуаров не было, по обочинам тянулись водосточные канавы. Теплый послеполуденный ветер шелестел сухой травой. Откуда-то доносились ритмичные удары молотка.

— Если закрыть глаза, то можно подумать,

будто мы в Англии, — заметила Келли. — Или в какой-нибудь французской провинции, — добавила она, посмотрев на Эмили.

Та кивнула. Да, если закрыть глаза и не видеть каторжников в серых одеяниях, разбивавших камни, рывших канавы, тянувших повозки, и наблюдавших за ними солдат охраны. А еще — стройных, как колонны, эвкалиптов на холмах и сверкающей чаши моря.

— Как ты устроилась? — спросила Келли.

Эмили пожала плечами. Работа была не слишком трудной, кормили не хуже и не лучше, чем в тюрьме: безвкусный хлеб, спитый чай, жидкая похлебка, изредка — кусочек мяса кенгуру.

— Работая в таверне, я знаю все и обо всех, — сказала ее подруга. — Твой хозяин прежде сам был ссыльным, а его жена — дочкой прежнего губернатора! Скандальный брак — кто бы мог подумать! Он-то, конечно, женился на ней для того, чтобы получить свободу, да еще из-за денег. С годами миссис Даунинг превратилась в настоящую крысу. Хотя теперь ее муж богат, все же их не пускают в местное «высшее общество». Потому она ходит только в церковь и изнывает от скуки. Ему-то лучше: он работает, а еще *шляется*.

— Что? — переспросила Эмили.

— Гуляет с другими женщинами. Изменяет жене. К тебе он не приставал?

— Нет.

— И все-таки будь осторожна.

— А ты? — спросила Эмили. — Ты довольна?

Келли заливисто засмеялась.

— Я попала именно туда, куда хотела попасть! Я верчу мужчинами, как хочу, особенно после того, как налью им выпить, — разумеется, за их деньги! Вышибала из «Колонии» не позволяет им лапать меня, так что все пристойно и достойно. Чтобы быть привлекательной, я не ношу арестантской одежды: так распорядился хозяин.

— Тебе повезло, что на эту работу взяли именно тебя, а не свободную девушку, — заметила Эмили.

Келли фыркнула.

— Ни один местный мужчина, даже из самых бедных, не позволит своей жене или дочери работать в трактире, где полно мужчин! А вообще в Хобарт-тауне мало женщин, тем более красивых. Думаю, я освобожусь досрочно, выйдя замуж за свободного поселенца. Кое-кто уже есть на примете.

Они шли, болтая, пока Келли не заметила вдалеке нескольких мужчин в форме местной

уголовной полиции.

— Эмили, там патруль! Я нарочно пошла этой дорогой, здесь почти никогда не бывает полицейских.

— Да, я ни разу их не встречала.

У них не было возможности разминуться с патрулем: если бы полицейские заметили, что девушки, на одной из которых одежда каторжанки, сворачивают в сторону, они бы неминуемо начали их преследовать.

— Что же мне делать?! — взмолилась Келли. — У меня за поясом бутылка рома, которую я взяла в трактире. Как и всем заключенным, мне ничего не платят, а деньги нужны, вот я и несла ее на продажу! Хозяин всегда убирает выручку, ну а ром не спрячешь, вот я и таскаю его потихоньку. Если патруль найдет бутылку, то непременно расскажет ему об этом, и мне конец! Хозяин сказал, если я попытаюсь что-то украсть, он немедля отправит меня в здешнюю тюрьму! Знаешь, что там?! Одиночные камеры, кандалы, железный ошейник!

— Думаешь, нас обыщут?

— Конечно, да еще с каким удовольствием!

— Клади бутылку в мою корзину, на самое дно, — спокойно сказала Эмили. — Там много

продуктов; надеюсь, они не станут в ней рыться.

— А если найдут?! Тогда в дом для заключенных бросят *тебя!*

— Поверь, мне уже не будет хуже.

Загородив собой подругу, Келли сделала вид, что поправляет шнуровку на ботинке, а тем временем Эмили положила бутылку на дно корзины. После чего они продолжили путь.

Поравнявшись с девушками, патруль потребовал их предъявить пропуска. Проверив документы, один из полицейских спросил Эмили:

— Что в твоей корзине?

— Продукты, купленные для миссис Даунинг, моей хозяйки.

Она приподняла холст, и полицейский увидел зелень, хлеб и яйца.

— Не прячете ли вы чего под своими юбками? — развязно произнес он.

— Только то, что обычно бывает у девушек, — в тон ему ответила Келли.

Шлепнув ее по заду, командир патруля разрешил им продолжить путь.

— Дешево отделались, — промолвила Келли, переведя дыхание. Она посмотрела на Эмили: — Я у тебя в долгу. Буду рада, если когда-то смогу отплатить.

— Как ты думаешь, когда Ребекка гадает, она говорит правду? — задумчиво произнесла Эмили.

— Ее карты никогда не врут.

Вернувшись домой, Эмили разложила продукты, вернула хозяйке сдачу, а после спросила, что делать дальше.

— Я собираюсь в гости, — сказала миссис Даунинг, — вернусь поздно. Обратно меня проводят. Наведи порядок в доме и можешь отдохнуть. Никуда не отлучайся. Когда придет мистер Даунинг, подашь ему чай.

— Хорошо, мэм.

Поскольку мистер Даунинг долго не возвращался, она ушла в свою каморку и там легла на матрас. У нее не было никаких мыслей, она просто разглядывала унылые стены и вдыхала запахи сырой глины, земли, свежего тростника на крыше, гниющей воды в дренажной канаве, прорытой как раз возле стен ее каморки. Это бездумное состояние немного приглушало сердечную боль: Эмили погружалась в него всякий раз, как только предоставлялась возможность.

Хозяин явился, когда стемнело, и она не знала, вставать ли ей и выходить ли из своей комнаты. Пока она размышляла над этим, мистер Даунинг сам постучался к ней.

— Не спишь? Выйди подай мне чай.

Он никогда не называл Эмили по имени: это было не принято.

Пригладив волосы, она отправилась на кухню, где в этот час уже никого не было. Большой железный чайник оказался холодным, и Эмили разожгла огонь в большой плите, покрытой пятнами растопленного жира.

В дверном проеме появился мистер Даунинг. От него пахло лошадьми и спиртным. Вероятно, он провел вечер в трактире; возможно, даже в «Колонии», где работала Келли.

— Ты что, не могла сделать этого раньше? Ты меня не ждала?

— Простите, сэр.

Фраза была вполне уместной, а вот тон — холодным и отчужденным.

— Ты держишься, как монахиня, хотя на душе у тебя совсем не то. У тебя был возлюбленный? — развязно произнес мистер Даунинг.

— *Теперь* у меня ничего нет, — твердо ответила Эмили.

— Было бы, если б ты захотела, — сказал он и, сделав шаг вперед, прислонил молодую женщину к стене. — Мы сделаем это прямо здесь, или ты предпочитаешь пройти в спальню? Я

готов оказать тебе такую честь. Мне-то известно, каково быть свободным, а потом надеть на себя арестантские тряпки!

— Прошу вас! — Эмили пыталась оттолкнуть Даунинга, но он стоял, как стена. От его дыхания несло ромом и луком, а его руки были сильными и горячими. Он был способен согнуть Эмили, как тростинку.

— Мы могли бы скрашивать друг другу жизнь, эту проклятую жизнь в проклятом краю!

Краем глаза молодая женщина видела нож для резки мяса, висевший на стене как раз на уровне ее плеча. Когда хозяин, держа ее одной рукой, другой попытался задрать ей юбку, Эмили сделала вид, что покорилась.

Дрожа от отвращения, она ждала, когда он ослабит хватку. И едва это случилось, резко повернулась и схватила нож и ударила.

В тот миг ей было все равно, что с ней будет. Она должна была защититься любой ценой.

Даунинг отпрянул с пронзительным криком, а после молча смотрел, как по рубашке расползается кровавое пятно. Эмили не двигалась. Эти секунды длились, казалось, вечность, после чего она встретилась с ним взглядом и в тот же миг поняла, что будет делать дальше.

Даунинг пытался удержаться за стол, однако с громким стоном сполз на пол. Обойдя его, Эмили вышла из кухни. Ее мозг работал, как часы. Она не думала, что будет с хозяином, не собиралась оказывать ему помощь. Скоро придет жена и найдет его. А пока миссис Даунинг не вернулась, ей надо бежать.

Она прошла в хозяйскую спальню, где на вбитых в стену гвоздях, за небольшой ширмой висели платья хозяйки. Гардероб не отличался разнообразием; впрочем, у Эмили не было времени выбирать.

Быстро сбросив с себя одежду каторжницы, она облачилась в темно-синее платье и шляпку с полями и надела туфли. Возможно, если она пройдет по улицам в таком виде, патрулю не придет в голову ее останавливать, хотя и было достаточно поздно для того, чтобы порядочная женщина появлялась в поселке в одиночестве.

С другой стороны, Эмили не знала, куда идти. У нее не было никого, кто согласился бы ей помочь. Разве что Келли?

Остров простирался в длину и ширину примерно на двести миль, и половина этого пространства была покрыта зарослями, в которых скрывались чудом уцелевшие коренные жители. Эмили была

наслышана об их нелегкой участи: несчастных аборигенов не просто сгоняли с насиженных мест; случалось, белые охотились на них с собаками ради развлечения, как на диких животных.

Она шла мимо крытых тростником глинобитных коттеджей, возле входов в которые кое-где висели фонари. Напротив церкви стояло большое каменное здание — тюрьма, а возле нее возвышалась большая черная виселица. Эмили знала: здешний суд непременно решит, что именно там ей и место.

В другое время она сказала бы, что ей все равно, но сейчас в ней теплилась смутная надежда на то, что все будет так, как предсказала Ребекка. Она была готова прорваться сквозь пространство и время, пылала решимостью совершить невозможное.

Эмили знала: как только будет обнаружено, что она совершила, зазвенит колокол, звучавший всегда, когда сбегал кто-то из каторжников.

Она благополучно прошла мимо патруля; как и предполагала Эмили, полиция не стала останавливать прилично одетую женщину.

Ноги сами несли ее к «Колонии». У Келли была небольшая каморка при заведении, и Эмили надеялась, что подруга сможет спрятать ее до утра.

Она побоялась войти в таверну: там горел яркий свет и слышались громкие голоса.

Обойдя здание, она толкнула дверь кухни. Здесь тоже работали ссыльные. Она надеялась, что даже если они поймут, в чем дело, то не станут ее выдавать.

Две кухарки с удивлением уставились на хорошо одетую женщину Эмили не стала терять времени:

— Прошу, позовите Келли!

Та пришла почти через четверть часа. Она не сразу узнала Эмили, а, узнав, встревожилась:

— Что случилось?

— Я ранила мистера Даунинга. А возможно, убила, — спокойно сказала Эмили.

— Он приставал к тебе?

— Да.

Келли прикусила губу.

— Твои дела плохи. Что думаешь делать?

— Пока не знаю. Ты согласишься укрыть меня до утра?

— Попробую. Только если полиция явится в «Колонию», они непременно заглянут ко мне!

— Хорошо, я уйду.

— Нет, оставайся. Я у тебя в долгу, — сказала Келли и отвела Эмили в свою тесную комнатку.

— Как видишь, здесь негде спрятаться. Надеюсь, если придет полиция, я успею тебя предупредить.

Таверна гудела, подобно пчелиному улью. Из-за стены доносился звон посуды, гул голосов, хлопанье дверей. Эмили не знала, сколько прошло времени, когда раздался звон колокола, извещавший об опасности.

Почти тут же на пороге появилась Келли.

— Они идут сюда. Я знаю, как это бывает. Станут расспрашивать посетителей, не видел ли кто чего-либо или не слышал. И, конечно, обыщут все комнаты, а прежде всего — мою и других ссыльных.

— Что же мне делать? Куда идти?

— Беги на берег. Единственная возможность — спрятаться на каком-нибудь судне. Хотя рано или поздно полиция доберется и до кораблей. Скорее всего, они прикажут не выпускать суда из гавани, — сказала Келли, развязывая принесенный с собой узел. Там были кенгуровая куртка, парусиновые штаны и пара грубых башмаков. — Надень это. В своем платье и легких туфельках ты далеко не убежишь.

Поспешно переодевшись, Эмили расцеловала подругу.

— Желаю тебе стать первой женщиной, сбежавшей из Хобарта! — сказала та и протянула Эмили бутылку с ромом. — Глотни. Это придаст себе сил.

Днем береговая линия с лесом корабельных мачт была хорошо видна издали, но сейчас ее окутывал мрак. Небо казалось светлее земли: на нем можно было разглядеть и проходящее через зенит созвездие Ориона, и стоявшую над северным горизонтом Большую Медведицу, и Магеллановы Облака.

Эмили бежала, не оглядываясь, готовая в любую минуту услышать позади шаги людей и собачий лай. Кровь шумела у нее в ушах, как океанский прибой, и сердце гулко стучало в груди. Ей было жарко, и от бега, и от рома.

Вдоль берега колыхались фонари, над океаном висела яркая плоская луна, но здесь было пусто и тихо. Слышались только плеск волн да тихий шепот ветерка в зарослях у самой воды. Мореходы предпочитали проводить ночь в таверне, а не на борту своих кораблей.

В гавани было много судов, в том числе китобойные парусники, на которых служил сброд, какой никогда не взял бы на борт капитан приличного торгового судна. Попасть на такой парусник для

женщины было бы равносильно мучительной и позорной смерти.

Эмили искала судно, могущее стать раковиной, где она могла бы укрыться, как полинезийский бог, который несколько тысячелетий плавал по невидимому океану, познавая свою сущность, чтобы затем создать новый мир.

Приехав в Париж с Моаной, Морис Тайль не знал, смеяться ему или плакать. Сложности начались сразу, как только они высадились на материк. Моана в диком ужасе шарахалась от лошадей и ни за что не желала садиться в дилижанс. Она признавала единственный способ путешествия — морем, и чтобы доказать, что они никак не смогут добраться до Парижа по воде, Морису пришлось потратить немало времени.

Очутившись в столице, Моана задавала множество забавных вопросов. Например, каким образом парижанам удалось придать горам столь правильную форму, да еще так выдолбить их изнутри, что там появилась возможность жить. Морис постарался объяснить, что это вовсе не горы, а дома, построенные из камня, но, похоже, она не поверила.

Моана воспринимала город, как живой организм, растущий и меняющийся по своим законам,

а его обитатели представлялись ей персонажами некоего фантастического сна. Она говорила, что у Парижа непонятная душа и холодное сердце.

Она привыкла к теплу, а здесь дул холодный ветер, шли дожди. Она всю жизнь носила только юбку из тапы, а в Париже ей пришлось облачиться в неудобное, стесняющее движения платье. Хорошо еще, что Моана видела такую одежду на Эмили.

Она пыталась ловить знакомые звуки и образы. Так, уличный шум напоминал ей гул морской раковины, а мостовая казалась похожей на океанское ложе. Она удивлялась, почему в Париже так мало зелени и такое «узкое» небо. Впервые увидев снежинки, не могла поверить, что они неживые. А однажды Морис увидел, как она осторожно трогает травинку, пробивавшуюся меж камней тротуара.

Как-то раз он услышал истошный крик жены: Моана в ужасе забралась на кровать, увидев хозяйскую кошку.

Если она и выходила из дома, то только с мужем; при этом испуганно жалась к нему. Как бы сильно ее поведение ни забавляло и ни умиляло Тайля, он не мог не испытывать тревоги, ибо прежней Моаны больше не было. Вместо

жизнерадостной, гордой, смелой девушки рядом поселилось диковатое, забитое существо.

Она попала в мир, который могла открывать и познавать каждый день, но Морис видел, как сильно она тоскует, и начинал бояться того, что Моана постепенно зачахнет, как зачах бы под парижским небом любой экзотический цветок.

Он и сам скучал. Теперь у него вроде бы были деньги, но он не знал, на что их тратить, ибо все мечты оказались призрачными. Квартира, которую снял Тайль, была достаточно скромной: он не видел смысла в излишней роскоши. Моану не интересовали ни драгоценности, ни наряды. Двери в высшее общество для Мориса были закрыты, а пошлые интересы буржуа казались чуждыми его деятельной натуре.

В конце концов Тайль решил вернуться на военную службу. Вместе с тем в нем созрела мысль написать во все хоть как-то связанные с колониальной политикой ведомства и изложить свои соображения относительно действий губернатора и начальника гарнизона Маркизских островов. Это было вызвано не желанием отомстить, а жаждой справедливости.

А еще он собирался во что бы то ни стало найти свидетелей того, что происходило на Нуку-Хива и

Хива-Оа. Не прошло и двух недель со дня приезда в столицу, как он вплотную занялся всем этим.

На то, чтобы составить грамотное донесение инспекторам колоний, а также обнаружить следы Рене и Эмили, у капитана Тайля ушла уйма времени. Ему очень помогло письмо отца Гюильмара главе общества «Пикпюс», где очень четко излагались претензии к колониальным властям. Священник не побоялся перечислить имена всех виновных, хотя ему пришлось остаться на острове в окружении этих лиц.

К тому времени во Франции вновь сменилась власть, прежнее министерство было отправлено в отставку, и Тайль надеялся, что новое правительство подвергнет критике колониальную политику своих предшественников. В ожидании ответа на свои прошения он решил заняться поисками Рене Марена и его дочери.

Ему не было известно, где они живут, зато он помнил, что отец Эмили был членом Французского географического общества. Обратившись туда, он узнал адреса нескольких приятелей Рене, а затем — с величайшим изумлением и горечью — и все остальное.

Рене Марен трагически погиб, а его дочь с двумя новорожденными детьми уехала в Англию

к своей матери. Вне всякого сомнения, то были дети Атеа.

К большой удаче капитана, Эмили оставила другу своего отца, доктору Ромильи, адрес Элизабет Хорвуд. Выяснилось также, что именно этот человек принимал у молодой женщины роды.

— Красивые дети, — сказал мсье Ромильи, — будто бы с капелькой солнца в крови. Когда Рене Марен ушел из жизни, Эмили очень страдала. Много лет он был ее единственной опорой. Мне кажется, Рене погиб не случайно: ведь они разорились, да и его книга о Полинезии оказалась никому не нужна. Он был романтиком; к несчастью, жизнь не щадит таких людей. Возьмите адрес: что-то подсказывает мне, что Эмили не нашла в Англии того, что искала. Мы ведь даже не знали, что ее мать жива! Рене никогда не говорил об этой женщине.

Морис вернулся домой в глубокой задумчивости. Хотя едва ли Моана могла стать его советчиком в этом деле, он счел необходимым рассказать ей всю правду.

Как обычно, он застал жену сидящей в кресле-качалке. Хотя она смотрела в окно, Морис не был уверен в том, что она видит парижскую улицу. Скорее, море с весело скользящими по

нему лодками, бронзовые торсы гребцов, полные изящества и силы фигуры женщин на берегу — страну радости и красоты, словно бы находящуюся за пределами реальности.

Услышав про Рене, Эмили и детей, Моана пришла в величайшее возбуждение: кажется, впервые со дня приезда в Париж.

— Дети! Они погибнут в этом мире!

— Если рядом Эмили, с ними ничего не случится.

— Это наследники Атеа, они должны быть *там*, а не здесь.

— Ты уверена, что ему нужны эти дети?

— Ни один из наших мужчин никогда не откажется от своих детей!

— Но ведь Атеа отпустил Эмили. Лучше сказать — прогнал!

— Он, — Моана нахмурилась, вспоминая слово, которого не было в ее языке, — раскаивался в этом. Ни один арики никогда не жалеет о том, что сделал, но с Атеа было именно так. Он сам мне говорил.

— Ты считаешь, он хотел, чтобы Эмили вернулась?

— Да.

— У нас есть возможность отправить ее в Поли-

незию, — задумчиво произнес Морис. — К тому же, по сути, этот жемчуг принадлежит ей. Только вот где ее отыскать?!

Моана смотрела почти умоляюще.

— Там, куда она поехала.

— В Англии?

— Да. Я отправлюсь с тобой.

Морис покачал головой.

— Наш климат без того вреден для тебя, а это путешествие…

Моана вскочила с кресла, и на мгновение Морис увидел в ней прежнюю девушку, принадлежавшую народу, некогда поразившему его способностью быть счастливым, просто живя на свете.

— Нет, я поеду!

Он взял ее руки в свои. В ее глазах пылал прежний огонь, свойственный гордой и независимой натуре. Морис почувствовал, что сдается. Он был готов сделать для Моаны все, что она захочет. Пусть он не мог проникнуть в ее сердце, он желал, чтобы она пробудилась и стала такой, какой была прежде. Он больше не ждал от нее благодарности. В конце концов, он давно понял, что любимым надо служить бескорыстно.

Глава двадцатая

Патрик Тауб успел просидеть в таверне всего час, наслаждаясь полузабытыми картинами, внимая гулу пьяных голосов и жадно вдыхая тяжелый запах табака и спиртного, когда раздался звон колокола, извещавший о побеге кого-то из заключенных.

По спине Патрика пробежал холодок. Хотя прошло столько лет, этот звук все еще наводил на него ужас. Он помнил, как бежал к берегу, преследуемый солдатами и сворой псов, так хорошо, словно это случилось вчера.

Тауб рассчитывал провести в Хобарт-тауне несколько дней: насидеться в таверне, купить порох, ром, одежду, продукты и прочее. А главное — отыскать ту, которая согласилась бы разделить с ним жизнь на острове.

Сделав основные покупки, он зашел в «Колонию».

На стене таверны висела кенгуровая шкура, на длинном настиле из некрашеных досок выстроились в ряд бочки с вином и ромом. Посетители сидели за грубо сколоченными столами и толпи-

лись у стойки. Воздух в помещении был тяжелый и спертый, свет — мутный и тусклый.

Заведение выглядело неопрятным и убогим, однако Тауб чувствовал себя так, словно вернулся домой после долгого странствия.

Посетителей обслуживала кокетливая молодая особа с ярко-рыжими волосами. Патрик с удовольствием следил за ее ловкими, изящными движениями, улыбкой и игрой глаз.

Только он собрался с ней заговорить, как зазвучал проклятый колокол!

Когда на пороге «Колонии» появились фигуры в серо-голубой форме уголовной полиции, его настроение окончательно испортилось.

Если каторжник не будет пойман, полиция отдаст приказ обыскать все суда в гавани. Ни одно из *них* не выйдет в море без досмотра, потому что каждый знает, *что* в первую очередь делают беглые — пытаются тайком проникнуть на какой-нибудь корабль, чтобы уплыть с острова.

— Что сделал этот несчастный? — спросил он соседа.

— Говорят, тяжело ранил свободного поселенца. К тому же это не он, а она. Каторжница, женщина.

— Женщина?! — Патрик покачал головой. —

Далеко ей не уйти.

— Кто знает! Если попадет к китобоям, те ее не выдадут. Заберут с собой.

— Полагаю, сейчас будут арестованы все суда?

— Наверное. Пока не найдут преступницу, никто не поднимет якорь.

К счастью, полиция не стала проверять документы; они лишь осмотрели помещение и ушли. Но Патрик продолжал волноваться за свой баркас. В гавани Хобарт-тауна досмотры совершались и по менее значительному поводу, чем побег ссыльного.

Тауб не сомневался в том, что он все еще в розыске: такие дела не имеют срока давности.

В конце концов он встал и, кляня на чем свет стоит и полицию, и сбежавшую каторжницу, отправился на берег.

Запах сырой земли и близкого моря смешивался с ароматом перечной мяты, жимолости, коры камедных деревьев и свежего дерна. Горизонт тонул во мраке. Разнокалиберные суда покачивались на воде, будто огромные спящие животные.

Тауб решил не рисковать и уплыть, пока есть возможность. Всего час свободной жизни, и все из-за какой-то дряни, которой приспичило бежать! Если б она попалась ему сейчас, он при-

душил бы ее собственными руками!

Когда-то он был почти счастлив на своем острове, жил, не вдаваясь в размышления, не мечтая ни о других местах, ни об иной доле, желая просто выжить, но так уж устроен человек, что ему всегда и везде становится мало того, что он имеет!

Прошло время, и Патрик больше не ощущал себя живущим в раю. С каждым днем ему все больше казалось, что он находится в плену.

Радужная пена волн и вечное дыхание океана, палящее солнце и режущая глаза яркость зелени — как же ему это надоело!

Утро застало его в дурном настроении. Море искрилось солнечными зайчиками, на губах ощущался солоноватый привкус океанского воздуха. Пенные шапки на поверхности воды напоминали золотую сеть, а парящие в воздухе птицы раскинули крылья, как паруса.

Баркас мягко покачивался в объятиях океана. Вода была спокойной, ветер — попутным. Все предвещало удачное плавание, но только Патрика ничто не радовало.

Решив перекусить, он прошел на корму, где были свалены ящики с провиантом, который он успел закупить, и откинул прикрывавшую их старую парусину.

Увидев скорчившуюся между ящиков фигуру, он отпрянул от неожиданности. Мужчина?! Нет, женщина, в штанах и кенгуровой куртке. Растрепанные светлые волосы, отчаянно распахнутые, голубые, как небо, глаза, нежное лицо.

Насмерть перепуганная и донельзя утомленная, она все же была очень красива.

Патрик заметил, как она жадно втянула воздух, пахнувший солью и ветром, а потом съежилась, не зная, чего от него ожидать.

Ему пришлось подождать, пока к нему вернутся способность соображать и дар речи, после чего он выдавил:

— Вот так сюрприз!

То, чего он так желал, само пришло к нему в руки!

— Выходите. Вам нечего бояться.

Она медленно, осторожно поднялась, выпрямляя затекшие ноги. Патрик пожирал ее взглядом. Это было лучшее, на что он мог рассчитывать. Не какая-то грубая грязная поселянка, а утонченная дамочка! Он сразу решил держаться вежливо и почтительно, хотя и плохо знал, как это делается. Патрик вовсе не собирался набрасываться на нее. Он планировал неспешное обольщение, медленную осаду ее сердца. Он вдоволь нахлебался

покорности и страха, и теперь ему было нужно нечто другое.

— Я понял, кто вы. Вы правильно сделали, спрятавшись в моей лодке. Все суда на рейде наверняка арестованы, тогда как мы с вами уже находимся далеко от Тасмании, — сказал Патрик и добавил на всякий случай, если она не поняла: — Вы свободны.

Женщина молчала, и он угадывал в ее молчании недоверие. А еще он ощущал напряженность и отчаянную силу, заключенную в ее хрупком теле. Патрик не сомневался: стоит ему сделать неосторожное движение, и она бросится за борт!

— Я вас не трону. Я даже не буду спрашивать, за что вы убили человека. Позвольте лишь поинтересоваться вашим именем?

— Эмили Марен.

— Я — Патрик Тауб. Несколько лет назад я сбежал из Хобарт-тауна, как и вы. А прежде был моряком.

— Куда вы направляетесь?

— На остров, где я живу.

— Один? — осторожно спросила она.

— Да, если не считать чернокожих. Прежде у меня был белый компаньон, но мы не смогли ужиться, — ответил Патрик и спросил: — Вы,

наверное, голодны? У меня много хорошей еды. Ветчина, свежий хлеб. И, полагаю, вам не помешает глоток рома.

Эмили села на ящик. Когда Патрик развернул припасы, у нее, помимо воли, задрожали ноздри. Нарезав хлеб и мясо, он подал ей солидный ломоть. Он ел, запивая каждый кусок большим глотком рома, исподволь разглядывая свою нежданную спутницу и укрощая зверя, бушевавшего внутри. Пока ему удавалось это делать.

Эмили угадывала ход его мыслей, и ей становилось страшно. Капля беспокойства в душе ширилась и росла, превращаясь в море. Сделаться пленницей одного человека на маленьком острове куда хуже, чем быть ссыльной в Хобарт-тауне! Она не сможет ни освободиться, ни бежать.

Тем не менее она решила не подавать виду, что боится его или понимает, чего он от нее хочет.

А Патрик, вполне довольный собой, рассказывал о жизни на острове:

— Представьте, я один сумел наладить торговлю с заезжими купцами! Они знают меня и покупают то, что добывают темнокожие. Туземцы не представляют, что такое деньги, и ничего не понимают в торговле, чем я и пользуюсь. Я даже умудрился посадить на острове сахарный

тростник, тогда как мне говорили, что знаменитая австралийская «Шугар Рифайнинг Компани» только собирается его возделывать.

— Поблизости есть другие острова?

— Да, есть, и кое-какие из них даже заселены колонистами. Сейчас есть возможность заполучить самые ценные и плодородные участки земли фактически даром: за ящик джина, рулон ситца и всякие побрякушки, а то и просто пригрозив ружьем. Хотя большинство земель по-прежнему в руках туземных племен, в основном людоедов.

— Значит, к вашему острову причаливают корабли?

В похолодевшем взгляде Патрика промелькнула жестокая насмешка.

— Да, но исключительно по делу. Гостей я не приветствую. Моей единственной желанной гостьей будете только вы. У меня большой дом, я предоставлю вам комнату. И дам служанку из более-менее толковых чернокожих. Хотя по большому счету все они одинаковы. — Он махнул рукой. — Они не понимают, что такое «хорошо» или «плохо», «вчера» и «завтра». Жалкие создания. Хотя на вид они довольно разные. Туземцы с Тасмании — настоящие обезьяны, да и ума у них не больше. Мои тоже страшны, но хотя бы

что-то соображают. А вот у того парня, что недавно попал на мой остров, кожа намного светлее и мозги совсем другие. Я оставил его там за управляющего. Думаю, он справился. И все же, когда мы подойдем к острову, я оставлю вас на баркасе, а сам тем временем проверю, все ли в порядке в моих владениях.

Эмили слушала Патрика вполуха. Тревога в ее душе не утихала ни на секунду. Молодая женщина ощущала себя птицей, запутавшейся в рыболовных сетях. Все ее мысли были направлены на то, что она может сделать для того, чтобы спастись.

День неминуемо перешел в ночь. Тауб бросил якорь еще с наступлением сумерек, и Эмили вспомнила, как когда-то всю ночь плыла с Атеа под многозвездным небом, ослепительно-белым серпом луны и тускло освещенными облаками. Океан дышал красотой и покоем, граница между небом и сушей терялась во тьме, и мир казался волшебным.

Патрик устроился на носу, а Эмили — на корме. Она собиралась бодрствовать до утра, но вместо этого медленно погружалась в благословенное оцепенение и беспамятство.

Она очнулась от того, что ей почудилось, будто

над ней нависла какая-то глыба. Это был Тауб. Что он собирался сделать?! Страх взял Эмили за душу липкими лапами; ей почудилось, как внутри что-то оборвалось, и сердце ухнуло вниз, словно в глубокий колодец.

Она тотчас вскочила.

— Что вам нужно?!

— Я просто хотел проверить, хорошо ли вы укрыты. И еще… я забыл спросить: вы замужем, мисс Марен?

— К чему такие вопросы среди ночи? Какое это имеет значение? — ее голос прозвучал звонко и резко.

В прозрачных глазах Эмили плескался ужас. Но Патрик хотел вовсе не этого.

— В такой ситуации, наверное, никакого, — миролюбиво произнес он. — Спите спокойно, больше я вас не потревожу. И пусть вам приснится король, желающий сделать вас своей королевой!

Тауб в самом деле ушел и больше не появлялся. Назавтра и в последующие дни он вел себя весьма деликатно. А потом на горизонте появился *его* остров.

Покрытый горами и зеленью, издали он казался темно-зеленой спиной гигантского дракона.

Окаймленные мангровыми зарослями уютные бухточки были похожи на чаши, наполненные прозрачной водой.

Баркас неуклонно двигался к суше. Эмили слышала шелест ветра среди деревьев, плеск воды у скал, крики птиц, чувствовала запах тропических растений. Все это будило в ней мучительные воспоминания.

Берег замер в неподвижности. Остров напоминал необитаемую крепость из камней и деревьев.

О борт лодки, поднимая брызги, бились волны. Граница мелководья была помечена самодельными буйками. Эмили наблюдала за тем, как Патрик крепит концы и бросает якорь. Едва ли у нее хватило бы сил и умения вывести лодку в море, пока он отсутствует.

Она осталась в баркасе, а он отправился на берег.

Едва ступив на сушу, Тауб почувствовал: что-то произошло. Недаром было так тихо. Он всегда знал: тишина есть предвестник бури.

Возможно, пока его не было, на остров проникло враждебное племя? Или какой-то белый решил лишить его имущества и власти?

Когда из лабиринта мангровых зарослей вы-

нырнула черная фигура, Патрик едва не закричал. Он вскинул ружье, но тут же опустил его, узнав Теаки, одного из своих приближенных.

К удивлению Тауба, на лице туземца была написана радость.

— Ты вернулся, хозяин!

— А что, могло быть иначе? — резко произнес Патрик.

— Мы тебя ждали, — многозначительно промолвил Теаки.

— Я тронут. Что-то случилось?

— Да. Атеа, этот пришелец, подбивает людей в деревне восстать против тебя. Многие на его стороне.

— Вот паршивец! Стало быть, я пригрел на груди змею, — прошипел Патрик и тут же напустился на туземца: — А вы чего ждали? Не могли справиться с ним вчетвером?!

Теаки нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Мы не знаем, как это сделать. Мы его боимся. У него очень сильная мана.

Зубы Тауба лязгнули.

— Какая еще к дьяволу мана?

— То, что делает его роко-туи. Имеющий ману обычно умеет пользоваться ею и направлять ее

на все, что захочет. Она способна менять затишье на ветер, превращать солнечный свет во тьму, а огонь — в воду. Мана может приносить удачу и счастье или проклинать и губить.

Тауб увидел в глазах Теаки животный страх, страх слабого зверя перед сильным, добычи перед охотником. Он выругался сквозь зубы. Будь прокляты дикари с их простыми и вечными истинами!

— Он по-прежнему живет в моем доме?

— Да.

— Я уведу баркас за скалы. Постарайся сделать так, чтобы никто не узнал о моем возвращении. С приходом темноты подходите к дому. Возьмите ножи и веревки. И ждите меня.

— Да, хозяин, — в голосе Теаки прозвучала смесь сомнения с облегчением. — А ты справишься с ним?

— Не сомневайся. Мне наплевать на ману. Я не верю в колдовство. Лишь во внезапность нападения и силу оружия.

— Человек, обладающий маной, может знать то, что отделено расстоянием и временем.

— Ничего он не знает! Как он вообще сумел вас запугать?!

Вопрос остался без ответа. Патрик вернулся на

баркас, а Теаки — в деревню.

Эмили заметила, что Тауб взбешен, хотя он и старался не подавать вида.

— Что-то случилось? — не выдержав, спросила она.

— Ничего особенного, — процедил Патрик, — просто я лишний раз убедился в том, насколько неблагодарные твари эти дикари! Нам придется подождать до ночи.

Эмили молчала, не сводя с него глаз.

— Своим взглядом, мисс Марен, вы прожжете дыру у меня в груди! — усмехнулся Тауб.

И тогда она промолвила:

— Вы сможете посадить меня на какой-нибудь корабль, идущий к берегам Европы? Вы говорили, здесь проходит много судов.

— Не так уж и много, как вы думаете. К тому же моряки — грубый народ. Нетрудно представить, что они сделают с такой хорошенькой женщиной!

— На кораблях плавают и миссионеры, и торговцы.

— Эти тоже ненадежны. Трусливые и продажные. Лучше всего вам будет *у меня* и *со мной.* Вы же ссыльная, мисс Марен. Вам нельзя возвращаться в Европу. Да и зачем вам этот ад?

Оставайтесь в раю!

Эмили смертельно устала, ей невыносимо хотелось ступить на твердую землю. Патрик пытался поддерживать разговор, но она отвечала односложно.

Вечер тянулся медленно, однако темнота накрыла землю буквально в один миг. Недаром в тропиках говорят: «Ночь нельзя опередить».

Океан слился с горизонтом; над головой опрокинулось иссиня-черное небо с несметными скопищами звезд, небо, которое полинезийцы умели читать так, как европейцы читают книги.

Молодая женщина могла бы попытаться сбежать с баркаса и укрыться на острове, однако не решалась это сделать. Спутник Эмили считал, что здешние темнокожие жители стоят на низшей ступени развития, чем более светлые обитатели Маркизских островов. Она не знала, так ли это, однако в равной степени боялась и Тауба, и туземцев.

Вновь оставив ее одну, Патрик отправился на берег. Он загнал баркас в прибрежные заросли, где судно было невозможно разглядеть. Свернувшись клубочком на палубе, Эмили слушала ночь с ее вечным и мерным биением океанского сердца, звоном насекомых, треском ветвей и еще

какими-то далекими, непонятными и неясными звуками.

И где бы она ни находилась, ее разум всегда был в одном месте, а душа и сердце — в другом.

При всем желании Атеа не мог обходиться без сна, потому время от времени выставлял караул из наиболее надежных и смелых туземцев. Почти все они перешли на его сторону. Даже Нитао, Теаки, Маунуту и Калунга покорились ему. Или сделали вид, что покорились.

Атеа пока не решил, как действовать дальше. Можно было, обезвредив Патрика Тауба, когда он вернется обратно, остаться на *этом* острове. Или попробовать найти что-то еще.

Атеа не хотел иметь дела с европейцами, а они рано или поздно явятся сюда. Архипелаг огромен, здесь много уединенных островов, не столь интересных для белых, как этот, с возделанными тростниковыми полями.

Между тем таро растет в любом месте и уже через несколько месяцев даст урожай, а если повезет, то на любом, даже самом маленьком острове найдутся и хлебные деревья, и кокосовые пальмы. Вокруг рифа можно будет ловить рыбу, моллюсков и морских черепах.

Атеа спал, и ему снилось, будто он находится

на глубине океана, в его бессмертных объятиях, вдыхает его душу и постигает его сущность. Такие сны были очень полезны для усиления и восстановления маны.

Между тем Тауб с легкостью снял выставленный полинезийцем караул и приблизился к дому Атеа мог сколько угодно переманивать островитян на свою сторону, однако Патрик знал: стоит настоящему хозяину вернуться домой, как душами туземцев тут же овладеет нечто привычное — страх.

Собаки узнали его и не залаяли.

— Ты позволишь нам вымазаться в его крови и съесть его сердце? — возбужденно произнес Нитао.

— Я разрешу вам порезать его на куски, но для начала его надо поймать! — проворчал Тауб. — Вы приготовили веревки?

Он еще не решил, что делать с полинезийцем. Лучше не пугать «гостью» зрелищем крови, а сперва запереть Атеа в сарае из накрепко вырытых в землю столбов и жердей, куда Тауб прежде бросал ленивых и непокорных и держал их там сутками без воды и питья. Это строение давно пустовало, и Патрик не предполагал, что оно еще когда-нибудь понадобится.

Надо выбить из голов этих проклятых туземцев все мысли о том, что кто-то может быть сильнее его, Патрика Тауба!

Он не просто убьет проклятого полинезийца, а вдоволь поглумится над ним. Это станет хорошим уроком для всех островитян.

— Вы верите в ману, потому и боитесь ее. А по мне это просто сказки, — заявил он туземцам.

— Он может ходить по раскаленным углям — мы все это видели! — прошептал Теаки.

— А сейчас ты посмотришь, — проворчал Тауб, разматывая веревку с петлей на конце, — как белый человек охотится на диких зверей и непокорных рабов!

Дальнейшее напоминало сражение теней; во всяком случае именно так выглядело действие, происходящее в темном доме. Огромные черные тени долго и яростно боролись без крика и шума, пока не наступила полная тишина.

Вытерев потный лоб дрожащей рукой, Патрик выдохнул:

— Хорошо! Надеюсь, мы его не задушили. Заприте этого наглеца в сарае. Двое из вас останутся на страже; хотя я не думаю, что кому-то придет в голову его выручать.

— А когда мы сможем его убить?

Тауб нахмурился.

— Подождите! Со мной приехала белая женщина, я не хочу ее пугать.

Эмили с опаской ступила на новый берег. Ночь, опустившаяся на землю быстрее, чем падает театральный занавес, пугала ее. Что таит в себе неведомая жизнь, скрытая за прибрежными зарослями?

Патрик зажег факел и освещал ей путь.

— Здесь есть все, что нужно для жизни, — сказал он. — Мне не хватало только вас.

«Не слишком ли ты спешишь?» — подумала она.

При подходе к дому их встретила свора лающих собак. Тауб отогнал их.

— Они не злые. Только пугают, — заметил он. — Прежде я, случалось, натравливал их на туземцев, но теперь в этом нет необходимости: все местные у меня в кулаке.

— Чем вы кормите животных?

— Рыбой; с мясом тут плоховато. А еще, бывает, скармливаю стае их же сородичей — больных или старых.

Эмили содрогнулась.

— Откуда у вас собаки? — спросила она, помня, что на Маркизских островах их не было.

— У одного торговца был щенок, я упросил продать его мне. А через некоторое время мне удалось приобрести второго — другого пола. — Он усмехнулся. — Ной не был дураком! — И, искоса глядя на Эмили, добавил: — Лишь я один остался без пары, а стало быть, без потомства. Между тем мне есть что оставить детям!

Дом оказался простым, но довольно просторным и удобным. Здесь было множество полезных европейцу вещей и привычной мебели.

Кровать оказалась только одна, и Тауб галантно уступил ее даме.

— Сам я лягу в соседней комнате. Отдыхайте спокойно. Здесь есть москитная сетка, так что вас никто не потревожит. А завтра я покажу вам свои владения.

Эмили было неприятно ложиться в его постель, и она попыталась возразить, но Патрик не хотел слушать.

— Я постелю простыни из чистого льна. Я хранил их, как величайшую драгоценность!

— Я могу лечь на циновке.

— Зачем? Я хочу, чтоб вам было удобно. Надеюсь, простыни не успеют испачкаться до первой брачной ночи?

Он рассмеялся, а Эмили сделала вид, что не

заметила и не оценила его шутки.

Она поняла, что нынешней ночью может быть спокойна. Чего нельзя сказать о последующих.

Глава двадцать первая

Море нежно лизало подножия скал, лес дышал прохладой, а на небе не было видно ни облачка. Как ни странно, это утро принесло Эмили новые надежды и силы. Она решила принять приглашение Тауба обойти его владения. Надо постараться как следует запомнить местность, чтобы в случае малейшей возможности попытаться бежать.

Для начала она осмотрела дом. И стол, и стулья, и кровати были плетеными, но вдоль стен шли деревянные полки, на которых лежала уйма вещей: жестяные коробки и банки с чаем, табаком и порохом, инструменты и мотки веревок. В доме обнаружился даже таз и эмалированный кувшин для умывания, а также целый ящик твердого, как камень, желтого мыла. Не было только женских платьев.

— Ничего, — сказал Патрик, — по моему заказу первая же торговая шхуна привезет вам целый гардероб. Хотя, признаться, даже в этой одежде вы выглядите красавицей.

И Эмили тут же подумала о том, что станет делать Тауб, когда в бухту войдет какое-либо судно:

запрет ее в доме, привяжет к дереву?

Деревня уже проснулась. По земле стелились волны дыма. Между хижин бегали голые дети. Темнокожие, обнаженные до пояса женщины с шапкой курчавых волос на голове помешивали над кострами какое-то варево: судя по всему, здесь не было земляных печей, как в Полинезии. Мужчины с ножами в руках собирались на работу.

Завидев Эмили, туземцы прерывали свои занятия и молча глазели на нее. Наверняка многие не понимали, мужчина она или женщина. Возможно, они вообще никогда не видели белых женщин.

— Ими легко управлять, потому что они верят во всякую ерунду, — заметил Патрик. — Впрочем, иногда это также здорово мешает, ибо если туземец что-то вбил себе в голову, так это не выбить и палкой!

Он показал Эмили аккуратно засеянные поля и подробно объяснил все особенности выращивания тростника.

— На самом деле я очень богатый человек, — сказал он. — Правда, судьба посмеялась надо мной, поскольку здесь просто не на что тратить деньги.

— Почему бы вам не вернуться в Европу?

— Потому что там меня никто не ждет. Кроме разве что госпожи виселицы. К тому же я уже привык к этому райскому месту. Собственно, единственное, чего мне не хватало, так это смысла жизни. Так же, как и ее спутницы, которой будут принадлежать все мои лавры.

— Боюсь, мистер Тауб, я не гожусь на эту роль, — твердо произнесла Эмили.

Он ухмыльнулся.

— Я не рассчитывал на скорое согласие. Поверьте, я умею ждать.

Когда Эмили сказала, что устала, Патрик повел ее домой. Они шли другой дорогой, по лесу, и молодая женщина не переставала удивляться его разнообразию и суете. Щебетали и порхали птицы, кричали попугаи, трещали обезьяны, жужжали пчелы. А великолепные бабочки медленно порхали в воздухе или неподвижно сидели на ветках, напоминая диковинные цветы.

И все же если снаружи царил веселый шум и яркие краски, то внутри ее души и сердца застыла звенящая серая тишина. Неотвязная память о прошлом не давала Эмили ни мгновенья покоя и света.

При подходе к дому Патрик сказал:

— Вы пока отдохните, а я займусь моим пленником. Туземцем, который меня предал.

— Он единственный, кто вас не побоялся?

Тауб скривил губы.

— Я уже говорил, что он не из местных. Каким-то чудом приплыл из Полинезии.

У Эмили дрогнуло сердце.

— Я могу на него посмотреть?

— Зачем?

— Вы собираетесь его убить?

— Пока не знаю, — уклончиво произнес Тауб. — Я еще не решил.

— И все же позвольте мне на него взглянуть.

— Хорошо. — Патрик ухмыльнулся. — Желание женщины — для меня закон!

Прямо за домом была выстроена большая прочная клетка. Возле нее сидел темнокожий охранник, который уставился на Эмили так, будто она была невесть знает какой диковинкой. Патрик небрежно махнул на него рукой.

— Иди, Калунга! Я тебя позову.

Эмили пригляделась: в клетке сидел человек. Хотя он опустил голову и не двигался, молодой женщине было неловко оттого, что она смотрит на него сквозь решетку, словно на дикого зверя.

Ему и впрямь были присущи звериные изя-

щество и гибкость. От него исходило ощущение чего-то величественного и пугающе таинственного, как от неведомого идола.

В тот миг, когда ее разума коснулась невероятная догадка, он поднял на нее глаза, взгляд которых, казалось, был способен погасить пламя.

Еще в детстве Эмили слышала, как отец говорил, что его мечта — изобрести, нет, не эликсир бессмертия, а средство, помогающее человеку перемещаться сквозь расстояния и время.

Сейчас ей чудилось, будто она каким-то чудом вышла за пределы возможного, воскресила реальность прежней жизни. На несколько секунд у нее перестало биться сердце, то самое сердце, которое почти раздавили колеса судьбы. А когда Эмили вновь почувствовала его удары, она поняла, что в мире что-то изменилось. Нечто мерцающее в дали, нереальное внезапно обрело плоть и кровь.

Вот она, невероятная и нежданная встреча с Атеа! То, что она вновь увидит и своих детей, стало определенным и неизбежным. Эмили не знала, как это случится. Главное, она в это верила. Верила, что истинные чудеса творятся на длинном пути через тернии к звездам. Впервые за долгое время она бесстрашно обратила свой

взор в будущее.

На мгновение молодая женщина позволила себе окунуться в темные глубины глаз Атеа. Он был ошеломлен до крайности, хотя куда больше нее верил в волшебство. В его взгляде были и радость, и непонимание, и мука.

Несмотря на то, что он прогнал ее и отверг, Эмили вновь ощутила ту непостижимо глубокую связь, какая существовала между ними на Хива-Оа.

Не Атеа разрушил их счастье. Это сделал не он, а белые люди. Боги. Судьба.

Патрик что-то говорил, и усилием воли Эмили заставила себя сосредоточиться.

В это мгновение Атеа вскочил и бросился к решетке. Он пытался сломать ее, он рвался на волю, беснуясь, словно заключенный в неволю хищник. Тауб отпрянул, тогда как Эмили взглядом умоляла Атеа успокоиться и не выдавать себя.

Но когда Патрик навел на пленника ружье, она не выдержала: оттолкнула ствол и взволнованно проговорила:

— Прошу вас, не убивайте этого человека! Позвольте ему сесть в лодку и покинуть остров!

На лице Тауба появился недоверчивый и злобный прищур. Он почувствовал нечто странное,

то, чего он не понимал, не мог объяснить, но чего не должно было быть.

— Я не такой добрый, как вам кажется. И с какой это стати он вот так сразу запал вам в душу? Это обыкновенный дикарь, да к тому же бунтовщик! Он сбежал со своего острова, где за ним тоже охотились, и приплыл сюда. Я мог бы пристрелить его, а вместо этого дал ему кров и даже сделал своим помощником. В благодарность он принялся настраивать местных против меня. Он хотел меня убить и занять мое место!

Сказав это, он буквально потащил ее за собой. Эмили старалась не оглядываться. Они с Патриком говорили по-английски, и она не знала, что подумал и понял Атеа. Каким чудом она попала на этот остров? Что связывает ее с Таубом?

Она должна попытаться его освободить. Только как?

Мана есть та невидимая сила, что вызывает все, превосходящее человеческое понятие о правильном течении природы и жизни. Она не просто присутствует в чем-то, а неизбежно ведет к переменам. А еще — позволяет читать сердца и души людей, как раскрытую книгу.

Атеа не знал и даже не догадывался, как Эмили очутилась на этом острове, однако он сразу понял,

что между ними до сих пор существует то, что он некогда так безжалостно оборвал. И еще он увидел, что она, так же, как и он, — пленница Тауба.

Ночью его охранник заснул, но Атеа знал, что ни один из жителей деревни не осмелится прийти ему на помощь. Если бы у него был хотя бы нож! Увы, даже самая сильная мана неспособна разрушить крепкие стены или распилить оковы.

Потому он очень обрадовался, увидев Паки. Пес стоял по ту сторону решетки, тихо виляя хвостом и глядя на хозяина с тем молчаливым обожанием, на которое способны только собаки.

— Паки, нож! Принеси мне нож! — прошептал Атеа, но пес его не понимал.

Зато он знал слово «тихо», а потому не лаял.

Вскоре Атеа пришло в голову попытаться сделать подкоп. Начав рыть землю, он едва не вскрикнул от изумления, потому что Паки стал делать то же самое с внешней стороны. Они действовали почти бесшумно, а Калунга спал крепко, и Атеа надеялся выбраться из клетки до утра.

Желание вновь увидеть Эмили придало ему сил. Молодому человеку удалось расшатать и выломать жерди, и он пролез в отверстие. Паки прыгал и бесновался от восторга.

Атеа ничего не стоило скрутить и связать Ка-

лунгу, после чего он прокрался к дому. Там было темно и тихо.

Он знал, в какой комнате спит Патрик, как знал, что тот всегда кладет рядом ружье. Наверное, Атеа сумел бы опередить его: выхватить у него оружие, может быть, даже пристрелить Тауба. Но сейчас он не мог на это решиться. Прежде надо было поговорить с Эмили.

Она спала в соседней комнате. Атеа разглядел ее силуэт; застывший в лунном свете, он казался почти невесомым. Изящные плечи, нежная шея, плавный изгиб талии.

На мгновение молодому человеку почудилось, что если он коснется Эмили, то она исчезнет, растает.

Он еле слышно прошептал:

— Эмалаи!

Она вскочила так быстро, словно ждала его прихода. Она лежала одетая, и ей всего лишь пришлось надеть на ноги башмаки.

Атеа ничего не сказал, просто схватил ее за руку и повлек за собой.

Он не знал, куда они бегут и что с ними будет, потому, немного поколебавшись, привязал Паки во дворе.

Они бежали, ныряя под нависшими лианами и

перепрыгивая через поваленные стволы. Лес был темным, зато небо над головой искрило звездами так, что казалось, будто для мрака не остается места.

Когда они очутились достаточно далеко от дома Патрика, им пришлось остановиться. Эмили запыхалась и не могла больше бежать.

Она медленно опустилась на траву. Атеа присел рядом.

— Это чудо, что ты… вернулась, — нерешительно произнес он.

— Да. Но лучше б этого не было.

— Эмалаи, я…

— Нет! — прервала она, и ее лицо исказила мука. — У нас мало времени, и мы не знаем, что нас ждет, потому сперва *я* скажу то, что должна сказать о самом главном, что тебе надо услышать. Я отправилась в это путешествие не по своей воле. И я никогда не думала, что встречусь с тобой. Я считала, что тебя больше нет в моей жизни. — С трудом переведя дыхание, она неожиданно промолвила: — Почему прежде, чем прогнать меня, ты спросил, не беременна ли я? Ты помнишь об этом?

Глаза Атеа горели, как в лихорадке, а губы слегка подергивались.

— Я помню каждое *слово.* Дело в том, что если б ты носила ребенка, совет племени не смог бы тебя прогнать. В сына вождя вселяется дух-покровитель народа.

— А в дочь?

— В девочках нет божественной сути, но их тоже почитают и ценят.

Эмили смотрела не на Атеа, а куда-то во мрак, в пустоту, а быть может, в свою душу.

— Когда я приехала в Европу, у меня родились дети.

Атеа вскочил на ноги.

— Дети?!

— Мальчик и девочка. Твои сын и дочь. Маноа и Ивеа.

Она не видела его лица, но ей казалось, будто она чувствует каждым нервом, как содрогается его тело и корчится душа. Эмили ощутила странную радость. Атеа всегда желал жить вольной жизнью, подчиняясь лишь собственным желаниям, а отнюдь не прихоти судьбы. Он гордился своей независимостью. Пусть же теперь и он попадет в этот плен!

— Где они?!

— Остались там, по ту сторону земли. Меня обвинили в краже жемчужины, неизвестно каким

образом оказавшейся среди моих вещей, и бросили в тюрьму. Потом сослали на остров Тасмания, откуда я сбежала, спрятавшись на корабле Патрика Тауба, — сказала Эмили и, помолчав, добавила: — С тех пор, как у меня отняли моих детей, мне казалось, что я медленно умираю. Таких мучений не испытаешь даже в аду.

— И во всем виноват я!

— Мне неважно, виноват ли в этом ты или кто-то другой. Главное, чтобы они были живы.

Атеа смотрел на нее со страстной тоской и непреодолимым страданием.

— Они живы, живы, Эмалаи! Больше того, мы их найдем.

Она горько усмехнулась.

— В Англии?

— Не знаю. Быть может, судьба принесет их сюда на своих крыльях. На свете нет ничего невозможного. Мир уже перевернулся с ног на голову. И перевернется еще раз. Теперь я это знаю.

Прошло много времени, прежде чем Эмили ответила:

— Не понимаю, почему, но… мне тоже так кажется.

Он помог ей встать, и они пошли дальше молча, думая каждый о своем и вместе с тем — об одном

и том же.

— А где Рене? — через какое-то время спросил Атеа.

— Мой отец погиб. Почти сразу после того, как я родила ему внуков.

Эмили коротко рассказала, как это произошло, потом — о том, как отправилась в Англию на поиски матери и что ей пришлось пережить.

— Отец утратил главное, ради чего жил, — добавила она. — Его книга о Полинезии оказалась никому не нужной, и денег на путешествия больше не было.

— Я тоже все потерял, — сказал Атеа. — Я уже не арики. Долгое время скрывался в горах, а потом пришлось сдаться. Мне помогли, и я сбежал. На этот остров, как и ты, я попал совершенно случайно. Хотя теперь мне кажется, что таких случайностей не бывает.

Эмили искоса смотрела на своего бывшего возлюбленного. Она была уверена в том, что все произошедшее наложило на нее неизгладимый след, тогда как Атеа выглядел точно так же, как прежде. Отмеченный печатью божественного совершенства, красивый, гибкий и сильный. Только глаза у него стали другими.

Да еще на шее вместо ожерелья из акульих

зубов висело нечто другое.

— Ты согласился носить крест?

— Отец Гюильмар сказал, что это нужно для моего спасения.

— А где твое ожерелье?

— Я отдал его Каапааy за убитую акулу, — сказал Атеа и добавил: — Я не собираюсь отказываться от своих богов. И вместе с тем согласен принять твоего. В конце концов, они говорят одно и то же: в человеке живет душа, а тайну его жизни откроет лишь его смерть.

Идти по ночному лесу было небезопасно, и вскоре они нашли укромное место неподалеку от берега, где решили дождаться утра.

Океан не спал даже ночью. Он вставал прозрачной стеной по другую сторону рифа, оглашая тьму своим вечным шумом. Воду озаряло слабое фосфоресцирующее сияние, отчего гребни волн отливали серебром. Волшебство возвращалось: Эмили снова видела и чувствовала красоту природы и жизни.

С неба падала звезда. Молодая женщина проследила за ней взглядом. Она знала, что, согласно полинезийской вере, это духи, изгнанные с Небес и пересекающие ночное пространство в поисках нового пристанища.

Словно прочитав ее мысли, Атеа сказал:

— Вот увидишь, наши дети будут с нами. У них тоже есть мана. А еще она также присутствует вокруг нас, мы находимся в ней, словно в коконе. Человек может делать что-то с помощью маны, но когда начинают действовать ее собственные силы, тогда происходят настоящие чудеса.

— То же самое мне нагадала одна женщина. Ты веришь в гадание?

— Да, — ответил Атеа, а после промолвил: — Скажи, Эмалаи, ты сможешь меня простить?

— Арики никогда не просят прощения.

— Я прошу. И уже просил. У Моаны.

— Вы помирились?

— Она спасла меня, после чего мы смешали кровь, чтобы породниться. Теперь Моана моя сестра. Так что ты ответишь?

Подумав о том, что нет никакого смысла лишний раз мучить его и себя, Эмили промолвила:

— Что бы я ни хотела тебе сказать, мое сердце решило за меня. Я ни на миг не переставала тебя любить. Даже когда желала возненавидеть.

— Тогда, в крепости, за меня говорили злые силы. Я начал страдать сразу после того, как ты ушла. Глядя на волны, я видел тебя. Слыша крики птиц, вспоминал твой голос. Ты уехала и вместе

с тем осталась во мне. Я не знал тебя, но я тебя сразу понял. Ты стала моей с первого мига, как я на тебя взглянул, а я стал твоим. Все остальное было ложью.

— Я тоже постоянно думала о Полинезии. И о тебе, хотя эти мысли причиняли мне боль.

— Значит, ты меня прощаешь?

— Прощаю.

Он облегченно и радостно улыбнулся.

— Давай разведем костер, иначе мы будем съедены заживо.

Он добыл огонь так, как это делали его предки до появления европейцев: путем трения камня о камень.

Сначала Атеа дул на угли, а затем ворошил их веткой до тех пор, пока в воздухе не затанцевало высокое пламя. Они рисковали — костер могли увидеть! — но, с другой стороны, дым хотя бы немного отгонял кишащих в воздухе насекомых.

— Позволь мне обнять тебя?

Эмили никогда не слышала, чтобы Атеа говорил столь нерешительно и мягко, даже застенчиво. И когда она коротко кивнула, он не просто обнял ее, а закрыл своим крепким горячим телом от всего, что было вокруг, от жестокого, непредсказуемого, безумного мира.

Эмили почувствовала, что он желает не взять от нее что-то, а напротив — отдать, подарить. Свою уверенность, свою любовь, свою силу.

Проникающий сквозь ветви лунный свет обводил его фигуру серебристыми линиями и сиял в глубине темных глаз. То была почти нереальная, чувственная и вместе с тем земная красота. Поцелуи Атеа заглушали голос разума, и Эмили ощущала то, о чем почти позабыла. Она вновь очутилась в Океании, в колыбели своей мечты, и ничего другого вокруг просто не было.

Когда, не говоря ни слова, Атеа осторожно овладел ею, она не воспротивилась, потому что поняла, что тоже этого хочет. Они вновь были вместе, спаянные, соединенные навсегда.

Эмили никогда не думала, что это снова случится с нею; во всяком случае, по доброй воле. Они любили друг друга так бережно и нежно, словно боялись что-то разбить, и вместе с тем в их медленных и глубоких движениях была затаенная жадность. То был ритм жизни, естества, ритм вечности. Потерянная и в то же время так долго хранимая любовь друг к другу разливалась по их телам подобно волнам, и они не могли насытиться ею.

Утомившись, Эмили блаженно закрыла глаза,

погружаясь в теплую и плотную, словно бархат, тьму. Руки Атеа обвивались вокруг нее, как лианы, он прижимался к ней всем телом, и ей доставляло неизмеримое удовольствие ощущать его вожделение и его защиту.

Рядом с ним она чувствовала себя до боли живой и удивительно сильной.

— В твоей жизни появлялись другие женщины? — спросила Эмили.

— Нет. Мне было не до женщин. К тому же я все равно бы не захотел и не смог владеть другими. В моей любви к тебе присутствует мана. Это не просто порывы тела, в ней есть душа. Такое не променяешь ни на что другое. Говоря по-вашему, любовь, благословленная Богом. Когда я предал ее, то потерял все. Но теперь утраченное вернется. Я уверен в этом.

Они ничуть не удивились, заслышав голоса и различив за завесой плотно переплетенных деревьев движущиеся человеческие фигуры. Лес сверкал огнями: в руках людей были факелы из сухих веток кокосовой пальмы.

Впереди бежала собака. Заметив хозяина, она с радостным визгом замахала хвостом, а потом сунула в руку Атеа холодный и мокрый нос.

— Паки! — сокрушенно произнес он и поднялся

на ноги.

У них с Эмили не было никакого оружия. А если б они бросились бежать, Тауб наверняка бы начал стрелять им в спину.

Эмили приложила к щекам похолодевшие ладони. Несмотря на все пережитое, она никогда не думала, что конец ее любовной истории будет написан кровью.

— Ничего, — спокойно произнес Атеа, — сразимся немного раньше, чем я предполагал.

— Он просто убьет тебя! — простонала Эмили.

Тауб стоял в окружении туземцев. Здесь была не только приближенная к нему четверка, но и другие жители деревни.

— А ты не так уж умен! — зловеще рассмеялся Патрик. — Твой пес привел меня к тебе! И теперь ты никуда не денешься, потому что я твердо решил тебя прикончить.

— Отпустите Атеа! — воскликнула Эмили. — Я сделаю все, чего вы хотите.

— Конечно, сделаешь! — грубо заявил Тауб, с которого мигом слетела вся галантность. — Ты должна быть счастлива, если я соглашусь взять тебя после дикаря.

— Он роко-туи, — нерешительно произнес кто-то.

Патрик Тауб лязгнул зубами.

— И что с того? Я уже застрелил одного вождя. Убью и второго.

Когда он поднял ружье и прицелился, Атеа спокойно сказал:

— Оно не выстрелит.

Тауб расхохотался.

— Оно выстрелит, потому что оно заряжено!

Атеа сделал шаг вперед. Эмили дрожала всем телом и вместе с тем не могла сдвинуться с места. Она была не в состоянии объяснить, что происходит. Она видела, что Атеа верит в свои слова. Он позволил мане увлечь его за собой, быть им, быть… всем. Хотя, по большому счету, сейчас Эмили понимала только одно: ее разум, разум белой женщины, не в состоянии постичь происхождение и могущество тех сил, что питали веру Атеа.

Патрик нажал на курок. Раздался щелчок, но выстрела не последовало. Он повторил, и вновь ничего не случилось. Тогда он в ярости стиснул ружье руками, будто желая переломить его, словно палку.

По толпе туземцев пронесся всеобщий вздох, напоминавший порыв сильного ветра, а потом наступила тишина. Было слышно лишь потрескивание пламени факелов в их руках.

— Брось его. Оно не будет стрелять. Я предлагаю сразиться по-честному, так, как это делают благородные воины.

Мгновенно сжав его запястье, Атеа не дал Патрику выхватить нож. Блеснув лезвием, оружие упало в траву.

Тауб был полон злобы, Атеа — с виду холоден и тверд, как камень, хотя в его душе разгоралось пламя. То была борьба на пределе сил, схватка даже не двух людей, а разных миров. В Атеа не чувствовалось ожесточения, только напряженная сосредоточенность. Вместе с тем в нем угадывалось нечто отталкивающее, непостижимое, страшное. Его противник посягал на многое. На что не дано посягать ни одному смертному, даже если он белый. А возможно, именно поэтому.

Самое главное в любом бою — нанести решающий удар. Однако в этот миг, когда полинезиец был готов сразить своего противника, Маунуту, один из преданной Патрику четверки, поднял большой камень и занес его над головой Атеа.

Не зная, что делать, Эмили схватила несколько минут назад казавшееся совершенно бесполезным ружье, вскинула его и нажала на курок. Она стреляла впервые в жизни и потому промахнулась: пуля угодила не в Маунуту, а в Патрика

Тауба. Однако от неожиданности и страха туземец выронил камень и тут же был сбит с ног кулаком Атеа.

Тауб был мертв, он умер сразу, потому что пуля попала ему прямо в сердце. Такие выстрелы всегда бывают случайными, хотя, возможно, то был тот самый случай, о каком говорил Атеа.

Когда он взглянул на Эмили, она прочла в его глазах *все.* Настоящий мужчина готов жертвовать собой, сражаться, побеждать и умирать ради тех, кого любит. И женщина не была бы женщиной, если б, иногда сама того не желая, не подчиняла себе мечты, гордыню, тело и душу существа противоположного пола. Тем более если это женщина, родившая ему детей. Ружье в руках Патрика Тауба в самом деле не могло выстрелить, а Атеа не мог умереть. Потому что он был нужен ей и их детям.

Словно во сне, Эмили услышала чей-то вопрос:

— Ты согласен стать нашим роко-туи?

Вероятно, для Атеа это прозвучало точно так же, потому что он ответил после долгой паузы:

— Я не могу быть вашим вождем, потому что принадлежу к другому народу.

— Это неважно. Белый хотел взять власть силой, а мы отдаем тебе ее добровольно в награду

за то, что ты избавил нас от него.

— Хорошо, я согласен быть роко-туи. Только не здесь. Я найду другой остров. Кто поедет со мной?

Сперва вперед вышел один человек, потом еще несколько. Иные решили сразу, другие раздумывали.

— Мне нужны ваши лодки, — сказал Атеа, — а также ружья, инструменты и некоторый запас воды и продуктов из дома белого.

— Ружья, которые не стреляют? — с жалкой улыбкой спросил Маунуту. В этот миг он напоминал пса, поджавшего хвост.

— В моих руках они выстрелят.

Эмили увидела, как туземцы один за другим поворачиваются и уходят. Наверное, они понимали, что им с Атеа нужно побыть вдвоем. Он обнял ее, и она прошептала:

— Я убила человека!

— Ты плачешь поэтому? — спросил Атеа, посмотрев в ее лицо и увидев, что ее глаза застилают слезы.

— Нет. Оттого, что, несмотря ни на что, мы все же остались живы.

— Мы будем жить и дальше, только совсем по-другому.

Он оказался прав. Настало время перемен. Прежде для островитян единственным известным им миром был тот, в котором они жили. Бесконечным и непознаваемым казался только океан. Но отныне все изменилось.

Вместе с Атеа и Эмили на поиски новой родины отправилось больше половины деревни. Женщин уговаривали Аматуку и ее мать. Мужчины решали сами, собравшись в кружок и обсуждая, насколько сильна мана нового вождя и является ли препятствием то, что он иного рода и племени.

Кто-то из стариков вспомнил, что еще прежде слыхал, что сюда приплывали люди не с черной, а с золотистой кожей. Это было задолго до того, как здесь появились белые. Но они никогда не оставались на этих островах, а всегда следовали дальше.

Можно быть незнатным и бедным и вместе с тем жить в полной гармонии с окружающим миром — это не было секретом ни для полинезийца, ни для фиджийцев. День, когда несколько лодок, на носу одной из которых сидел гордый Паки, мягко врезалось в песок неведомого острова, стал переломным моментом в их судьбе.

Атеа знал, что жизнь в новом месте будет

сложной. Пока не вырастет таро, им придется довольствоваться фруктами и рыбой, к тому же могут возникнуть проблемы с пресной водой. Надо было построить жилища, сплести сети и соорудить ловушки для морских обитателей, а кроме того, тщательно исследовать остров.

Старикам и детям поручили самое немудреное дело: собирать кокосовые орехи. Женщины и девушки взялись за плетение циновок и корзин, мужчины — за постройку хижин.

Лагуна — основной источник жизни — оказалась глубокой и чистой, а остров — довольно большим и богатым дарами природы. Пассы — каналы, соединяющие океан с внутренними водами лагуны, — буквально кишели трепангами, морскими черепахами и рыбой.

Эмили ни разу не слышала, чтобы фиджийцы пожаловались на тяжелые условия и беспрестанный труд. Именно так они и жили, пока белые не пришли на их острова, чтобы оторвать их от натурального хозяйства и нарушить традиционный уклад.

Хотя, на первый взгляд, все складывалось на редкость удачно, Эмили не переставала грустить. Пробуждаясь от лучей яркого тропического солнца, океанского гула и шепота деревьев, мысленно

она всегда возвращалась в туманный Лондон. Она знала, что Атеа посадил две кокосовые пальмы и назвал их Маноа и Ивеа: так делали члены его племени на Хива-Оа. Он пытался расспрашивать ее о детях, но она не могла говорить: это было слишком больно.

Однажды Эмили сказала:

— Ты их не видел, не держал на руках, не ощущал их тепла, не смотрел им в глаза. А я — да. Я не могу жить в ожидании чуда: с каждым днем моя вера убывает, и я чувствую, как вновь отдаляюсь от них.

— Я знаю, — ответил Атеа, — надо что-то делать. И я даже знаю, что. Я уже выбрал деревья, которые предстоит срубить для постройки корабля. Мы соорудим большое прочное судно, на котором можно преодолевать огромные расстояния, и отправимся на Нуку-Хива. Пришла пора навестить настоящую родину.

— Но это опасно! Тебя могут схватить.

— Мы будет осторожны. Высадимся на берег поздним вечером или ночью. Поговорим с отцом Гюильмаром. Возможно, он сообщит нам что-то новое или подскажет, что нужно сделать.

Постройка судна продолжалась несколько месяцев. Атеа тщательно выбрал деревья, пред-

назначенные для выделки различных частей судна, внимательно осмотрел топоры и тесла. Он же прочел все положенные молитвы богу Тане, а после некоторых колебаний помолился и христианскому Господу.

Под его руководством мужчины и женщины плели веревки из волокна кокосовой кожуры для соединения досок. День изо дня Эмили наблюдала, как судно оснащается мачтами, веслами, каменными якорями и парусами, сшитыми из плетеных циновок.

Корабль вождя было положено окрасить в красный цвет смесью глины и древесного угля. Не доверяя столь важное дело рядовым членам племени, Атеа собственноручно скрепил балансир с лодкой и приладил рулевое весло. По его мнению, такое судно могло выдержать полсотни человек. Оставалось дать ему имя.

Важнейшие части судна были названы мужскими именами. Но сам корабль получил имя «Эмалаи».

Глава двадцать вторая

Много дней Морису Тайлю чудилось, что от Моаны остался лишь призрак, дух, не имеющий ничего общего с прежним живым человеком из плоти и крови. Теперь же ему начало казаться, что она медленно возрождается.

Она больше не уносилась в недостижимые дали, она была здесь, рядом с ним, и думала не о прошлом, а о том, что видела сейчас. В той черной бездне, где Моана пребывала последние месяцы, появилось пятно света, лучик надежды.

Она смотрела на здания, многие из которых казались выше облаков, на крыши, сверкавшие, словно лед на вершинах гор, на серебристую ленту Темзы, на гудящую, словно улей, толпу. Моана нашла город красивым, но пожаловалась, что он плохо пахнет.

Ее насыщенное нездешней свежестью, упрятанное в непривычную и неудобную одежду тело двигалось с прежней грацией и гибкостью. Видя, как лондонцы провожают его спутницу взглядами, Морис испытывал уже не неловкость, а гордость.

Он провез Моану по улицам в открытой карете (она была поражена тем, что солнце мчалось по небу за ними, то появляясь, то исчезая за фасадами зданий), завел ее в кафе и пришел в восторг от того, что ей понравился ростбиф и ячменный хлеб. А потом они отправились на поиски Элизабет Хорвуд.

Морис был уверен в том, что если им удастся ее найти, они непременно увидят и Эмили.

При встрече с миссис Хорвуд Тайль испытал определенные трудности: он плохо говорил по-английски. К счастью, поняв, что перед ней француз, Элизабет перешла на его родной язык.

Хотя миссис Хорвуд выглядела слегка встревоженной, похоже, она не догадывалась, что привело в ее дом эту странную пару. Услышав имя Эмили Марен, она сперва смешалась, а после приняла неприступный вид.

— Я не знакома с этой дамой.

— Ее имя ничего вам не говорит?

— Нет.

— А Рене Марен? Вы его знали? Вы когда-нибудь были во Франции?

— Не была. И такой господин мне неизвестен.

Морис переступил с ноги на ногу Элизабет Хорвуд говорила спокойно, но в глубине ее души

угадывалось тщательно взнузданное нетерпение. Она не приглашала их с Моаной в дом, она ждала, когда они уйдут. Тайлю казалось, что Эмили и Элизабет очень похожи, но возможно, он ошибался?

Видя, что женщина собирается закрыть дверь, он заговорил сбивчиво и горячо:

— Поймите, все это очень важно для меня… для нас. Ради этого мы приехали в Лондон из Парижа. Вы видите, что моя жена не белая, она полинезийка. Она слишком долго была больна и стала приходить в себя только благодаря этой поездке. Все, чего мы хотим, это увидеть женщину, чье имя я вам назвал, и ее детей. Кроме вас, нам не к кому обратиться. Прошу, скажите, где Эмили. Если с ней что-то случилось, мы постараемся ей помочь.

Морис видел, что Моана нервничает. Наверняка она мало что поняла из их разговора с Элизабет, однако он знал о ее способности воспринимать смысл незнакомых слов неким внутренним чутьем, по интонации человека, по выражению его лица.

— К сожалению, я ничего не знаю.

Когда миссис Хорвуд произнесла эти слова, в ее душе будто что-то захлопнулось. И тогда Моана

выступила вперед.

Казалось, в ее душе всколыхнулось пламя, и она разразилась потоком слов, странных, непонятных слов, напоминавших древние заклинания.

Она словно боролась с могучей и темной силой, взывала к неведомым духам. Ее лицо исказилось от напряжения, а речь была полна искренности, отчаяния и невыносимой боли.

Моана говорила так быстро и горячо, что Морис ничего не понял. Вместе с тем он видел, как ее порыв подействовал на Элизабет. Ему казалось, что мать Эмили не может сдвинуться с места. Каким-то чудом Моане удалось потревожить, разрушить, разломать то, что казалось твердыней.

Миссис Хорвуд поднесла руки к лицу, словно для защиты. Она старалась говорить спокойно, но ее голос дрожал:

— Скажите этой женщине, чтобы она замолчала! Я все равно не понимаю, что она говорит. Вы не сможете увидеть Эмили, и вы ей ничем не поможете. Ее приговорили к каторжным работам.

Морис покачнулся от неожиданности.

— Когда?! За… что?!

— Это случилось больше года назад. Насколько мне известно, она пыталась украсть жемчуг в семье, где работала гувернанткой.

— И вы верите в это?!

— Верю я или нет, это ничего не изменит.

— А ее дети?

— Их отправили в приют.

— Вы не захотели взять их к себе?

— Я не могла.

— Но ведь Эмили ваша дочь! Вы не приняли ее? Вы ее прогнали?

На лице Элизабет появились красные пятна.

— Мне было трудно объяснить все это ей и еще труднее — вам. Я живу в мире, где любое нарушение равновесия и привычного ритма приводит к краху. Так получилось, что я оплакала Эмили много лет назад и сейчас не смогла воскресить ее в своем сердце.

— И тогда вы решили втоптать ее в землю.

— Это сделала не я. Да она и сама не святая. Женщина с двумя незаконнорожденными младенцами…

— В каком приюте они находятся? — перебил Тайль.

— Я назову вам адрес. Я… я дала немного денег для их содержания.

Морис не удержался от усмешки.

— Вы очень щедры.

Когда они отошли от дома Элизабет, он передал

Моане содержание их разговора. Моана хотела немедленно ехать в приют, и Морис остановил кеб.

— Что ты ей сказала? — спросил он жену, когда экипаж с грохотом тащился по мостовой.

Она повернулась к нему. Возможно, кто-то сказал бы, что эти таинственные нездешние глаза полны угрозы и мрака, но Морис видел в них только непонимание обиженного ребенка.

— Я рассказала ей о том, что со мной произошло, я спросила ее, может ли она объяснить, отчего белые люди так жестоки?!

Сердце Мориса опалило горячей волной. Они никогда не говорили об этом. Это было слишком больно.

Вот и сейчас его горло сдавило мучительное чувство. Наклонившись, Морис поцеловал руки Моаны — он сделал это больше для того, чтобы спрятать свое лицо.

— Значит, нам не спасти Эмалаи? — задумчиво спросила она.

— Боюсь, что нет. Главное, чтобы были живы ее дети, — ответил он, ломая голову над тем, что делать с малышами, мать которых находится в ссылке, а отец, возможно, мертв.

В вестибюле приюта было холодно. Большое

голое пространство тускло освещалось газовыми рожками. Толкнув скрипучую дверь, Морис и Моана стали подниматься по лестнице. Спертый воздух был пропитан кухонными запахами. Сверху доносились детский плач и приглушенные женские голоса.

Хотя здесь царила нищета, было довольно чисто. На решетчатых окнах висели белые занавески.

Навстречу посетителям вышла высокая дама с нездоровым желтоватым цветом лица, в шерстяном черном платье с белым крахмальным воротничком. На ее шее висело монашеское украшение с распятием.

Морис порадовался, что на Моане не красное бархатное платье, которое она больше всего любила носить (оно удивительно шло к ее диковатой и вместе с тем царственной красоте), а лиловое с высоким воротом, отделанным узким черным кантом.

— Я мисс Хамфри, начальница приюта, — промолвила дама.

К счастью, в приюте нашлась сестра, знавшая французский, и Морис сумел рассказать, кто они и зачем пришли.

— Дети здесь, — сказала мисс Хамфри. — Та-

кие малыши нередко умирают, но некое лицо, пожелавшее остаться неизвестным, оплачивало кормилицу, и потому они выжили. Вы хотите взглянуть на них?

— Да, — ответил Морис.

Он и сам не знал, почему что-то замерло у него внутри: ведь дети Эмили фактически были для него чужими. Или он готовился увидеть нечто необычное?

В большом помещении стоял такой шум, что Морису сразу захотелось убежать подальше. Кто-то капризничал, кто-то плакал. Несколько девочек постарше, в коричневых платьях, длинных холщовых передниках и башмаках с жестяными пряжками, возились с малышами.

Моана вцепилась в его рукав, и он обнял ее за плечи.

— Вот они, — показала сестра, говорившая по-французски.

Девочка сидела на коленях у одной из старших воспитанниц, и та кормила ее овсянкой. Мальчик ползал по полу, застеленному старым ковром.

— Они тут одни такие. Это наши любимцы. Старшие девочки их обожают.

Сестра взяла Иветту на руки, а потом опустила на пол рядом с братом.

Мальчик и девочка были очень похожи. Морис видел, что они унаследовали золотистую кожу и большие, темные, блестящие глаза Атеа, отчего взгляд обоих казался внимательным, глубоким, недетским.

Моана склонилась над детьми, заговорив на своем языке, с полной уверенностью, что они поймут все, что она им скажет. И тогда Морис увидел то, что желал увидеть со дня приезда в Европу: Моана окончательно ожила, очнулась от сна, в котором пребывала все это время. Дети Эмили и Атеа мгновенно стали центром ее нового мира.

Когда она взглянула на Мориса, он заметил в ее лице такой поразительный отсвет любви и нежности, какого ему еще не доводилось видеть. Он сразу понял, что Моана не допустит и мысли о том, чтобы оставить детей в приюте.

— Вы знаете, как они здесь очутились, что стало с их матерью? — спросил он мисс Хамфри.

— К сожалению, да. А об отце нам ничего не известно.

— Она познакомилась с ним на островах Полинезии. Потом ей, к несчастью, пришлось уехать. Я там служил, и моя жена тоже оттуда. Ввиду сложившихся обстоятельств мы бы хотели забрать мальчика и девочку.

— Усыновить? — уточнила мисс Хамфри.

— Да, если это возможно, — просто ответил Тайль.

— Но вы француз…

— Эмили Марен тоже была подданной Франции, — заметил Морис и добавил: — Если вы мне поможете, я сделаю большое пожертвование вашему приюту.

— Я постараюсь. Возможно, вам не откажут.

Ему с трудом удалось увести Моану из приюта. Когда они приехали в гостиницу, Морис ненадолго вышел, чтобы купить какой-нибудь еды, а вернувшись, увидел, что Моана стоит возле окна и смотрит на город: на оазисы света, отбрасываемого уличными фонарями, на темное небо, где не было ни единой звезды.

— Я давно хотела спросить: если здесь всегда такое пасмурное небо, как люди отыскивают свой путь? — не оборачиваясь, спросила она.

— Никак. Так и блуждают во мраке, — ответил Морис.

Он подошел к ней и встал рядом. Наверняка окружающие люди видели в Моане только дикарку, не догадываясь о свойственном ей тончайшем восприятии мира. Сокровенное знание, которым она владела, не требовало никаких сознательных

усилий. Она угадывала натуру людей, чувствовала атмосферу городов.

Европейцы жили разумом. Они почти всегда взвешивали последствия своих поступков, старались управлять желаниями. А Моана была другой. И если она принимала решения, то считала их единственно правильными.

— Мы должны поехать на мою родину. Нам надо вернуть Атеа его детей, а племени — наследников их вождя.

— Но Атеа больше не арики. Да и жив ли он? К тому же я не уверен, что мне удастся вновь получить назначение в Полинезию. Конечно, я могу написать прошение, но они рассматриваются долго. И в первую очередь, нам нужно забрать детей из приюта.

Она встрепенулась.

— Ты сделаешь это?

Морис усмехнулся.

— Ты знаешь, что ради тебя я готов разрезать на куски свое сердце!

— Зачем? Оно нужно мне целым.

— Оно принадлежит тебе.

Неожиданно Моана положила руки ему на плечи. Она смотрела на него каким-то новым взглядом. Так, будто хотела вобрать его в себя.

А еще — наконец понять то, чего не понимала прежде.

Она была так красива, что у него защемило сердце. И вдруг до Мориса дошло, что он снова видит перед собой не существо, нуждавшееся в защите и опеке, а сильную и гордую дочь вождя. И вместе с тем больше она не жила отдельной жизнью. Она была с ним.

— Мне кажется, я все-таки знаю, что такое любовь. Это когда ты можешь сделать для человека что-то такое, чего никогда бы не совершил для кого-то другого, — сказала Моана.

— Вопреки всему, — прошептал Морис.

— Да, вопреки всему.

Не в силах противостоять почти сверхъестественной тяге, он осторожно взял ее лицо в ладони и прижался губами к губам. К его неожиданности и восторгу — они раскрылись, как цветок, и тогда, затаив дыхание, Морис принялся ласкать ее.

Моана не отстранилась. Ее тело, как и прежде, отзывалось на его прикосновения.

Морису казалось, будто пол плывет под ногами, а в нем самом ширится и пульсирует что-то древнее и темное.

После столь долгого перерыва это напомнило

ему их первую ночь. Того, что случилось с Моаной, не было. Это произошло когда-то давно в страшном сне.

Его тело нашло приют внутри ее тела. Ее шелковистые волосы напоминали водоросли. Ее полные губы, казалось, распухли от поцелуев. Она выглядела удовлетворенной, расслабленной и вместе с тем полной неистощимого желания.

Морис погружался в чувственные глубины наслаждения, как в океан. Он сотню раз умирал и рождался заново. Он никогда не думал, что такое будет возможно здесь, в *этих* широтах, под *этими* небесами.

Глава двадцать третья

Напоенная запахами соли и планктона бескрайняя стихия околдовывала, притягивала, манила. В ней был не только хаос, но и какая-то особая непостижимая упорядоченность, а в неумолчном раскатистом океанском гуле угадывался особый смысл. Это был голос вечности. Здесь притуплялось все, даже чувство утраты самого дорогого.

Вскоре Эмили потеряла счет времени. Атеа каждый день завязывал на веревке по узелку. К концу путешествия узелков было так много, что, казалось, их невозможно сосчитать.

Розовое платье, сшитое Эмили из ткани, найденной в доме Патрика Тауба, выгорело до белизны. Солнце высветлило ее волосы, а кожа, напротив, потемнела и обветрилась. Руки и ноги покрылись мелкими язвочками и трещинками от соленой воды, глаза покраснели и слезились от постоянно дующего резкого ветра.

Атеа уверенно вел судно по курсу, выстаивая подряд по три-четыре вахты, тогда как остальные члены команды регулярно отдыхали (он

взял с собой лишь самых выносливых и сильных мужчин). Питались грубой мукой из высушенного и смолотого пандануса, печеными плодами хлебного дерева, сушеными трепангами и свежепойманной рыбой. Самым страшным было остаться без пресной воды, потому пить приходилось понемногу. На пути часто встречались атоллы, поднятые над уровнем моря всего на десять — двадцать футов, но на них не было ни источников, ни съедобных растений, ни животных.

Атеа опасался приближаться к большим островам и высаживаться на них, и вскоре Эмили казалось, что она уже никогда не почувствует под ногами твердую землю.

Когда в вышине появлялся странный белесый след, похожий на след ангельских крыльев или некоего призрачного корабля, Атеа говорил, что это бог Тане указывает им путь.

Днем океан ласкал взор зеленой прохладой, по ночам был расцвечен отражением звезд, однако Эмили уже не могла восхищаться его красотой. Когда вдали показались очертания Нуку-Хива, она не поверила своим глазам. И вместо ожидаемой радости на нее вновь обрушилось гнетущее чувство утраты.

Они вошли в гавань в сумерках и сошли на берег с наступлением ночи. Атеа хорошо помнил дорогу к дому священника. К счастью, на пути никого не встретилось, а маленький домик по-прежнему выглядел обитаемым: на окнах трепетали занавески, во дворе сушилось белье.

Эмили подумала о том, в каком ужасном виде ей придется предстать перед отцом Гюильмаром, но другого выхода не было. Если им повезет, они смогут вымыться в пресной воде только утром.

Они принесли с собой столь сильный запах моря, что священник, открывший им дверь, невольно отшатнулся. Отец Гюильмар сразу узнал Атеа, но он никак не ожидал увидеть Эмили.

— Входите же! — выдохнул он после долгой паузы. — Не беспокойтесь, вы в безопасности.

Со дня первого визита Эмили в дом священника здесь все осталось прежним. Почему-то это немного успокоило молодую женщину. Если что-то в мире не меняется, это уже хорошо.

— Пути Господни неисповедимы! — перекрестившись, произнес отец Гюильмар. — Откуда вы?!

Эмили решила говорить начистоту. В конце концов, этот человек никогда не желал ей зла.

— Полагаю, с островов Фиджи. А туда я прибыла с Тасмании, с каторжного поселения Хобарт-таун.

— Не может быть! Вы — женщина — преодолели такое расстояние!

— Я не думала о трудностях, потому что давно поняла: душевные страдания куда тяжелее физических, — ответила Эмили, проведя рукой по своим слипшимся от морской соли волосам. — И потом я была всего лишь пассажиркой, а судно вел Атеа.

— Не я, а бог Тане. Он же помог мне построить корабль, — серьезно заметил полинезиец.

— Разве наш Господь не направлял твои действия? — строго произнес отец Гюильмар, указав на крест на шее Атеа.

— Что он понимает в наших судах? Правда, на всякий случай я просил его помочь Эмалаи вынести это путешествие. Хотя ее должен был охранять сам корабль, названный ее именем!

Священник только вздохнул в ответ. Проживший на Нуку-Хива больше десятка лет, он знал, что как ни трудно убить полинезийских богов, впустить в души полинезийцев христианство еще сложнее. И едва ли когда-то воля миссионера станет для них сродни Божьей воле.

— Сейчас я дам вам воды, — сказал он, — а еще лучше — чаю. Сесилия уже спит, но в кладовке есть еда.

Опустившись на стул, молодая женщина закрыла глаза, перед которыми все еще вставали белопенные буруны и нестерпимо сверкало солнце. Внезапно она почувствовала страшную слабость. Тело терзала тупая боль, как будто ее кто-то избил, кости ныли, а в висках пульсировала кровь.

— Я рад, что вы благополучно добрались до Нуку-Хива, — заметил отец Гюильмар, вернувшись в комнату. — Полагаю, вам есть что рассказать.

— Думаю, Эмалаи должна лечь. Она поговорит с вами утром.

— Нет-нет! — ответила молодая женщина, подняв тяжелые веки. — Все это слишком важно, так что лучше начать сейчас.

— Пожалуй. Я могу представить, что произошло с Атеа, но вы, мадемуазель Марен… Кстати, у меня есть хорошая новость. Вы можете ходить по острову совершенно спокойно. Прежний губернатор покинул Нуку-Хива, его место занял мсье Лаво. Он производит впечатление здравомыслящего и справедливого человека. Менкье тоже отозвали на материк, а новый начальник гарнизона еще

не прибыл. Не думаю, что в этом сыграли роль многочисленные письма, которые я отсылал во Францию, скорее, очередная смена правительства, — сказал отец Гюильмар, разливая чай.

Глотнув горячей, сладкой, бодрящей влаги, Эмили немного пришла в себя и принялась говорить.

Священник слушал, не прерывая. Временами по его лицу пробегала тень, и он то и дело судорожно переплетал пальцы.

— Мне кажется, я не смогла как следует защитить ни себя, ни своих детей, — сказала Эмили в конце своего рассказа.

— Вы неправы! — быстро ответил отец Гюильмар. — Вовсе нет! В моих глазах вы не жертва, а упрямая мужественная женщина. Мне очень жаль ваших детей и вашего отца. Однако полагаю, все как-нибудь устроится. Положитесь на милосердие Господа. И я тоже постараюсь вам помочь.

Пока Эмили говорила, Атеа не проронил ни слова. Он не двигался и имел мрачный, потерянный вид. А еще священник увидел в глубине его темных глаз то, чего там никогда не было прежде: раскаяние и стыд.

— Вижу, тебе, Атеа, тоже пришлось нелегко, —

доброжелательно произнес отец Гюильмар.

— Я спасал только себя, — резко проговорил полинезиец, после чего спросил: — Что творится на Хива-Оа? Там по-прежнему распоряжается тот француз?

— Если ты имеешь в виду Мориса Тайля, то он повел себя несколько неожиданно. Он отказался от своего поста и, сочетавшись с Моаной христианским браком, уехал во Францию.

— Морис женился на Моане?! — удивилась Эмили.

— Да.

— Думаю, теперь нет никаких препятствий для того, чтобы вы обвенчали и нас с Эмалаи, отец Гюильмар? — с непривычной кротостью произнес Атеа.

Священник повернулся к молодой женщине.

— Вы хотите этого?

И она просто ответила:

— Да.

— Хорошо. Через несколько дней. А сейчас вам необходимо отдохнуть.

— Я вернусь на судно, — сказал Атеа. — Там остались люди, которых я взял с собой.

— Можешь привести их в мой двор. Я вынесу циновки. Завтра Сесилия приготовит побольше

еды, а сейчас они хотя бы напьются воды.

Утром перед Эмили предстал все тот же праздник изобилия с широкими шатрами листвы, с просвечивающими сквозь толщу бирюзовых вод коралловыми гротами и благоухающими диковинными цветами.

Они с Атеа отправились к источнику. Эмили сняла с себя платье, не опасаясь, что ее кто-то увидит. Она думала о том, что в этих краях ни в наготе, ни в любви нет ничего запретного, постыдного или тайного. Сейчас для нее гораздо труднее было бы обнажить свою душу.

Вода была хрустально-прозрачной, звенящей. Падая с высоты, она образовывала внизу несколько заводей, на поверхности которых плавали глянцевые листья и яркие лепестки цветов и вскипали похожие на жемчужины пузырьки.

Погрузившись почти по шею, Эмили яростно терла тело и полоскала волосы, пока они не начали скрипеть под руками. По ее загорелой коже молниями пробегали солнечные блики, а глаза казались почти прозрачными.

Она не ждала того, что на ее душу снизойдет спокойствие, но это произошло, и она искренне наслаждалась свежестью воды, своей чистотой и близостью Атеа.

Завернувшись в данное Сесилией яркое покрывало, Эмили ступила на прохладную траву. Ее ноги ласкала земля, а волосы перебирал ветер. Она ощущала себя очень легкой, почти невесомой.

— Ты обманываешь отца Гюильмара, я это знаю, — сказала Эмили, когда они шли обратно, крепко взявшись за руки. — Ты веришь в своих богов, а не в нашего.

— Что плохого в том, что я не желаю предавать себя? — спокойно произнес Атеа. — В глубине души каждый из нас знает, во что должен верить.

— Я верю в то, что должна верить, но… не до конца, — вздохнула Эмили.

Атеа понял, что она имеет в виду.

— Каждое последующее мгновение нашей жизни для нас загадка, хотя мы и думаем, будто знаем все наперед. Могла ли ты предположить, что случится с тобой после отплытия с Хива-Оа? Та жемчужина не зря оказалась в твоих вещах. Ты должна была вернуться сюда. И это произошло.

В виду особых обстоятельств Эмили не хотела устраивать торжества. Атеа соглашался с ней, хотя он не мог понять, как можно обойтись без традиционных венков и гирлянд. За их плетение взялись полинезийские прихожанки, а Сесилия

подарила Эмили шляпу из тростникового волокна, украшенную ракушками и цветами, которую молодая женщина с благодарностью приняла.

Отец Гюильмар не возражал против венков и гирлянд, потому что с этим, как он давно понял, было невозможно бороться. Однако он настоял на том, чтобы жених облачился в европейскую одежду. Священник понемногу старался одевать местных мужчин в холщовые штаны и рубахи, хотя и не был уверен в том, что это способно как-то повлиять на образ их мыслей. Женщины почти поголовно были замотаны в кричаще-яркие покрывала, которые великолепно гармонировали с их черными волосами, зато скрывали изящные формы их тел.

В результате свадебная процессия представляла собой волнующее и странное зрелище. Кое-кто напоминал героев ярмарочного балагана, другие вопреки всему сохраняли природное достоинство.

На полуголых темнокожих фиджийцев полинезийцы таращились не меньше, чем прежде — на белых пришельцев. Во время венчания и те и другие туземцы куда больше думали о двух зажаренных в земляной печи свиных тушах, чем о том, что говорил отец Гюильмар.

Атеа тоже втайне размышлял о чем-то своем, и только Эмили внимательно слушала священника, пытаясь внушить себе, что в конце концов ее потухший очаг оживет, а душа наполнится новым светом.

Когда они вышли из темной прохладной церкви на слепящее солнце, отец Гюильмар забеспокоился. Со стороны резиденции губернатора двигалась группа белых. Из предосторожности Атеа отвел свое судно за мыс, но сейчас европейцев могли привлечь люди с необычным для Маркизских островов цветом кожи.

На рейде царило необычайное оживление. По воде бежала частая серебристая рябь. В Танохое входила большая шхуна, могущая доставить как новые товары, так и важных пассажиров. На ее мачте реял французский флаг.

К своему удивлению, Эмили заметила среди белых мужчин женщину, одетую по французской моде, с кружевным зонтиком в руках. Священник сказал, что это жена нового губернатора.

— Очень приятная дама. Мне придется подойти и поздороваться с ними.

Как и ожидал отец Гюильмар, темнокожие люди вызвали в свите губернатора любопытство, а кое у кого и тревогу.

— Они неопасны, — успокоил священник. — Это гости на свадьбе моих прихожан.

Поймав взгляд белой женщины, Эмили сочла нужным приблизиться. К сожалению, она не успела посоветоваться с Атеа, но времени на размышления не было. С одной стороны, это знакомство могло им повредить, но с другой — оказаться невероятно полезным. Все зависело от того, каких взглядов придерживаются губернатор и его супруга.

Священник представил свою гостью:

— Это Эмили Марен, дочь известного путешественника Рене Марена.

Мужчины во главе с губернатором поклонились, а его жена протянула Эмили руку. Это была миловидная женщина лет тридцати.

— Шарлотта Лаво. Это ваша свадьба? Поздравляю! — поискав взглядом предполагаемого супруга Эмили и не найдя, она добавила: — Кажется, пока мы с вами единственные белые женщины на этом острове. Думаю, нам предстоит много дел.

— Не знаю, останусь ли я здесь. Мой муж…

Эмили оглянулась на Атеа, который неподвижно стоял в своем красном венке и с белой гирляндой на шее. Как и всегда, в нем ощущалась

мощная энергия, замершая и вместе с тем готовая выплеснуться наружу. Выражение его лица было гордым и строгим, но не надменным.

В глазах супруги губернатора промелькнуло изумление, но она тут же овладела собой.

— Нам будет приятно познакомиться с вашим мужем, — сказала она и оглянулась на *своего* супруга. — Не правда ли, дорогой?

Благородный лоб губернатора прорезала морщинка. Сделав шаг вперед, он слегка наклонил голову, но руки не протянул: как догадалась Эмили, не потому, что счел это недостойным своего положения, а просто поняв, что Атеа не ответит на рукопожатие.

— Вы вождь с Хива-Оа? Я слышал вашу историю. Вы пока что не собираетесь покидать Нуку-Хива? Если нет, прошу пожаловать в мой дом, скажем, завтра. Мы могли бы поговорить. А сегодня мне предстоит встреча с новым начальником гарнизона.

Сказав это, губернатор поспешил на причал, потому что пассажиры шхуны успели сесть в шлюпки и теперь приближались к берегу.

Поняв, что им не грозит опасность, новобрачные вместе с отцом Гюильмаром задержались на берегу. Эмили хотелось поговорить о новом

губернаторе, но потом ее внимание привлекло нечто необычное, и она умолкла, устремив взгляд на прибрежные воды.

На носу первой шлюпки стояла женщина в европейской одежде. Однако она не была белой, ее тело навек опалило тропическое солнце, а глаза были темны, как ночной океан. Куда проще было представить ее обнаженной до бедер, с волнующими холмами грудей, прикрытых только бусами из ракушек или цветочной гирляндой, да волною волос.

Ее фигура выражала такое нетерпение и готовность, что казалось, она готова броситься в воду и достичь берега вплавь, но ей мешал ребенок, которого она держала на руках. Рядом стоял мужчина, тоже с ребенком; возможно, ее муж, хотя он был европейцем, французом в военной форме.

— Морис Тайль! Моана! — прошептала Эмили.

А эти дети… Внезапно ее душу охватило предчувствие, в которое она отказывалась верить. У нее задрожали колени, гулко забилось сердце, а тело охватила истома. Это не могло быть правдой. Этих детей наверняка родила Моана. Мальчика и девочку. Двойню. Марселя и Иветту. Маноа и Ивеа.

Эмили сжала руки. Молодой женщине чуди-

лось, что разочарование будет стоить ей если не жизни, то рассудка. В тот миг, когда Моана, неловко подобрав подол платья, ступила на берег, обжигающий, яркий луч рассеял внутреннюю тьму в душе Эмили. Одновременно земля под ее ногами дрогнула и покачнулась, и она упала на мягкий влажный песок.

Очнувшись, Эмили осознала, что это не сон. А еще поняла, что не ошиблась, потому что детей держал уже не Морис, не Моана, а Атеа. Его улыбка была гордой, теплой, нежной и, как ни странно, немного застенчивой. Эта прекрасная картина расплывалась перед взором Эмили, потому что на глаза то и дело наворачивались слезы.

Над ней склонилась Моана. Позади стояли несколько растерянные губернатор и его жена со своими людьми, а по другую сторону — свадебные гости, и местные, и фиджийцы, уже потерявшие надежду дождаться праздничного угощения.

Эти день и вечер запомнили многие. Во дворе дома священника развернулось настоящее действо.

Воздух наполнял барабанный бой: казалось, будто стучат десятки огромных сердец. Обмотанные тканью тела легко двигались вокруг костра; их танец повторяли весело метавшиеся тени.

Закатный свет причудливо переливался на залитых потом плечах и лицах танцоров, придавая темной коже красноватый оттенок.

Аппетитно пахнувшие свиные туши наконец извлекли из ям. К столь желанному туземцами мясу была подана папои ма, особым образом запеченная мякоть хлебного дерева, клубни таро и горы фруктов. Ради такого праздника отец Гюильмар разрешил выставить каву.

Для виновников торжества и почетных гостей он вынес бутылку шампанского, припасенную с незапамятных времен.

— Я давно решил, что открою ее лишь тогда, когда свершится настоящее чудо, — заметил он.

В ответ Морис Тайль поставил на стол вторую бутылку со словами:

— А это от меня. К счастью, у меня есть еще одна: завтра я преподнесу ее мсье Лаво.

В виду особых обстоятельств он счел возможным отказаться от ужина в доме губернатора и отправился к отцу Гюильмару.

Атеа и Моана пили шампанское по обычаям благородных полинезийцев: не касаясь губами края сосуда, а заливая напиток тонкой струйкой прямо в открытый рот. Морис и Эмили пытались им подражать, но у них ничего не вышло, что

вызвало дружный смех.

Мориса заинтересовала «Эмалаи». Узнав, что построенное Атеа судно может развивать скорость до тринадцати узлов в час, он был поражен:

— Так ведь она способна идти едва ли не быстрее большой парусной шхуны!

— Такова воля бога Тане, — скромно ответил полинезиец, заслужив очередной негодующий взгляд отца Гюильмара.

Впрочем в этот вечер все были настроены на редкость благодушно.

Эмили долгое время не могла оторваться от детей. Ей казалось чудом проводить руками по их золотистой коже, вдыхать их неповторимый запах, трогать ямочки на коленках и локотках, видеть сияние их темных глаз, любоваться их шелковистыми ресницами, губами цвета спелого граната, а особенно — слышать их лепет и смех.

Она неохотно оставила Маноа и Ивеа лишь тогда, когда они заснули сладким сном, а Морис Тайль сказал, что им всем необходимо поговорить.

Хотя его слова и были по-военному четкими и сухими, они проливались на ее сердце теплым дождем, успокаивая и согревая:

— Нам с Моаной пришлось усыновить Марселя и Иветту, чтобы увезти их из Англии, но с этим мы как-нибудь разберемся. Вернувшись во Францию, я узнал, что делу дали ход. Я побывал во многих ведомствах и рассказал все без утайки. С финансированием колоний по-прежнему плохо, но зато после проверки сведений, предоставленных мной и отцом Гюильмаром, власти приняли решение сместить здешнее начальство. И я всеми правдами и неправдами добился, чтобы меня отправили на Нуку-Хива. Разумеется, столь высокое назначение было для меня неожиданным, но постараюсь справиться.

— Наверное, вы успели привязаться к детям? — спросил отец Гюильмар.

— Конечно. Но надеюсь, в скором времени у нас появится свой ребенок. Моана беременна.

— С нами приехал еще кое-кто! — улыбнувшись, сказала полинезийка и спустила на пол крохотного котенка.

— В пути ей пришлось разрываться между заботами о детях и об этом животном, — усмехнулся Морис.

— Он приносит радость. Как и многое в нашей жизни, — сказала Моана.

Эмили тоже не могла нарадоваться, глядя на

цветущую молодую женщину. Когда она узнала, что им с Моаной больше нечего делить, с ее души упал груз. Она не знала, как отблагодарить полинезийку, но, похоже, та и не нуждалась в этом. Они вели себя, как подруги, и смеялись над тем, что теперь француженка одевается как туземка, а полинезийка носит европейские наряды.

С Атеа Моана держалась, как с братом. Они и впрямь были похожи: в них текла одна и та же древняя, пламенная, гордая кровь. Узнав, что Моана собирается навестить своего отца, Атеа сказал, что тоже хотел бы повидать Лоа и попросить у него прощения.

Морис Тайль завел речь о жемчуге:

— Послушай, Атеа, прежний начальник гарнизона все время твердил, что ты владеешь каким-то кладом. Он посылал меня за ним, но я ничего не нашел. Кроме этого. — Вынув небольшой мешочек, он осторожно высыпал на стол пригоршню жемчужин. — Я продал совсем немного, для того чтобы вернуться в Париж, а после — на Нуку-Хива. Остальное отдаю тебе.

Атеа сделал отрицательный жест.

— Никакого клада нет. Жемчуг принадлежит океану, моане. Я брал ровно столько, сколько мне было нужно для украшений и обмена на необ-

ходимые вещи. Природа никогда не отказывает тому, кто приходит к ней за своей долей сокровищ. Только не надо быть жадными.

— Это жемчужины из того ожерелья, которое Атеа надел мне на шею в день нашей первой, полинезийской свадьбы, — заметила Эмили. — Оно должно было принадлежать Моане, но его получила я. Полагаю, надо вместе решить, как им лучше распорядиться.

— Часть можно продать, а полученные средства расходовать на дела миссии. В конце концов, вы нам очень помогли, — сказал Морис священнику.

— Да, — откликнулся отец Гюильмар, — мы нуждаемся в деньгах. Я бы хотел, чтобы здесь была не только школа, но и больница. Кстати, Шарлотта Лаво обещала посодействовать этому.

— Мне понравилась жена губернатора, — промолвила Эмили, — она сказала, что у нас с ней будет много дел. Однако мы с Атеа должны вернуться на открытый нами остров. Там еще остались люди. И наша собака. Мы побоялись брать ее в такое путешествие. Она нас ждет.

— Собака? Это хорошо, — заметил отец Гюильмар, глядя на пушистый комочек, свернувшийся на коленях Моаны. — Я давно хотел завести на

Нуку-Хива домашних животных. Что касается вас, думаю, вы должны поселиться здесь или на Хива-Оа. Цивилизация наступает: рано или поздно белые причалят и к тому безымянному островку; и как знать, с какими намерениями? К тому же, мне кажется, ваши дети, когда они подрастут, должны посещать школу при миссии.

— Ты будешь править своим племенем, — добавил Морис Тайль, обращаясь к Атеа. — На Хива-Оа останется небольшой гарнизон и военная база, с этим ничего не поделаешь. Пойми, перемены неотвратимы, но не хочу, чтобы мы были врагами. Мы должны вместе идти вперед. И для этого нужен кто-то, понимающий наш мир и вместе с тем знающий души полинезийцев.

— Я подумаю, — сказал Атеа, — но если мы цивилизованные люди, было бы неплохо заверить наше соглашение какими-то бумагами.

Морис посмотрел на него с невольным уважением, а потом неожиданно обратился к Эмили:

— Я все думаю о поступке вашей матери…

Лицо молодой женщины залила краска.

— Возможно, когда-нибудь я ей напишу, и все же отныне моя семья — здесь. — Я никогда не вернусь в Европу, где считаюсь преступницей. Теперь мой дом — Полинезия.

— Я рад этому, — сказал Морис. — Что касается Элизабет Хорвуд, рано или поздно ей придется остаться наедине со своей совестью.

В конце вечера Атеа неожиданно заявил, что они с Эмили и детьми переночуют в другом месте. Никто не возразил: в доме отца Гюильмара и впрямь было тесновато.

Осторожно взяв на руки спящих сына и дочь, они вышли во двор. Атеа произнес небольшую речь: поблагодарил всех собравшихся и объявил фиджийцам, что после небольшого отдыха они поплывут обратно.

— Впрочем тот, кто сильно устал, — заметил он, — может остаться. Я найду вам замену.

Солнце наполовину скрылось. На фоне полыхающего неба резко чернели горы; их острые вершины были похожи на зубчатые башни старинных замков. Гребни разбивавшихся о коралловые рифы волн казались багровыми.

Атеа и Эмили медленно шли по тяжелому мокрому песку. Ветер развевал волосы женщины и концы ее покрывала. Она наслаждалась вольным простором, широтой неба над головой и давно утраченным, а теперь вернувшимся чувством свободы.

Убаюканные свежим воздухом и шумом волн

дети мирно спали на руках своих родителей. Атеа не мог налюбоваться Маноа и Ивеа и без конца восхищался ими.

— Их рождение доказывает, что ты и впрямь была предназначена мне!

— Жаль, что мой отец так и не узнал, что я вернулась в Полинезию, — заметила Эмили.

— Тот, кто ушел от нас на запад, за край земли, видит все и всех. Ему доступны те тайны, каких он не знал при жизни.

— Завтра встреча с губернатором. Что ты решил? — спросила Эмили, глядя на горизонт.

— Пока не знаю. Но я постараюсь сделать так, как будет лучше для всех нас. Главное, я не боюсь. В былые времена корабли моих предков без конца отправлялись в путь покорять новые земли. Наша жизнь — открытое море. «Эмалаи» выдержит. И мы непременно найдем то, что ищем, и то, что нам нужно.

На небольшом холме стоял ряд хижин. Не говоря ни слова, Атеа вошел в одну из них. Эмили последовала за ним.

— Ты помнишь это место? Это дом Теумере. Она была на нашей свадьбе, и я попросил ее уступить нам свою хижину.

Эмили улыбнулась. Она вспомнила. Именно

здесь они провели свою первую ночь. После всех волнений она совсем позабыла о том, что сегодня состоялась их свадьба!

Они осторожно уложили детей на циновку, а потом повернулись друг к другу.

В хижине царила совсем иная реальность, а то, что было снаружи, представлялось далеким и неважным. Они оба хотели забыть обо всем, быть только здесь и сейчас, они словно парили в призрачной вышине, не отягощенные земными заботами, и вместе с тем особенно остро ощущали друг друга.

В лунном свете кожа Эмили там, где ее не тронуло солнце, светилась подобно жемчугу, а тело Атеа казалось отлитым из бронзы. Их страсть была сильнее и жизни, и смерти, им чудилось, будто любовь струится по венам горячим потоком, приглушая чувство неуверенности, страха перед неведомым будущим и окончательно изгоняя боль.

В предутренний час они еще спали, дыша спокойно и глубоко, крепко и нежно обнявшись, похожие на единое существо. Казалось, их сны сливались, как сплетались их судьбы.

А снаружи мрак был пронизан огнем, небо залито расплавленным золотом. Огромное тем-

но-красное солнце вставало из-за горизонта, открывая врата нового дня и обещая рай тем, кто помнит легенды прошлого и верит в счастливое будущее.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.